

Министерство общего и профессионального образования
Российской Федерации

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Исторический факультет

Н О В И К

Сборник научных работ аспирантов
и студентов исторического факультета
Воронежского государственного университета

ВЫПУСК 3

Воронеж — 2000

ББК 63. 3. (0)
Н73

Новик: Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета Воронежского государственного университета. Вып. 3 / научн. ред. А.И.Филюшкин. Воронеж: ВГУ, 2000. с.

ISBN 5-85815-116-7

Сборник содержит статьи по древней, всеобщей и отечественной истории, вспомогательным историческим дисциплинам, написанные аспирантами и студентами исторического факультета ВГУ, достигшими наибольших успехов в научной работе.

Для научных работников, студентов, всех, интересующихся историей.

Редакционная коллегия: к.и.н. В.И.Беседин, Д.В.Ливенцев (зам. научн.ред.), Ю.В.Селезнев (отв.секр.), к.и.н.А.И.Филюшкин (научн.ред.), к.и.н.М.В.Цыбин.

Рецензент : к.и.н. В.И.Чесноков

Выпущено при содействии издательства
“Петровский сквер”

*Тираж 100 экз. Объем 8 п.л.
Типография ВГПУ, 394043, г. Воронеж, ул., Ленина, 86.*

ISBN 5-85815-116-7

© Авторы, 2000 г.
© Воронежский государственный
университет, 2000 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

- Л.Ю.Гончарова** К вопросу о “реализме” звериного стиля лесостепного Подонья IV – начала III вв. до н.э.
- В.А.Гончаров** Общественно-политический статус римского жречества по данным Тита Ливия
- Р.В.Гулюк,
А.А.Припадчев** Комплексы с наконечниками копий из Покровских курганов.
- Ю.А.Дубровский** Городища как тип археологических памятников в оценке Д.Я. Самоквасова
- М.А. Борисова** Изучение вопроса об этнокультурной принадлежности средневековых каменных изваяний южнорусских степей в отечественной науке XIX – начала XX века.
- А.В.Моисеев** П.Д. Либеров и изучение эпохи бронзы лесостепного Подонья.

ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

- А.Ю.Золотарев** Судебная система у салических франков в VI-VII вв.
- М. В. Ефремова** Средневековые города-крепости и особенности урбанизационного процесса в Сербии.
- И.А. Рунихин** Гвианские экспедиции Уолтера Рэли.

ИСТОРИЯ РОССИИ

- Ю.В.Селезнев** Ногай — полководец и политик Золотой Орды (исторический портрет).
- А.Н.Злобин** “Условно-ортодоксальное” направление в изобразительном искусстве России середины XVI века.
- Д.В.Ливенцев** Реорганизация русского флота и Морской учёный комитет в 60 – 70-х гг. XIX в.
- О.Ю.Михалев** Организации либеральной интеллигенции в Воронежской губернии в 1905 г.
- И.В.Иноземцев** Воронежская агрономическая организация и

ее место в проведении Столыпинской реформы (1906-1914 гг.)

ИСТОРИЯ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

- М.В.Кирчанов** Олбанийский план союза 1754 года и Статьи конфедерации 1774 года: содержание, особенности и роль в развитии североамериканской общественной мысли.
- А.В.Фененко** Место французского политического консерватизма в эволюции общеевропейской консервативной мысли конца XIX – начала XX вв. *(на материале работ М. Барреса)*.
- Е.А.Щепкин** Роль ФРГ в Европейском Сообществе в 1970-е гг.

К 60-ЛЕТИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ВГУ. ИСТОРИЯ АСПИРАНТСКОЙ И СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУКИ

- А.А.Припадчев** Студенческая и аспирантская наука на историческом факультете Воронежского Государственного университета
- В.Н.Ковалевский** Проблемный межвузовский семинар “Древние цивилизации”.
- В. А. Иванов** Археологический кружок исторического факультета ВГУ.

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

Л.Ю.Гончарова

К ВОПРОСУ О “РЕАЛИЗМЕ” ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ IV - НАЧАЛА III ВВ. ДО Н.Э.

Одной из характерных особенностей искусства звериного стиля лесостепного Подонья IV - начала III вв. до н.э. является своеобразный “реализм” изображений. В противоположность преобладавшей в данный период в скифском искусстве тенденции ко все большей стилизации и схематизации, местное искусство представляет собой пример развития естественности и разнообразия.

Оригинальные черты среднедонского звериного стиля давно привлекли внимание исследователей. П.Д. Либеров еще в 1965 г. охарактеризовал его локальное своеобразие как господство изображений, отражавших местную фауну (медведь, кабан, волк, лось, лошадь, баран, собака, заяц)¹. Позднее А.И. Шкурко отметил ряд специфических особенностей местного художественного метода. В первую очередь это сочетание живого и непосредственного восприятия облика зверя с натуралистическим примитивизмом его передачи².

Между тем, по замечанию Е.Ф. Корольковой, в свете современных методологических подходов к проблемам искусствоведения попытки трактовать образы древнего искусства как непосредственное отражение реальности признаются несостоятельными³. Изображения животных в зверином стиле предлагается рассматривать как сложные образы, знаки, фиксирующие различные мировоззренческие моменты и функционирующие в системе определенного кода. По мнению Д.С. Раевского, “символический, конвенциональный характер знаковой природы образов звериного стиля предполагает по существу безразличие к степени сходства с тем натуральным объектом, который выступает в роли означающего. Важно лишь сходство с теми изображениями этого объекта, которые уже выступали в роли знака, то есть с непосредственными образцами”⁴. Данный феномен, создав предпосылки для “иероглифизации” образов звериного стиля, собственно и объясняет нарастание с течением времени схематизма и орнаментализма скифского искусства в противоположной тенденции — развитии естественности изображений — ученые традиционно видят результат влияния античной художественной культуры⁵. Очевидно, данный вывод неприменим к искусству лесостепного Подонья вследствие удаленности данного региона от античных центров. Влияние это могло быть только опосредованным, через

территорию степной Скифии. Однако в IV - начале III вв. до н.э. степной звериный стиль переживал расцвет схематизации и декоративности и не мог служить посредником в передаче натуралистической художественной традиции.

Таким образом, ни внутренняя логика развития скифского звериного стиля, ни инокультурные влияния не могут объяснить формирование в лесостепном Подонье в IV в. до н.э. своеобразного “реалистичного” искусства. Термин взят в кавычки, поскольку здесь имеется в виду реализм не в буквальном смысле, как правдивое, объективное отражение действительности, а лишь по сравнению со “схематизмом”.

Не затрагивая сейчас вопрос о семантической основе среднедонского искусства, являлось ли оно и в данном регионе отражением определенного мировоззрения или лишь декоративным элементом, в целом чуждым сознанию местного населения, мы предприняли попытку исследования внешних проявлений локального “реализма”. Сравнительное изучение особенностей иконографии, выразительных средств трактовки образов, конкретных приемов пластической разработки формы и решения ее деталей в искусстве лесостепного Подонья и смежных территорий привело нас к следующему выводу. Целый ряд изображений среднедонского звериного стиля, действительно, передает образы представителей местной фауны. Однако эти изображения являются не первичным творчеством местного мастера, создававшего новые произведения, используя природные оригиналы, “живо и непосредственно” воспринимая облики животных, а вторичной реконструкцией из иноземных образов, преимущественно различных фантастических существ.

На первом этапе своего развития, вплоть до IV в. до н.э., звериный стиль лесостепного Подонья представлял собой комплекс изображений, заимствованных из других регионов, главным образом из Левобережного Приднепровья, также из Поволжья и Приуралья. Практически все известные местные образы находят себе близкие аналогии в искусстве указанных территорий. Иногда они являются лишь более упрощенными, неточными воспроизведениями оригинала.

В IV в. до н.э. ситуация в искусстве лесостепного Подонья резко меняется. Практически ни один из ранних образцов не получил здесь дальнейшего развития. Местная художественная традиция начинает свободнее оперировать различными образами и приемами их стилизации. Заимствованные изображения подвергаются значительному творческому переосмыслению, создается ряд совершенно оригинальных сюжетов.

Среднедонское искусство этого времени по-прежнему испытывает разнообразные внешние культурные воздействия: со стороны Скифии и, опосредовано, Фракии, Прикамья, Поволжья и Приуралья. Наконец, про-

слеживается сильное влияние прикубанского искусства, связанного, в свою очередь, с художественными традициями ахеменидского Ирана. Однако подавляющее большинство образов звериного стиля лесостепного Подонья IV - начала III вв. до н.э. является не простым заимствованием или копированием и даже не сплавом элементов различного происхождения, в чем исследователи часто видят специфику искусства того или иного региона⁶. Местное искусство на данном этапе дает нам замечательный пример творческого подхода к созданию зооморфных образов. В передаче локальной художественной традицией заимствованных изображений прослеживается вполне определенная тенденция, которую можно обозначить как восстановление черт реально существовавших животных в образах, ничего общего с реальным живым миром не имеющих.

Интенсивные контакты двух культурных традиций закономерно приводят к взаимопроникновению их отдельных элементов. Так, в скифском искусстве IV в. до н.э. в качестве фракийского “импорта” широко распространяется специфический прием орнаментации различных предметов звериного стиля полосами, штриховками и насечками⁷. В первую очередь в такой манере стали оформляться нащечные конские бляхи в виде задних лап животного (рис. 1, 1-2) и налобники особой формы (верхняя часть в виде полукруга, нижняя - неровный пятиугольник (рис. 1, 3-4)). В начале IV в. до н.э. на стыке скифского, фракийского и греческого искусств возник совершенно необычный образ, который в науке получил условное определение “петушка”⁸ (рис. 1, 3-4). По всей видимости, он явился модификацией стилизованного скифского мотива задней ноги животного, о чем свидетельствуют сходство изобразительной схемы и обязательное присутствие в нижней части фигуры двух завитков, в которые превратились звериные лапы. Орнаментальная разработка образа решена в типичном фракийском стиле: многочисленные насечки и штриховка.

Между тем, сам облик “петушка”: вытянутая головка, лепестки, завитки и хохолки на лбу и затылке, веерные плавники - напоминает гиппокампов, морских коньков, мотив, характерный для искусства греческого. Образ вскоре широко распространился по всей Скифии. Известен он стал и на Среднем Дону, но только в довольно необычной трактовке, в виде вполне определенной головки коня на бронзовой уздечной бляхе из кургана 9 у с. Дуровка (рис. 1, 5). С исходными прототипами его сближают выпуклые линии вдоль шеи, заканчивающиеся завитками, орнаментальные насечки по контуру фигуры и рудимент веерного плавника на загривке. Однако перед нами результат не механического копирования, а сознательной творческой мысли. Оригинал не просто повторен в упрощенном виде. В результате переработки у него отброшены именно

те детали, которые затрудняли бы восприятие нового образа, и наоборот, усилены черты (губы, глаза, уши), позволяющие узнать в изображении коня. Местный мастер должен был увидеть в абстрактных очертаниях гиппокампа-“петушка” облик знакомого животного и целенаправленно выделить его из орнаментальной схемы.

Эту же тенденцию демонстрирует нам и изображение на серебряном налобнике из кургана 11 группы Частых (рис. 1, 7). Как говорилось выше, налобники подобного типа, со скульптурной головой животного и щитком, орнаментированным во фракийском стиле, встречаются в степных скифских курганах повсеместно (Мелитопольский курган, гробница двух коней, курганы Козел, Огуз, Чертомлык (рис. 1, 6) и др.). Все изображения отличаются друг от друга лишь крайне незначительными деталями, везде мы видим головки каких-то непонятных, то ли ушастых, то ли рогатых зверьков (грифонов?) с раскрытыми пястями и схему из двух розеток по обеим сторонам неорнаментированной полосы, проходящей через центр щитка.

Налобник из Частых курганов стоит в этом ряду обособлено, щиток у него гладкий, без розеток, орнаментирован только насечками и прочерченными линиями. Сама фигура зверя лишена изогнутых рогов-ушей, пасть сомкнута, на лбу валик, возможно рог, показано каплевидное ухо. Облик животного напоминает барана, однако, допустимо и иное толкование. Валик на лбу имеет насечки, такие же насечки на затылке и загривке и передают они челку и гриву коня. Так или иначе, исходный образ слегка изменен, нереальные, непонятные детали убраны, необходимые добавлены и на налобнике появилось изображение, в котором можно разглядеть знакомые черты.

Необычные среднедонские изображения “лошадиных” головок с огромным глазом, по выражению А.И. Шкурко “миролюбивых, наивных и беспомощных”⁹, имеют своими возможными прототипами фантастические образы прикубанского искусства. Многочисленные протомы львиноголовых грифонов ахеменидского типа IV в. до н.э. (рис. 1, 8-10) и изображения на конских налобниках из кургана 14 у с. Русская Тростянка (рис. 1, 11) и кургана 1 у с.Мастюгино (рис. 1, 12) поражают сходством основных приемов стилизации: выпуклый глаз, обведенный рельефным валиком, ребро на шее, лотосовидная пасть. Среднедонские мастера вновь придали фантастическому зверю более “реальный” облик, в данном случае коня, убрав рог и переместив ромбовидный выступ на загривке вместо уха (ведь без рога животное получалось бы безухим). Даже если допустить, что изображение из Русской Тростянки является прямым импортом из Прикубанья или произведено от безрогого прототипа (известно несколько экземпляров), то мастюгинский образ полностью под-

тверждает указанную схему. Он изготовлен более грубо, несомненно является местным, характерны отсутствие рога и ухо на затылке. Между тем, известные прикубанские аналоги с S-образной пастью имеют рог, ромбовидный выступ помещен под рогом на загривке. Факт, что развитие образа шло именно из Прикубанья на Средний Дон а не наоборот, доказывают лотосовидные и S-образные пасти животных, черта, характерная для иранского искусства. Безусловно, вначале она должна была проявиться в регионе, сильнее подверженном ориентализации, именно — в Прикубанье.

Единственный относящийся к IV в. до н.э. среднедонской образ свернувшегося в кольцо хищника, помещенный на бронзовой уздечной бляхе из кургана 1 группы Частых (рис. 2, 4), кроме сходства композиционного решения не имеет ничего общего с предшествующим периодом. Местные образы V в. до н.э. (напр. рис. 2, 2) ведут свое происхождение от лесостепных днепровских аналогов (рис. 2, 1), близких, в свою очередь, памятникам типа изображения хищника на знаменитой уздечной бляхе из погребения 3 кургана Кулаковского близ г. Симферополя. Линия развития представляет здесь тенденцию к упрощению и схематизации образа, из которой зверь IV в. до н.э. из Частых курганов, с мягкими очертаниями тела, вновь “наивный и беспомощный”, полностью выпадает. Неудивительно, ведь он является представителем иной тенденции, имеет другие прототипы и художественно-стилистическую манеру воплощения. По ряду параметров среднедонской образ может быть сопоставлен с изображением свернувшегося зверя из кургана IV в. до н.э. у ст. Елизаветинской в Прикубанье (рис. 2, 3). Животных сближают мягкие очертания тела, лапы с пальцами-когтями, короткий хвост с расширением на конце, листовидное ухо с углублением в середине. Образ хищника из Прикубанья отмечен влиянием иранской художественной традиции, которой, как уже отмечено, была свойственна “лотосовидная” трактовка пасти а также выделение лопатки и бедра линиями особой конфигурации. Всю голову зверя занимает огромный глаз. На донском изображении эти детали отсутствуют, пасть и глаз более реалистичны вида, лопатка и бедро подчеркнуты спиральными завитками.

Скульптурная головка “зайца” на конском налобнике IV в. до н.э. из кургана шестой группы Частых (рис. 2, 7), возможно, появилась сходным путем, в результате лишения традиционных скифских грифонов разнообразных хохолков, рогов, острых клювов и рубчатых гребней (рис. 2, 5-6, 8-9).

Перед нами вновь примеры того, как местное искусство, сохраняя традиционную схему изображения, вносило изменения в иконографию. Этим путем непонятный, фантастический образ получал в лесостепном

Подонье сходство с привычным, знакомым местному населению животным.

Осмелимся с тех же позиций объяснить происхождение уникального среднедонского образа безрогого животного с повернутой назад головой и подогнутыми ногами, помещенного на широком конце золотого поясного крючка из могильника у с. Мاستюгино (рис. 2, 11). Это изображение традиционно определяется исследователями как образ оленя¹⁰. Между тем, зверь безрог, а одной из самых характерных особенностей скифских оленей были, как известно, ветвистые преувеличенные рога. Кроме того, у животного вместо копыт показаны лапы хищника. Смещение черт травоядного и хищного животного в одном образе - необычный для скифского искусства прием, более распространенный к востоку от Скифии, на территории Юго-Восточного Приуралья¹¹. Однако никаких иных параллелей, кроме сходства отдельного художественного элемента, в искусстве данного региона не прослеживается.

На территории Прикубанья в IV в. до н.э. известен целый ряд крайне любопытных изображений (рис. 2, 10). Исследовательница прикубанского варианта звериного стиля Е.В. Переводчикова трактует их как головы синкретических существ¹². По нашему мнению, эти головы вполне сопоставимы со среднедонским изображением целой фигуры безрогого "оленя": та же поза, поворот головы, расположение уха, большой круглый глаз, касающийся спины хоботообразный отросток на морде, передняя лапа, подтянутая к лопатке. Среднедонской мастер, познакомившись с прикубанскими образами, попытался воспроизвести их в более привычном для себя и окружающего населения виде, вычленив черты хоть какого-то знакомого животного, чтобы потом подчеркнуть их в своем произведении. В данном случае это удалось не вполне. Слишком сложен и нереален облик прикубанского зверя. Так и не установив, с образом какого животного следует соотнести свое изображение, мастер создал некое существо, все же более близкое к реальной фигуре зверя, чем исходный образец. К сожалению, среднедонской памятник происходит из разграбленного комплекса и приобретен А.А. Спицыным у частного лица, поэтому подкрепить данную схему эволюции хронологическим соответствием мы не можем. Пока это только предположение.

Безусловно, отмеченной тенденцией не исчерпывается все своеобразие среднедонского искусства данного периода. Местная художественная традиция создавала и развивала свои собственные образы, разрабатывала оригинальные композиционные решения и стилистические приемы. В целом, искусство лесостепного Подонья IV - начала III вв. до н.э. предстает перед нами как активная творческая сила, имеющая самостоятельную логику развития, а также избирающая в искусстве окружающих ре-

гионов образы и мотивы и воспроизводящая их в переосмысленном виде. Одним из определяющих направлений этого переосмысления и стало выявление в различных фантастических существах облика знакомых животных с последующим удалением фантастических и подчеркиванием “реальных” черт, позволявшее, с одной стороны, сохранить “каркас” изображения, с другой - вложить в него совершенно иное содержание.

¹ Либеров П.Д. Локальные особенности звериного стиля среднедонской культуры и отражение связей с внешним миром // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С.141.

² Шкурко А.И. О локальных различиях в искусстве Лесостепной Скифии // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С.100.

³ Королькова Е.Ф. Теоретические проблемы искусствознания и “звериный стиль” скифской эпохи. СПб., 1996. С.33.

⁴ Раевский Д.С. К характеристике основных тенденций в истории скифского искусства // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985. С.32

⁵ Там же. С.33; Хазанов А.М., Шкурко А.И. Влияние античной художественной культуры на искусство скифо-сарматского мира // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978. С.73, 74.

⁶ Переводчикова Е.В. Локальные черты скифского звериного стиля Прикубанья // СА. 1987. ?4.С.54.

⁷ Мелюкова А.И. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С.117.

⁸ Ильинская В.А. Скифская узда IV в. до н.э. // Скифские древности. Киев, 1973. С.57.

⁹ Шкурко А.И. Указ. соч. С.100.

¹⁰ См. напр.: Пузикова А.И. Скифы Среднего Дона. М., 1995. С.30.

¹¹ Гуляев В.И. Зооморфные крючки скифского периода // МИА. 1969. ?151.С.115.

¹² Переводчикова Е.В. Указ. Соч. С.48.

В.А. Гончаров

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТАТУС РИМСКОГО ЖРЕЧЕСТВА ПО ДАННЫМ ТИТА ЛИВИЯ.

При изучении римского жречества наиболее интересным является вопрос о его общественно-политическом статусе, а конкретнее — о полномочиях священнослужителей в религиозной и политической сфере, об отношениях светской и сакральной власти и их представителей, о месте жрецов в системе римского общества, об их участии в политической жизни и т.д. К настоящему времени вышеперечисленные проблемы, так или иначе, затронуты в десятках научных работ. Большинство современных исследователей, продолжая линии, заложенные в классических трудах Г.Виссова и С.Бэйли,¹ сходятся на том, что римское жречество, не являвшееся отдельной “кастой”, никогда не занимало независимого положения по отношению к государству. Оно представляло собой определенную часть управленческого аппарата, ответственную прежде всего за оп-

правление государственного культа². Однако остаются спорными вопросами степень зависимости священнослужителей от светской власти, об их возможности влиять на политику, о широте функций в сакральной сфере и т.п. Если одни исследователи видят в жрецах суверенных должностных лиц или даже весьма могущественных защитников интересов традиционной элиты³, то другие отказывают им в возможности серьезно влиять даже на религиозную жизнь, называя их всего лишь помощниками или консультантами магистратов⁴.

В своих выводах все вышеупомянутые авторы, естественно, опираются на достаточно широкий круг письменных источников, среди которых самое значительное место занимает труд одного из крупнейших римских историков Тита Ливия, условно именуемый “Историей Рима от основания Города” (*Ab Urbe condita*). Он вполне заслуженно оценивается как наиболее полное собрание фактов по политической и культурной истории Рима от легендарных начал Города до сер. II в. до н.э.⁵. Именно поэтому внимательное рассмотрение информации, которую мы можем почерпнуть из “Истории” Ливия, имеет чрезвычайно большое значение для разрешения целого ряда вопросов, связанных с проблемой социально-политического положения римского жречества.

В первую очередь, думается, необходимо отметить хорошо заметное у Ливия и характерное для римской *цивitas* взаимопроникновение сакральной и политической сфер, нашедшее свое выражение как в прямом участии представителей светской власти в религиозных делах, так и в совмещении жреческих и административных постов, а также во влиянии священнослужителей на политическую жизнь.

Вполне возможно, что истоки подобного положения лежат в периоде формирования римской государственности, когда во главе складывавшейся раннеполитической структуры встал племенной предводитель — рекс, объединивший в своих руках и политическую, и сакральную власть⁶. Так, Ливий отмечает совершение римскими царями жертвоприношений (I,14,2; I, 28,2; I,31,8; I,44,2), закладку храмов (I,10;12; I,19,1), осуществление целого ряда других священнодействий (I,20,1-7; II,2,1), в том числе и гаданий на птицах (I,6,4; I,36,3). Более того, большинство основных жреческих коллегий являлось непосредственным созданием царей и было поставлено в определенную зависимость от них (I,20,1-7- Нума Помпилий назначает фламинов, весталок, салиев, понтифика и определяет круг их функций; I,32,5- Анк Марций заимствует у эквицолов фециальное право; IV,4,2- “ни понтификов, ни авгуров при Ромуле не было - учредил их Нума Помпилий”).

В то же время, в отдельных случаях вышеупомянутое учреждение жреческой коллегии, очевидно, означало лишь придание официального

статуса уже существовавшему институту — в частности, наличие профессиональных птицегадателей отмечается Ливием даже до принятия царской власти Нумой (I,8,6-10- птицегадатель-авгур “вопрошает богов” по поводу вступления Нумы Помпилия на престол). Возможно, в подобных случаях зависимость от царя сочеталась с сохранением определенной связи и с родоплеменными структурами, что на определенных этапах проявлялось даже в оппозиционных выступлениях жречества по отношению к отдельным мероприятиям, инициированным царской властью (I,36,3- столкновение Тарквиния Древнего с авгуром Аттом Навием).

После установления Республики и учреждения новых государственных институтов, очевидно, постепенно складывается и система их функционирования в вопросах государственного культа, направленного на сохранение *рaх деогит*, что считалось не менее важной задачей, чем гражданское управление. Судя по всему, во главе сакральной сферы в это время встал сенат, взявший на себя координирующую функцию по отношению к исполнителям государственных священнодействий. Так, в большинстве случаев о неблагоприятных знаменьях, свидетельствовавших о нарушении *рaх деогит*, докладывали сначала в сенате, который затем либо самостоятельно распоряжался провести те или иные священнодействия (III,63; V,23,3; XXXI,5,3; XLI,17,4), либо (чаще всего — в более сложных случаях) обращался за советом к жрецам (XXXIII,31,13 — призыв авгуров; XXXII,1,13 — в сенат призывают гаруспиков; XLII,20,2-4 — сенат запрашивает гаруспиков о знаменьях; V,13,5; XXI,62,6; XXII,36,6 и т.д. — жрецы священнодействий прибегают к толкованию Сивиллиных книг по постановлению сената; V,25,7; XXII,9,11; XXIX,19,8 и т.д. — сенат обращается за советом к коллегии понтификов) и только после этого назначал проведение молебствий или очистительных жертвоприношений (XXII,9,8-11; XXXVII,3,5 — сенат распоряжается провести священнодействия после консультаций с Сивиллиными книгами; XXXII,1,13 — сенат назначает молебствия по совету гаруспиков; XLI,16,1-6 — сенаторы приказывают принести жертвы, “которые назначат понтифики”).

Выполнение сенатских распоряжений возлагалось чаще всего на светских магистратов (консулы, диктаторы, военные трибуны, преторы, цензоры), которые иногда контролировали исполнение предписаний жрецов народом (XXXI,12,10), а в большинстве случаев сами участвовали в священнодействиях (принесение обета — IV,27,2; VII,9,4-5; XXXVI,2,3-4; жертвоприношение и молебствия — XXII,9,11; XXIV,44,9; XXVII,26,14 и т.д.) Нередко это происходило под контролем жрецов (VIII,9,4-5; XXXVI,2,3-4; XLII,28,9 — великий понтифик подсказывает консулу слова обета; XXVII,26,14 — гаруспики следят за жертвоприношением, со-

вершаемым консулом; XXXVI,37,5 — децемвиры консультируют консула по вопросу о жертвоприношениях).

Именно вышеприведенные данные о процессе функционирования республиканского государственного аппарата в сакральной сфере стали основой для точки зрения о том, что истинными представителями гражданского коллектива перед богами в Древнем Риме являлись магистраты и сенат, а жрецы выступали лишь в роли помощников и консультантов в отправлении государственного культа⁷. Подчиненное положение жречества по отношению к высшим органам светской власти подтверждается и описываемыми в “Истории” эпизодами о взыскании с авгуров и понтификов налогов (XXXIII,42,2-4), а также о разбирательстве спора между великим понтификом и фламинем Квирина в сенате и народном собрании (XXXVII,51,1-5).

В то же время, не следует и преуменьшать роль римских священнослужителей. Анализируя содержащуюся в произведении Ливия информацию, в сфере отправления религиозных обрядов наряду с чисто консультативными у римских жрецов можно выявить и исполнительные функции (V,13,5; X,8,2; XXII,1,19; XXV,12,13 и т.д. — жрецы по священным делам проводят священнодействия, посвященные иноземным богам; V,41,3 — великий понтифик самостоятельно произносит посвятельное заклинание; XXXVII,3,1 — понтифики участвуют в совершении искупительных обрядов; XL,37,2- великому понтифику приказывают “постараться смягчить гнев богов”). Кроме того, и сама зависимость жрецов от сената, по-видимому, не была всеобъемлющей, поскольку Ливий описывает немало случаев, когда молебствия и жертвоприношения совершались по их требованию и без упоминания *senatus consultum* (XXXVI,37,2; XL,2,3 — гаруспики приказывают провести священнодействия; XXXVIII,36,4; XL,19,5 — обряды совершаются по указанию децемвиров; XXX,2,13; XXXIV,44,1; XL,19,2 — инициативу в религиозных вопросах проявляют понтифики).

Более того, упомянутое выше взаимопроникновение гражданской и сакральной сфер проявлялось не только в общем главенстве сената в религиозных вопросах и выполнении отдельных священнодействий магистратами, но и в воздействии жречества на политическую жизнь. Конечно, ряд жреческих коллегий концентрировал свою деятельность исключительно на сфере сакрального (IV,54,7 — салии и фламины названы “жрецами толпы, лишенными не только военной, но и гражданской власти”; XL,42,8 — запрещение царю священнодействий занимать государственные должности). Однако другие организации служителей культа, опираясь на свои достаточно широкие религиозные функции и высокое значение религии (в частности, различных предзнаменований) в жизни

граждан римской цивитас⁸ обладали весьма значительными возможностями влияния на политику.

Проникновение священнослужителей в гражданскую сферу, судя по Ливию, происходило прежде всего в форме совмещения жреческих постов с административными, фиксируемом историком у авгуров (XXII,35,2; XXIII,30,15; XXX,26,7), понтификов (XXVII,6,17; XXVII,21,5; XXVIII,38,12 и т.д.) и даже фламинов (XXXII,7,14; XXXVII,50,8 и т.д.), которые также обладали правом присутствия в сенате (XXVII,8,7). Воздействие же жрецов на политику осуществлялось чаще всего в препятствовании принятию тех или иных политических решений под предлогом “неблагоприятных знамений и т.п. (III,10,7 — жрецы священнодействий дают предостережение не затевать смут, что плебейскими трибунами расценивается как умышленное препятствование предложенным ими законопроектам; VIII,15,6; VIII,23,14; XXIII,31,13 — изначально чисто патрицианская коллегия авгуров препятствует избранию плебеев на высокие государственные должности; XXXI,5,7 — сенат выслушивает афинских послов только после того, как гаруспики объявили о благоприятных знамениях). Кроме того, Ливием зафиксирован случай осуществления контроля за выборами народных трибунов со стороны великого понтифика (III,54,11), а в перифразах (ер. XLVII) вообще отмечено, что “права священнослужителя выше прав должностного лица”.

Конечно, по тексту Ливия видно, что воздействие священнослужителей на политическую жизнь осуществлялось не в интересах собственно жреческого сословия (отсутствие которого в Риме доказано уже давно)⁹, а прежде всего в рамках борьбы патрициев с плебеями, однако полностью отрицать наличие подобного воздействия нельзя.

Очевидно, именно возможность влияния на политику и обусловила стремление плебеев получить доступ в важнейшие в этом плане жреческие коллегии, в конце концов увенчавшееся успехом. Так, в 367 г. до н.э. число жрецов, хранивших Сивиллины книги, было увеличено до десяти человек, пять из которых были избраны из плебеев (VI,42,2), а в 299 г. до н.э. подрыв патрицианской “монополии” на жреческие должности был закреплен появлением пяти плебейских авгуров и четырех понтификов в дополнение к уже существовавшим четверкам жрецов (X,9,1-2).

Подводя итог всему вышесказанному, заметим, что, согласно данным Тита Ливия, римское жречество с самого начала своего существования было поставлено в зависимость от носителей верховной светской власти (будь то единоличный правитель — рекс или коллективный орган — сенат). Однако зависимость эта не была всеобъемлющей: если в царский период священнослужители могли выступать в качестве оппозиции рек-

су, то в эпоху Республики они были включены в систему нового государственного аппарата, став своеобразными магистратами, ответственными за отправление обрядов государственного культа. Он проявлялся в непосредственном осуществлении священнодействий, так и в контроле над их исполнением гражданскими магистратами и римским народом. В ряде случаев они стояли выше гражданских должностных лиц и сохранили определенную свободу действий в религиозной сфере, а также возможность воздействия на политику (прежде всего - в интересах традиционной элиты).

¹ Wissowa G. Religion und Kultus der Romer. Munchen, 1912; Bailey C. The Religion of Ancient Rome. London, 1921.

² Немировский А.И. Идеология и культура Раннего Рима. Воронеж, 1964. С. 4,130,177; Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. С. 98; Сморгчов А.М. Сакральные основы формирования римской цивитас. М., 1991. С. 14-16; Он же Римское публичное жречество: между царской властью и аристократией // ВДИ, 1997, №1. С. 45 и др.

³ Немировский А.И. Указ. соч. С.4; Штаерман Е.М. Указ. соч. С. 78,84.

⁴ Beard M., North J. Pagan priests. Religion and power in the ancient world. London, 1990. P.34; Сморгчов А.М. Сакральные основы... С.14-16.

⁵ Немировский А.И. Рождение Клио: у истоков исторической мысли. Воронеж, 1986. С. 224; Бокшанин А.Г. Источниковедение Древнего Рима. М., 1981. С. 29,60.

⁶ Фрззер Дж.Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 19,194; Штаерман Е.М. Указ. соч. С.70; Куббель Л.Е. Очерки потестарно- политической этнографии. М., 1988. С. 55, 82.

⁷ Wissowa G. Op. cit. S. 410; Beard M. Priesthood in the Roman Republic // Pagan priests. P.34; Сморгчов А.М. Сакральные основы... С. 14,16; Он же Коллегия понтификов и гражданская община (IV-II вв. до н.э.) // Религия и община в Древнем Риме. М., 1994. С. 46-48, 66.

⁸ Кнабе Г.С. Рим Тита Ливия- образ, миф, история // Ливий Тит История Рима от основания Города. Т.3. М.,1994. С.623; Зелинский Ф.Ф. История античной культуры. СПб., 1995. С.292; Штаерман Е.М. Указ. соч. С. 73; Чернышов Ю.Г. Государство и прорицатели в Древнем Риме // Социальные структуры и социальная психология античного мира. М., 1993. С.200.

⁹ Bailey C. Op. cit. P.28; Немировский А.И. Указ. соч. С.176; Штаерман Е.М. Указ. соч. С.98.

Р.В. Гулюк, А.А. Припадчев.

КОМПЛЕКСЫ С НАКОНЕЧНИКАМИ КОПИЙ ИЗ ПОКРОВСКИХ КУРГАНОВ.

Одним из наиболее значительных образований эпохи средней бронзы доно-волжской-уральской лесостепи и прилегающих территорий лесной и степной зон Евразии является абашевская культурно-историческая общность. Ее хронологические рамки – вторая четверть – середина II тыс. до н. э. В последние годы она оказалась в центре внимания исследователей в связи с осмыслением роли пастушеских скотоводов эпохи бронзы в развитии цивилизационных процессов на территории Старого

Света во II тысячелетии до н.э. Данная тема актуальна и для поисков “прародины” индоариев¹.

При рассмотрении доно-волжской абашевской культуры отдельными учеными ставится под сомнение правомерность ее выделения. При этом ее подменяют термином “покровская археологическая культура”. Статус последней остается предметом острых дискуссий².

Комплексы с наконечниками копий из Покровских курганов традиционно рассматривались в рамках срубной культуры. Именно такую оценку они получили в работах П.С. Рыкова, О.А. Кривцовой-Граковой, Н.Я. Мерперта и ряда других исследователей³. Следует заметить, что авторы отмечали существенную близость копий из Покровских курганов с аналогичным материалом из сейминских захоронений. Вопрос о принадлежности комплексов с копьями абашевской культуре долгое время не ставился из-за малочисленности абашевских памятников в Нижнем Поволжье.

Ситуация меняется с середины 60-х гг. Это связано с работами К.В. Сальников на Урале и П.Д. Либерова на Дону. В их трудах погребения с наконечниками копий из Покровских курганов получают уже абашевскую интерпретацию⁴. Абашевскую (или срубно-абашевскую) атрибуцию наконечники получают и в работах Е.Н. Черных, который на основе спектрального анализа и технологии изготовления отнес их к абашевской традиции металлургии и металлообработки⁵.

Оценка захоронений с копьями с позиции доно-волжской абашевской культуры находит свое отражение в работах А.Д. Пряхина. Исследователь первоначально рассматривал их как синкретические абашевско-срубные⁶, а затем включил их в число памятников переходного типа от доно-волжской абашевской в срубную культуру⁷.

Не менее убедительную аргументацию комплексов с наконечниками копий как абашевских привел В.И. Сагайдак, выделив две группы погребений в Покровском могильнике. Комплексы с наконечниками копий, по его мнению, попадают в I-ю группу – абашевскую⁸.

В настоящее время можно говорить о трех основных подходах к проблеме интерпретации абашевско-срубных памятников, куда включаются и комплексы с наконечниками копий. Первый подход сформулирован А.Д. Пряхиным. Это трансформация доно-волжской абашевской культуры в срубную⁹. Второй – это выделение абашевско-срубных памятников в отдельную “покровскую” культуру¹⁰. Третий — предложен А.Т. Синюком. По его мнению, подобные памятники следует выделить в покровско-абашевскую культуру¹¹.

В последнее время появились работы, оценивающие комплексы с копьями, как принадлежащие срубной культуре¹² и покровской культу-

ре¹³. Имеет свою перспективу их оценка с позиций доно-волжской абашевской культуры. В свете сказанного необходимо опубликовать результаты раскопок в 20-е годы Покровских курганов под руководством П.С. Рыкова. Прежде всего, следует обратиться к тем комплексам, в которых содержится наибольшее количество датирующих артефактов. Это погребения 3 кургана 7, погребение в кургане 8 и погребение 2 кургана 15¹⁴.

В кургане № 7 нас интересует погребение № 3, которое имело прямоугольную форму и было ориентировано по линии север-юг. Размеры могильной ямы 4х2,56х2,16 м. В могильной яме прослеживалась деревянная конструкция — сруб. В могиле находился скорченный костяк мужчины, ориентированный по линии северо-запад с небольшим отклонением на север. Костяк лежал слабо скорченно, на левом боку; кисти рук находились перед лицом умершего. В могиле обнаружены: глиняный сосуд с округлым ребром и ярко выраженной шейкой (рис. 1,1), медный нож-кинжал (рис. 1,2), костяная трубочка (свирель) (рис. 1,3), свернутая в кружок медная ленточка, бронзовый предмет в виде овальной, перегнутой вдоль своей длинной оси, пластины (рис. 1,4), бронзовый нож, четырехгранный в поперечном разрезе, с черенком (рис.1,5) и бронзовое копье листовидной формы (рис.1,6). На основании ромбической в сечении втулки копья имеется небольшое расширение (муфта), а также небольшое ушко. Длина копья 25 см. На костяке были найдены: кремневый наконечник стрелы (рис. 1,7), костяной полый цилиндр (рис. 1,8), бронзовая округлая палочка (рис. 1,9).

Костяк лежал на деревянной подстилке. В головах умершего находилась кучка угля и зола. В заполнении могилы были обнаружены кости барана и коровы.

Курган № 8 имел в диаметре 20 м и в высоту 0,72 м. В кургане было обнаружено одиночное погребение – кенотаф (?). Могильная яма прямоугольной формы ориентирована по линии север-юг, имела размеры 3,7X2,16X1,0 м. В могиле были зарегистрированы остатки столбов, вероятно, от сруба.

В могиле обнаружены: глиняный сосуд со слегка выпуклыми стенками и сильно отогнутым венчиком (рис. 1,10), 5 кремневых и 2 костяных наконечника стрел (рис. 1, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17), бронзовый нож с обломанным черенком (рис. 1, 19), бронзовый наконечник копья, сходный по форме с копьем из кургана № 7 (рис. 1, 18). Длина его – 21,3 см. В могиле отмечены остатки золы и кости животных.

Курган № 15 был в диаметре 22 м и в высоту 1,03 м. Интересующее нас погребение №2 прямоугольной формы с закругленными углами было ориентировано по линии север-юг. Сверху могила была перекрыта пла-

хами и глиной. Ее размеры: длина – 4,32 м, ширина – 3,33 м, глубина – 2,85 м. На перекрытии найдены кости коровы и барана.

В могильной яме обнаружен костяк мужчины на левом боку, слабо скорченный, головой ориентированный к северу. Кисти рук расположены у лица умершего. В погребении найдены: глиняный сосуд со слегка выдающимися ребрами, орнаментированный четырьмя рядами округлых ногтевых вдавлений (рис. 1, 21), три шила в футлярчиках из кожи (рис. 1, 22, 23, 24), сломанные костяные пластинки, орнаментированные перекрещенными линиями и бронзовый наконечник копья с кованой втулкой (рис. 1, 25). Оперенная часть копья имеет продольную грань, которая в сечении образует ромб. Втулка копья несомкнутая, разрезана вдоль и имеет в основании два сквозных отверстия для скрепления с рукоятью. Длина копья – 21,5 см.

Около костяка лежали два кремневых наконечника стрел (рис. 1, 26, 27) и костяной трехгранный наконечник стрелы. У пояса умершего были рассыпаны мелкие бусы (рис. 1, 28), и бронзовые пронизки. Костяк лежал на растительной подстилке.

Попытаемся провести анализ данных комплексов. Так как наиболее культурно-определяющим индикатором является керамический материал, то проведем аналогии. Керамика из комплексов в курганах № 7 и 8 обнаруживает большое сходство с керамикой с территории Среднего Дона. Сосуды подобной формы и орнаментации едва ли не самые распространенные¹⁵. В качестве примера можно привести сосуды похожих форм из курганов № 14 и 41 урочища “Частые курганы”¹⁶, в погребении 2 кургана № 42/45 у с. Мاستюгино¹⁷, в погребениях 2 и 5 кургана 23/41 Подклетенского могильника¹⁸, кургане 3 у с. Большие Ясырки¹⁹ и ряде других памятников. Сосуд из погребения 2 кургана № 15 также имеет аналогии на территории Среднего Подонья. Это сосуд из погребения 4 кургана № 9 Левобережной Березовской группы²⁰, керамика с поселения № 8 у с. Вознесенка²¹ и с других памятников.

Если рассматривать аналогии комплексам, то наибольшую близость комплексу из кургана № 7 проявляет погребение 3 кургана № 1 парной курганной группы Селезни-2²². Копье из этого кургана относится к тому же типу (КД – 30 по Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых), что и копье из кургана № 7 Покровского могильника. Керамика погребения 3 кургана № 1 парной курганной группы Селезни-2 представлена двумя сосудами, один из которых, крупный колоколовидный сосуд, близок по профилю сосуду из погребения 3 кургана № 7. Следует так же отметить, что в тесте сосудов из вышеуказанных комплексов из Покровских могильников присутствует примесь ракушки.

Копье из комплекса кургана № 8 имеет аналоги в Сейминском и Решенском могильниках и относится к разряду КД-28 (по Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых). Если брать аналогии этому комплексу из Решенского могильника,²³ то налицо все признаки абашевской культуры. Из Решенского могильника происходит абашевский остререберный сосуд²⁴, кремневые наконечники стрел аналогичные стрелам с территории Подонья²⁵. Территориально Решенский могильник тяготеет к территории доно-волжской абашевской культуры²⁶.

Копье из погребения 2 кургана № 15 имеет аналоги в Кондрашкинском кургане, в погребении 4 кургана № 6 VI Утевского могильника, в Синташтинских могильниках и относится к разряду КД-4 (по Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых). Если брать аналогии с территории Подонья, то следует в данном случае обратиться к комплексу из Кондрашкинского кургана. Оба копья, из кургана № 15 Покровского могильника и Кондрашкинского кургана, сближают общие технологические приемы при их изготовлении²⁷.

В заключении, следует отметить, что в комплексах с наконечниками копий из Покровских курганов налицо весь набор абашевских признаков: наличие ракушки в тесте сосудов, колоколовидность форм в керамике, определенные доно-волжские абашевские металлургические традиции в копьях. Богатый погребальный инвентарь позволяет включить подобные погребения в число социально значимых захоронений доно-волжской абашевской культуры, что говорит об интерпретации их как абашевских, а не “покровских”, и уж точно не срубных.

---

¹ Пряхин А.Д. Цивилизационный подход в оценке скотоводческого пояса Евразийской степи и лесостепи эпохи бронзы // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. – V в. н. э. Тирасполь, 1994. С. 108-109 и др.; Лузянина Е.Ю. В.Ф. Генинг и изучение проблемы прародины индоиранцев // Археология восточно-европейской лесостепи. Воронеж, 1997. Вып. 10. С. 86-89.

² Малов Н.М. О выделении покровской культуры // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Саратов, 1991. С. 50-53.; Отрошенко В.В. К вопросу о покровской срубной культуре // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов, 1997. С. 70-72.; Кузьмина О.В. Соотношение абашевской и покровской археологической культур // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита - бронзы Средней и Восточной Европы. СПб., 1995. Ч. 2., С.27-51.

³ Рыков П.С. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. // Известия Саратовского (Нижеволжского) института краеведения. Саратов, 1926. Т. 1. С. 42-47; Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. М., 1955. С. 63.; Мерперт Н.Я. Срубная культура Южной Чувашии // МИА. М., 1962. № 111. С. 18-19.

⁴ Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967. С. 133; Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964. С. 111-156; его же. О хронологии абашевской культуры // СА. 1977. № 3. С. 51.

- ⁵ Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970. Таб. I, анализы № 1655, 1659, 1662.; Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989. С. 64-65, 79.
- ⁶ Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977. С.34.
- ⁷ Пряхин А.Д. Доно-волжский компонент в Сейминском могильнике // Некоторые проблемы Сибирской археологии. М., 1988. С. 21; его же. Размышления в связи с феноменом покровских древностей // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1996. Вып. 5. С. 29-34.
- ⁸ Сагайдак В.И. О двух группах погребений Покровских могильников в Нижнем Поволжье // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979. Т. 230. С. 63, 65.
- ⁹ Пряхин А.Д. Доно-волжская абашевская культура (историографический очерк) // Исторические записки. Воронеж, 1997. Вып.2. С. 149-165; Беседин В.И. Об одном "новом" подходе к оценке абашевских древностей // Доно-донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. Воронеж, 1996. С. 24-26.; Матвеев Ю.П. Срубно-абашевские погребения переходного типа Волго-Донского междуречья // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1999. Вып. 13. С. 60-71 и др. работы.
- ¹⁰ Малов Н.М. О выделении покровской культуры // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Саратов, 1991. С. 50-53; его же. Погребения покровской культуры с наконечниками копий // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1999. С. 95-98 и др.
- ¹¹ Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996. С. 190-218; его же. Бассейн Верхнего и Среднего Дона в эпоху энеолита // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1999. С. 42.
- ¹² Памятники срубной культуры Волго-Уральского междуречья. Саратов, 1993. Таб. I. № 154, 155, 160.
- ¹³ Малов Н.М. Погребения покровской культуры с наконечниками копий. М., 1999. С. 95-98.
- ¹⁴ При описании погребений использовалась следующая литература: Tallgren A.M. La Pontide prescythique apres l introduction des metaux // ESA. 1926. II. P. 74-76; Памятники срубной культуры Волго-Уральского междуречья. Саратов, 1993. Таб. I, № 154, 155, 160.
- ¹⁵ Сагайдак В.И. Указ. соч. С.63.
- ¹⁶ Либеров П.Д. Племена эпохи бронзы ... рис. 9, 5; 19, 6 .
- ¹⁷ Пряхин А.Д. Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1971. С.133. рис. 38,5.
- ¹⁸ Пряхин А.Д. Отчет об археологических исследованиях на территории Воронежского археологического микрорайона (Воронежская обл.) и о раскопках Лавского городища (Липецкая обл.) в 1994г. // НА АМВУ Р-1, 110. Рис. 6,4.
- ¹⁹ Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж, 1988. Рис. 16, 3.
- ²⁰ Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Указ. Соч. Рис. 26, 3.
- ²¹ Либеров П.Д. Племена эпохи бронзы ... Рис. 48, 6.
- ²² Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры. // Археологические памятники Донского бассейна. Воронеж, 1998. Вып. 3. С. 17-18, рис. 9.
- ²³ Бадер О.Н., Черников В.Ф. Новый могильник сейминского типа на Оке // СА. 1978. № 1. С.250-253.
- ²⁴ Пряхин А.Д., Беседин В.И. Острорезберные абашевские сосуды Доно-Волжского региона // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1998. С. 69, рис. 5, 12.
- ²⁵ Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники ... Рис. 7, 18; 9,16-18; Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Указ. соч. Рис. 9, 5-7; рис. 50, 6; Пряхин А.Д., Беседин В.И., Левых Г.А., Матвеев Ю.П. Кондрашкинский курган. Воронеж, 1989. Рис. 6, 1-25.
- ²⁶ Пряхин А.Д., Беседин В.И. Указ. Соч. Рис. 1 (карта), № 34.
- ²⁷ Пряхин А.Д., Беседин В.И., Левых Г.А., Матвеев Ю.П. Указ. соч. С. 6.

ГОРОДИЩА КАК ТИП АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ОЦЕНКЕ Д.Я. САМОКВАСОВА

Дмитрий Яковлевич Самоквасов (1843-1911) — известный русский историк, археолог и архивист, внесший немалый вклад в развитие отечественной науки. Начало его ученой карьеры связано с выходом в свет в 1873г. книги “Древние города России” (являющейся одновременно магистерской диссертацией). Этот труд стал поворотным рубежом в историческом осмыслении таких важных археологических памятников как городища. До этого в научных кругах преобладало мнение, что городища (“городки”) являются не чем иным, как местами бывших языческих богослужений. Исследования Самоквасова, напротив, убедительно показали их жилой и военно-оборонительный характер. Выяснение исторической роли городищ позволило ввести их в круг важных памятников отечественной истории.

К сожалению, советская историография, традиционно зачислявшая Самоквасова в реакционный дворянско-монархический лагерь, не уделяла достаточного внимания его работам. И лишь в последние годы интерес к этому незаурядному ученому стал возрождаться¹. Тем не менее, имеет смысл подробнее остановиться на анализе взглядов Д. Я. Самоквасова относительно исторического значения городищ и, прежде всего, на его работе “Древние города России”, где наиболее полно раскрыты суждения ученого по данной теме.

К началу 70-х гг. XIX в. одним из важнейших вопросов в отечественной археологии оставался вопрос об интерпретации славяно-русских городищ. Споры по этой проблеме велись еще с 1823 г. Начало дискуссии положили исследования З. Доленги-Ходаковского (А. Черноцкого) и К. Ф. Калайдовича. Ходаковский выдвинул теорию о том, что городища являются остатками славянских языческих святилищ.² Калайдович же настаивал на жилом значении этих археологических памятников.³ Расхождения во взглядах были во многом обусловлены тем, что оба исследователя не вполне четко указали, о каких именно городищах идет речь (Ходаковский имел в виду славянскую дохристианскую эпоху, а Калайдович в своих доказательствах опирался на древнерусские памятники). Этот немаловажный аспект не был замечен другими историками, принявшими участие в дискуссии, большинство из которых поддержали теорию Ходаковского.⁴

Таким образом, вопрос об историческом значении городищ оставался открытым. Между тем, его решение оказало бы существенную помощь в

выяснении причин и времени возникновения древнейших городов Древней Руси, их количества и места в общественной жизни восточных славян до татаро-монгольского нашествия. Об этом не раз заявляли многие видные историки того времени. В частности, К. Н. Бестужев-Рюмин, называя среди исторических источников городища, сожалел о том, что не смог воспользоваться материалами изучения этих памятников по причине отсутствия таковых. “Самые важные вопросы для всей русской истории в центральных губерниях, а сюда почти не заходили работники”, - писал он⁵.

Впервые с необходимостью привлечения археологических материалов Д.Я. Самоквасов столкнулся в 1869 году, собирая материал для своей магистерской диссертации. В общих исторических сочинениях различных авторов он встретил множество мнений о древнерусских городах. Это наглядно показывает историографический обзор, которому Самоквасов посвятил первую главу своего сочинения⁶. Одни ученые считали, что строительство городов началось со времени призвания Рюрика, другие – со времени изгнания варягов, третьи отдаляли начало славянских городов вглубь веков, четвертые утверждали, что возникновение городов совпало со временем прихода славян на территорию современной России.⁷

Не лучшим образом обстояло дело относительно определения количества древнерусских городов. Назывались самые разные цифры – от 150 до 600. Причину такой разногласности Самоквасов видел “в том, что исследователи русской старины неясно сознают, как изменялось значение слова “город” в историческом развитии русского языка”.⁸ А изменения эти были довольно существенными. Самоквасов предложил выяснить все значения слова “город” с той целью, чтобы выявить среди них одно, которое стало бы предметом исторического изучения. В древности слово “город” чаще всего употреблялось в следующих значениях: 1. укрепление, ограда, городские стены; 2. укрепленный населенный пункт.

С появлением огнестрельного оружия эти понятия о городе стали отмирать. Взамен возросло значение города как административно-политического и промышленного центра. Но для историка, считал Самоквасов, должно остаться “изучение города, прежде всего, как укрепленного поселения”⁹. Он указывал, что большую помощь в этом могут оказать летописи, древние акты, свидетельства иностранцев, а так же свидетельства вещественных памятников – сохранившиеся городища¹⁰. Однако последние наукой не использовались, так как не было единого мнения о значении городищ. Одни видели в них места бывших языческих святилищ (З.Ходаковский, М.П.Погодин, И.И. Срезневский), другие – остатки древних городов (К.Ф.Калайдович, П.Шафарик, В.В.Пассек,

А.С.Уваров). Будучи сторонником последних, Самоквасов принял живейшее участие в дискуссии по проблеме интерпретации городищ. Его доказательства, практически полностью заимствованные у предшественников, строились по принципу контраргументов к теории Ходаковского:

- слово “городище” по своей конструкции имеет смысл: место оставленного города, точно так же, как слова “селище”, “дворище” – это остатки села, двора;
- устная традиция и письменные источники также показывают, что городища следует понимать как остатки бывших городов;
- вопреки утверждениям Ходаковского, никакой системы во взаиморасположении городков и урочищ нет. Места поселений, в частности, у воды, выбирались не из религиозных, а из естественных и военно-фортификационных соображений;
- исследования также показали, что Ходаковский ошибался, когда утверждал, что все городища имеют вход только с востока, а их валы насыпаны исключительно из чернозема;
- наконец, неверным оказалось мнение Ходаковского, что городища настолько малы, что непригодны для проживания большого количества людей. Было выяснено, что среднее городище вполне подходит для места жительства до 300 человек.

Впрочем, Самоквасов, как, например, и Калайдович, не исключал возможности встретить среди множества городков одно-два мольбища.¹¹ Тем не менее, надо отметить, что Самоквасов, критикуя теорию религиозного назначения городищ, часто допускал в адрес ее автора неоправданно резкие заявления. В частности, он писал, что богослужebная теория – плод кабинетных измышлений Ходаковского, от которых тот не смог отказаться даже после того, как изучил несколько городищ на практике.¹²

Объяснить подобные нападки можно обидой Самоквасова на последователей теории Ходаковского, которые критически отнеслись к первым его докладам о городищах на заседаниях Русского Географического и Русского Археологического обществ в Петербурге в 1870 г. Тогда молодого исследователя поддержал лишь один ученый – А.С. Уваров. Особенно остро, по свидетельству самого Самоквасова, прозвучали возражения И.И. Срезневского, защищавшего учение Ходаковского. В доказательство Срезневский приводил личные впечатления от осмотра городищ Северного Донца. Обнаруженные там находки (кости, уголь, черепки), по его мнению, являлись остатками языческих жертвоприношений.¹³

Но в том-то и дело, что это были результаты лишь беглого осмотра. Для более определенных выводов нужны были масштабные раскопки. По предложению Уварова Самоквасов возглавил археологическую комиссию, которая, разработав методику раскопок, приступила к целенаправленным систематическим исследованиям археологических памятников. В течение 1871-72 гг. Самоквасовым были изучены десятки городищ в Петербургской, Новгородской, Тверской, Московской, Курской, Черниговской и других губерниях. Результаты такой широкомасштабной экспедиции убедили противников Самоквасова гораздо лучше, чем все его предыдущие теоретические рассуждения. Это дало возможность молодому автору с торжеством написать: «Таким образом, все общие условия городищ, положенные Ходаковским в основание его теории, оказались не соответствующими действительности»¹⁴.

Хотя голос сторонников Ходаковского еще звучал, он становился все тише и тише. Так, Ф.И. Леонтович, написавший критическую статью на диссертацию Самоквасова, вообще постарался обойти стороной археологическую аргументацию автора. «Мы не будем разбирать в подробностях вопрос о городищах как чисто археологический»¹⁵ – писал он. На что Самоквасов в своей ответной статье не без иронии замечал: «Г. Леонтович прекрасно сделал, что не остановился на подробностях вопроса о городищах. Несколько общих замечаний, сделанных им по этому предмету, вполне доказывают, что в этом вопросе он совершенно несведущ»¹⁶.

Выявление Самоквасовым истинного значения городищ позволило с определенностью говорить о существовании у славян большого количества укрепленных поселений задолго до призвания варягов.

Накопление сведений о древнерусских городищах открывало новые возможности перед историками. Становилось реальным реконструировать границы племен и княжеств, локализовать летописные города, воссоздать картины быта и ответить на многие вопросы этнической истории. Первый шаг в этом направлении был сделан самим Самоквасовым. Впервые в отечественной науке он задействовал для решения широких исторических вопросов археологические данные. Опираясь на результаты полевых исследований городищ, ученый дал свое видение проблем развития восточнославянского общества, его социального устройства.¹⁷ Им же была реализована немаловажная мысль (кстати, впервые высказанная Ходаковским) о создании специальной карты городищ, необходимой для историко-географических исследований, да и просто для ориентирования археологов-полевиков.

К сожалению, эти перспективные начинания так и не получили своего дальнейшего развития вплоть до начала XX столетия. Д.Я. Самоквасов

вскоре после защиты диссертации отошел от изучения городищ, а другие ученые предпочитали лишь на словах заявлять о необходимости ведения раскопок этих археологических памятников.

¹ Щавелев С. П. Историк русской земли: жизнь и труды Д. Я. Самоквасова. Курск. 1998.

² Основные работы Ходаковского были опубликованы после его смерти М.П.Погодиным: Историческая система Ходаковского // Русский исторический сборник. М., 1837. Т.1. Кн.3; Пути сообщения в древней России // Там же. Кн.1; Отрывок из путешествия Ходаковского по России. Ладога, Новгород // Там же. 1838. Т.3. Кн.2; Донесение о первых успехах путешествия по России Зорияна Долуга-Ходаковского. Из Москвы 13-го лица 1822 // Там же. 1844. Т.7.

³ Калайдович К. Ф. Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии, с рисунками найденных там в 1822 г. древностей. М., 1823. С.48-64.

⁴ К дискуссии об исторической интерпретации городищ в отечественной науке первой трети XIX века // Новик. Воронеж, 1999. Вып.2. С.29-32.

⁵ Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. Спб., 1872. Т.1 С.160.

⁶ Самоквасов Д. Я. Древние города России. Спб., 1873. С.1-32.

⁷ Там же. С.3-11.

⁸ Там же. С.22.

⁹ Там же. С.73.

¹⁰ Там же. С.79.

¹¹ Самоквасов Д. Я. История русского права. Варшава, 1878. Т.1 С.190.

¹² Самоквасов Д.Я. Древние города России. С.102-105.

¹³ Самоквасов Д. Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908. С.2-3.

¹⁴ Самоквасов Д.Я. Древние города России. С.109.

¹⁵ Сборник государственных знаний. Спб., 1875. С.63.

¹⁶ Самоквасов Д. Я. О древних городах России (ответ Ф. И. Леонтовичу) // Журнал Министерства народного просвещения. 1877. № 4, отд.2. С.292.

¹⁷ Самоквасов Д.Я. Древние города России. С.143-162.

М.А. Борисова

ИЗУЧЕНИЕ ВОПРОСА ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЕЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА.

Каменные изваяния южнорусских степей традиционно привлекают к себе внимание исследователей. Наиболее обстоятельно они проанализированы в работах Г.А. Федорова-Давыдова¹ и С.А. Плетневой.² Истории изучения вопроса об этнокультурной принадлежности средневековых каменных изваяний южнорусских степей уделено недостаточное внимание. Исключением, пожалуй, является исследование известного археолога и востоковеда конца XIX - начала XX вв. Н.И. Веселовского.³ Цель данной заметки — проследить основные вехи в изучении половецкой

скульптуры в отечественной науке XIX-начала XX вв. и выявить, как эта категория памятников постепенно становилась источником.

Прежде всего хотелось бы обратить внимание на следующий факт. В XIII в. (в 1253 г.) европейский монах Вильгельм Рубрук, проезжая по южнорусским степям, записал: “Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке перед пупком чашу”.⁴ Почему-то сведения Рубрука, которые в основном отличались точностью, не вызвали доверия у исследователей. Начались споры.

Собственно о научном интересе к этим памятникам можно говорить со второй половины XIX в. Одной из первых значительных работ, посвященных изваяниям, можно назвать статью А. И. Пискарева, чиновника министерства внутренних дел. Он собрал сведения, доставленные из Екатеринославской, Таврической, Харьковской, Воронежской и других южнорусских губерний, а также из области войска Донского по циркулярам министра внутренних дел губернаторам с распоряжением о сохранении каменных изваяний. Благодаря этим сведениям, Пискарев составил первую карту распространения статуй. Он не делал в своей работе никаких конкретных выводов, а осторожно советовал будущим исследователям собрать о каменных статуях все сведения письменных источников и дать подробное описание всех изваяний.⁵ Д.И.Иловайский в своем докладе на I Археологическом съезде Московского Археологического общества А.С. Уваров в докладе на I Археологическом съезде сделал несколько выводов по рассматриваемому вопросу. Во-первых, он считал изваяния разновременными, но принадлежавшими одному народу, у которого скульптура развивалась самостоятельно “без влияния мировых цивилизаций с полным сохранением народного характера”. Во-вторых, Уваров определял хронологию изваяний: от начала эпохи железного века до IV в. н. э. Кроме того, исследователь пытался очертить территорию обитания народа, который оставил статуи, включив в нее верховье Енисея, Томи в Минусийском округе, Сагайскую степь до Алтайского хребта. Рассуждая о назначении изваяний, А.С. Уваров склонялся к мысли о том, что их изготовление было связано с культом предков, распространенным в среде тюркских народов.⁶ По сути, это первая работа, в которой серьезно был затронут вопрос об этнокультурной принадлежности изваяний.

Доклад Уварова стимулировал интерес к данной теме. На одном из заседаний Московского Археологического общества историк Д.И.Иловайский выступил с докладом о каменных статуях. Исследователь подверг критике бытовавшую тогда, да и впоследствии, теорию их скифского происхождения. Он отметил отсутствие аналогий между скиф-

скими вещами, найденными в курганах, и предметами, видимыми на изваяниях, и подчеркнул отсутствие свидетельств письменных источников о существовании у скифов обряда уstonки изваяний на курганах. Сам Иловайский с доверием отнесся к сообщению Рубрука и обратил внимание на сходство “физиономий” и некоторых подробностей изображения костюма и предметов вооружения на изваяниях с “татарским племенем”. В итоге автор делает вывод о том, что изваяния принадлежали народам “тюрко - татарского семейства”, а именно печенегам, торкам, куманам (половцам) и даже татарам; определяет их хронологические рамки с IX в. по XIV в., причем конечную дату связывает с принятием ислама в Золотой Орде.⁷

Шел и процесс поиска новых источников. В 1881 г. А.И. Кельсиев, руководствуясь данными Пискарева, нашел 33 изваяния из Екатеринославской губернии и Кубанской области.⁸ Исследователь вслед за Д.И. Иловайским отметил необходимость тщательного изучения внешнего вида изваяний, а также проведения раскопок курганов, на которых они находятся. Этого же мнения придерживался и другой известный археолог Н.Е. Бранденбург. Правда, он выдвигал предположение о скифской принадлежности изваяний. К такому мнению его привели раскопки курганов в Мариупольском уезде, а также Чертомлыкского и Адрианопольского курганов.⁹ Действительно, вплоть до начала XX в. исследователи полагали, что каменные изваяния относятся к той же эпохе, что и погребения в курганах.

Важную роль в изучении рассматриваемого вопроса сыграло открытие Н.М. Ядринцева. В 1889 г. в северной Монголии на реке Орхон, при развалинах города Хара Балгасуна (в VI - VIII вв. это территория Тюркского каганата) он нашел каменные плиты, покрытые загадочными надписями и китайскими иероглифами, каменные статуи, похожие на те, что находились в южнорусских степях, и другие сооружения. Информация об этом была доложена на VIII Археологическом съезде. А в 1893 г. надписи были дешифрованы академиком В.В. Радловым. Это были древнетюркские надписи первой половины VIII в. Они содержали информацию о существовании у тюрков обычая устанавливать у погребения “балбалы”, которые обозначали убитых врагов.¹⁰ Особенно важным представлялся тот факт, что изваяния, найденные Ядринцевым, были сходны с изваяниями в южнорусских степях.

На это обстоятельство обратил внимание А.Ю. Кулаковский. На основе материалов Орхонской экспедиции он говорит о достоверности сообщения Рубрука и с уверенностью заявляет о принадлежности изваяний российского юга тюркам.¹¹ Эта мысль завоевывала новых сторонников.

Хотелось найти ее подтверждение в археологических раскопках курганов с изваяниями.

В 1901 г. председатель МАО П.С. Уварова именно с этой целью командировала В.А. Городцова в Изюмский уезд Харьковской губернии. Раскопав восемь курганов с изваяниями, исследователь пришел к выводу о том, что связи между курганами и изваяниями нет.¹² Однако, после раскопок 1903 г. в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии его мнение меняется. Он исследовал детское погребение, в котором в кисти руки погребенного находилась меловая статуэтка, напоминавшая миниатюрное каменное изваяние. Это обстоятельство дало Городцову основание датировать изваяния по данному погребению, а именно II-III вв. н.э. Он не конкретизировал, о каком народе может идти речь, однако отметил, что этот народ находился под влиянием культуры римлян, наверняка был им известен и должен быть запечатлен в их письменных источниках.¹³ По современным данным, В.А. Городцов исследовал сарматское погребение.

Почти одновременно с Городцовым курганы с изваяниями копал Е.П. Трефилов. В Куляновском уезде Харьковской губернии он раскопал два кургана с изваяниями. В курганах исследованы средневековые погребения, отнесенные автором к торческим¹⁴. Затем 1904 г. в Мариупольском уезде Екатеринославской губернии он раскопал курган с кочевническим погребением, в котором в качестве надгробной плиты было использовано каменное изваяние. В своем сообщении об этом на XIII Археологическом съезде в 1905 г. Трефилов, опираясь, кстати, и на открытие на р. Орхон, приходит к выводу, что каменные бабы принадлежали “никому иному как нашим кочевникам”, подразумевая под последними, видимо, печенегов, торков, половцев.¹⁵

Нельзя не сказать и о том, что кроме вопроса об этнокультурной принадлежности изваяний исследователей интересовала проблема их сохранения и использования в дальнейшем не только в качестве археологического, но и этнографического источника. Большую работу в этом плане проделала П.С. Уварова. По ее инициативе была проведена перепись всех изваяний, находившихся в южнорусских губерниях, благодаря чему к 1908 г. было учтено 1133 изваяния, из них больше всего было найдено в области войска Донского — 350 и в Екатеринославской губернии — 328. Об этом Уварова сообщила на том же XIII съезде¹⁶.

Итоги исследований каменных изваяний в XIX - начале XX вв. был подведен в работе Н.И. Веселовского. Он обобщил имевшиеся точки зрения по рассматриваемой проблеме, высказался в пользу достоверности сведений Рубрука и обстоятельно рассмотрел находки на р. Орхон в связи с исторической оценкой каменных изваяний в южнорусских степях.

Им была рассмотрена этимология слова “баба”, проанализированы шаманские верования домусульманского периода у тюркских народов, выделены внешние признаки изваяний.¹⁷ Н.И. Веселовский отметил и то обстоятельство, что каменные изваяния за полвека стремительно исчезали, их свозили с мест первоначальной установки. В этом плане продуктивна мысль исследователя о необходимости создания альбома сохранившихся каменных изваяний. Но к активному изучению последних археологи вернулись только в 50-е гг., а свод изваяний, подготовленный С.А. Плетневой, увидел свет только в 70-е гг.¹⁸

¹ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

² Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА.1958. №62; она же. Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып. Е 4-2. М.,1974.

³ Веселовский Н.И. Современное состояние вопроса о “каменных бабах” или “балбалах”. Одесса, 1915.

⁴ Рубрук В. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911. С.80.

⁵ Пискарев А.И. ~~О местонахождении каменных баб в России // Записки Русского археологического общества.~~ М., 1851. Т.Ш. С.207.

⁶ Уваров А.С. Сведения о каменных бабах // Труды I Археологического съезда. М.,1871. Т.П.С.501-520.

⁷ Иловайский Д.И. 0 каменных бабах // Древности. Труды Московского археологического общества. 1878. Вып.3.Протоколы.С.53-54.

⁸ Кельсиев А.И. О каменных бабах // Труды У Археологического съезда. М., 1887.Т.1. С.76-80.

⁹ Бранденбург Н.Е. К вопросу о каменных бабах // Труды VIII Археологического съезда. М., 1897. Т.Ш.С.13-19.

¹⁰ Бартольд В.В. К вопросу о погребальном обряде тюрков и монголов // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. М., 1918.Т.ХХV.

¹¹ Кулаковский Ю. К вопросу о каменных бабах // Археологические известия и заметки. М., 1898. Т. VI. С.235-240.

¹² Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г.// Труды XII Археологического съезда. М., 1905. Т.1.С.215.

¹³ Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии, 1903 г.// Труды XIII Археологического съезда. М.,1907.Т.1.

¹⁴ Трефилов Е.П. Курганы с каменными бабами Купянского уезда Харьковской губернии // Труды XII Археологического съезда. М., 1905.Т.1.

¹⁵ Трефилов Е.П. Археологическая экскурсия по течению рек Кальмиуса и Кальчика в пределах Мариупольского уезда Екатеринославской губернии летом 1904 г.// Труды XIII Археологического съезда. М., 1907.Т.1.

¹⁶ Уварова П.А. К вопросу о каменных бабах // Труды XIII Археологического съезда. М., 1908. Т. II.

¹⁷ Веселовский Н.И. Указ.Соч.

¹⁸ Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния...

А.В.Моисеев

П.Д.ЛИБЕРОВ И ИЗУЧЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ.¹

¹ В основу статьи положен текст выступления на конференции “Археология Черноземного центра России: история исследований, историография” (г. Воронеж, дек. 1999 – янв. 2000 гг.)

Среди исследователей эпохи бронзы – раннего железного века лесостепного Подонья второй половины 1950-х – начала 1970-х гг. заметное место занимает Петр Дмитриевич Либеров. Тем не менее вклад ученого в изучение эпохи бронзы названных территорий еще не получил должного историографического осмысления.

Проблематика эпохи бронзы попала в поле зрения П.Д. Либерова, со второй половины 1950-х гг., когда под его руководством начала работу Воронежская археологическая экспедиция ИИМК АН СССР (в дальнейшем – Воронежская лесостепная скифская экспедиция ИИМК (с 1956 г. ИА) АН СССР). Первоначальной целью экспедиции было изучение курганного могильника скифского времени в урочище “Частые курганы” на окраине г. Воронежа, начавшего разрушаться в связи со строительством аэродрома. Уже второй год работ принес довольно неожиданное открытие. Были раскопаны четыре кургана относящиеся к эпохе бронзы (№№ 14, 21, 33, 36)¹, а в следующем 1956 г. еще два аналогичных кургана (№№ 35, 41)². Выяснилось, что курганный могильник в урочище “Частые курганы”, широко известный в археологии еще с дореволюционных лет и традиционно считавшийся памятником скифского времени³, содержал в себе и памятники эпохи бронзы.

В погребениях ряда из этих курганов (№№ 21, 33, 36) были обнаружены т.н. ритуальные ямки-“бофры” (термин В.А. Городцова), аналогичные, по мнению П.Д. Либерова, “бофрам” из курганов скифского времени того же могильника. Уже тогда исследователем был в предварительном порядке поставлен вопрос о непосредственной генетической связи в Подонье культур эпохи бронзы и раннего железного века⁴. Это наблюдение, по словам самого П.Д. Либерова, имело принципиальное значение. Именно оно побудило расширить первоначальную предполагавшуюся сферу археологического поиска экспедиции и включить в нее кроме памятников скифского времени, так же и памятники эпохи бронзы⁵. В 1956-58 гг. исследовался комплекс поселений в урочище “Частые курганы”. Между с.с. Подгорное и Подклетное было обнаружено 6 поселений, по меньшей мере, пять из которых (№№ 1, 2, 3, 4, 6) дали материал, относящийся к катакомбной, абашевской и срубной культурам эпохи бронзы⁶.

Постепенно деятельность экспедиции расширяется, проводятся археологические исследования на значительных пространствах, главным образом в пределах Воронежской области. Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. экспедицией раскапывался ряд памятников, относящихся к эпохе бронзы: поселения №№ 2, 3 у хутора Сасовка П, поселение № 1 у с. Губарево, поселение № 8 у с. Вознесенка, курган №3 могильника у

с. Нижняя Ведуга, курганы №№ 42, 44 могильника у с. Мастюгино, поселение № 3 и курган № 2 в могильнике у с. Русская Тростянка, другие памятники. Целая серия памятников эпохи бронзы была выявлена в ходе разведочных работ. О внимании экспедиции к такого рода памятникам свидетельствует и включение в ее состав в 1960 г. краеведа, учителя аннинской средней школы Г.И.Корнюшина, который к этому времени проделал большую работу по археологическому обследованию Аннинского и соседних районов Воронежской области. Он выявил большое количество поселенческих памятников бронзового века на этой территории⁷. В 1961-62 гг. эту работу продолжила Лесостепная экспедиция АН СССР.

Таким образом, во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. экспедицией под руководством П.Д.Либерова было выявлено и с разной степенью полноты изучено значительное количество памятников, давших материал, относящийся к кругу катакомбных, абашевских и срубных древностей. Это позволяет говорить о Петре Дмитриевиче как о человеке, с деятельностью которого связано первое широкомасштабное систематическое полевое изучение памятников эпохи бронзы лесостепного Подонья в послевоенное время.

Большая часть полученного материала была опубликована П.Д. Либеровым в его монографии “Племена Среднего Дона в эпоху бронзы”, вышедшей в 1964 г.⁸. Значение осуществленной П.Д. Либеровым публикации рельефнее выступает на фоне того источникового голода, усугубленного потерей части коллекций в военное время, который тогда ощущался в археологии эпохи бронзы лесостепного Подонья. В своей монографии, кроме результатов собственных исследований, П.Д. Либеров вводит в научный оборот некоторые материалы раскопок памятников эпохи бронзы лесостепного Подонья, осуществленных в дореволюционное время под руководством М.П. Юргенсон, А.И. Мартинович, других исследований, оставшихся неопубликованными и в должной мере не интерпретированными⁹.

Монография П.Д. Либерова стала первой обобщающей работой по эпохе бронзы лесостепного Подонья в послевоенное время. Вместе с тем, в ней продолжает ощущаться недостаток источникового материала и в этом отношении она ярко характеризует уровень развития археологии эпохи бронзы Подонья середины 1960-х гг.

Значительное место в книге уделено катакомбной культуре на Среднем Дону. Важное значение имела попытка П.Д. Либерова обобщить весь имеющийся на тот момент материал касательно катакомбной культуры данной территории, а так же выделение им двух хронологических групп погребальных катакомбных памятников, в основанное на положении и ориентировке костяка¹⁰. Что касается хронологии катакомбной культуры

на этой территории, то П.Д. Либеров считал, что ее носители появились здесь раньше носителей абшевской и срубной культур, но с появлением последних не исчезают, а доживают здесь до начала раннего железного века¹¹. Последнее из высказанных им положений оказалось не верным.

Сравнительно мало места в монографии уделено срубной культуре. Важным является то, что П.Д. Либеров опровергнул высказанный О.А. Кривцовой-Граковой тезис об отсутствии памятников позднего периода существования срубной культуры на Среднем Дону¹².

Но наибольшее значение имела та часть монографии, где исследователь рассматривает абшевские памятники Среднего Дона. Как известно впервые об абшевской культуре на Дону заговорил А.А. Иессен в первой половине 1930-х гг. Однако, пожалуй, только в труде П.Д. Либерова мы встречаем серьезную попытку выделения на этой территории целого пласта памятников этой культуры. Исследователем учтено более двух десятков курганов и поселений абшевской культуры на территории Среднего Дона, приводится и первая карта их распространения на этой территории¹³. Что касается культурно-хронологических позиций этих памятников, то П.Д. Либеров полагал, что появление носителей абшевской культуры на Среднем Дону лишь в последней четверти II тыс. до н.э. и их бытование здесь до начала эпохи железа¹⁴. Высказанное им предположение о позднем характере абшевских памятников Подонья вскоре подверглось серьезной критике в работах А.Д. Пряхина¹⁵.

Отметим также, что в данной монографии П.Д. Либерова уже вполне определено звучал тезис о культурно-генетической (и, возможно, этнической) связи и непосредственной преемственности между “классическими” культурами эпохи бронзы (катакомбная, абшевская, срубная) и культурой раннего железного века на территории Среднего Дона¹⁶.

Наиболее же полно этот тезис нашел отражение затем в тексте докторской диссертации П.Д. Либерова, защищенной в 1971 г.¹⁷ Здесь присутствует развернутая система аргументации преемственности между культурами бронзового и раннего железного веков. Среди них ученый видит теперь уже не только катакомбную, но и абшевскую культуры¹⁸. По мнению исследователя преемственность культур эпохи бронзы и раннего железа прослеживается в погребальных памятниках (особенности погребального обряда и погребальных конструкций), а так же в керамике (в некоторых формах сосудов, но не в орнаментации) как наиболее консервативных компонентах материальной культуры. При этом исследователь отмечает фактически полное отсутствие следов такой преемственности в других категориях артефактов, что объясняет коренными хозяйственными трансформациями на рубеже эпохи бронзы и раннего железного века¹⁹.

Тезис о непосредственной преемственности между культурами эпохи бронзы и последующего времени в Среднем Подонье во многом определил и разработку П.Д.Либеровым абсолютной и относительной хронологии культур эпохи бронзы. Исследователь предпринял попытку значительно сократить, вплоть до отрицания, хронологический разрыв между “классическими” культурами эпохи бронзы и культурой раннего железного века в лесостепном Подонье, ошибочно постулируя доживание катакомбной, абашевской и срубной культур непосредственно до раннего железного века, до рубежа II-I тыс. до н. э.²⁰ При этом исследователь допускает одновременное проживание на территории лесостепного Подонья в течение какого-то времени носителей всех трех названных культур, в том числе и их чересполосное сосуществование²¹.

Хронологические построения П.Д. Либерова дальнейшими исследованиями не подтвердились. Не получил подтверждения и тезис исследователя о финно-угорской принадлежности носителей абашевской культуры, основанный на предположении о преемственности между абашевской культурой эпохи бронзы и среднедонской культурой эпохи раннего железного века, ассоциируемой исследователем с финно-угорским этносом и языком²². Последнее допущение так же далеко не бесспорно, о предшествовании срубной культуры абашевской и о доживании последней до раннего железного века П.Д. Либеров продолжает отстаивать и в своих работах второй половины 1970-х гг., в том числе и в полемически направленной против А.Д. Пряхина статье о хронологии курганов у с. Староюрьево²³. Надо иметь в виду, что если применительно к 1960-м гг., в условиях скудости источниковой базы по культурам эпохи бронзы лесостепного Подонья точка зрения П.Д. Либерова вполне может восприниматься как рабочая гипотеза, то для второй половины 1970-х гг., когда значительно пополнился фонд археологических источников по указанным культурам, когда были получены надежные стратиграфические наблюдения, когда уже появился ряд обобщающих работ по культурам средней - поздней бронзы этого региона²⁴, хронологические построения П.Д. Либерова уже не соответствуют достигнутому уровню развития науки. Одной из причин этого является известный консерватизм исследователя, не желавшего отказаться от ранее высказанных взглядов.

В заключение следует отметить: не смотря на то, что многие положения П.Д.Либерова в настоящее время уже не соответствуют достигнутому уровню развития науки, его научная деятельность во второй половине 1950-х – 1970-е гг. и как полевого археолога, и как автора ряда работ по археологии эпохи бронзы, несомненно, внесла вклад в изучение бронзового века лесостепного Подонья.

- ¹ Либеров П.Д. Отчет о раскопках курганов в группе “Частые курганы” в 1955 г. С. 2-7. (хранится в архиве ВОКМ).
- ² Либеров П.Д. Отчет Воронежского отряда Донской экспедиции ИИМК АН СССР (Раскопки курганов в уроч. “Частые курганы” и поселений) / за 1956 г./ С. 12-14, 16-18. (хранится в архиве ВОКМ).
- ³ Замятин С.Н. Скифский могильник “Частые курганы” под Воронежем (Раскопки Воронежской ученой архивной комиссии 1910-1915 гг.) // СА. 1946. VIII. С.9-50; Городцов В.А. Раскопки “Частых курганов” близ Воронежа в 1927 г. // СА. 1947. IX. С.13-28.
- ⁴ Либеров П.Д. Отчет о раскопках курганов в группе “частые курганы” в 1955 г. С.18. (хранится в архиве ВОКМ).
- ⁵ Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М.,1964. С. 5.
- ⁶ Там же. С.9-11.
- ⁷ Там же. С.142; Корнюшин Г.И. Археологические памятники в Аннинском районе Воронежской области (материалы к археологической карте) // Там же. С.174-189 (приложение); информацию об исследованиях Лесостепной скифской экспедицией памятников эпохи бронзы в середине – второй половине 1960-х гг. см.: Либеров П.Д. Исследования на Среднем Дону // АО 1965. М., 1966. С.91-93; Гуляев В.И. Археологические исследования в низовьях р. Хопра // АО 1969. М., 1970. С.53-54; др. раб.
- ⁸ Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964. 204 с.
- ⁹ Там же. С.51-54, 83-88, др.
- ¹⁰ Там же. С.99.
- ¹¹ Там же. С.110.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С.111-156, рис 54 на С.131.
- ¹⁴ Пряхин А.Д. История населения Верхнего и Среднего Подонья во II – начале I тыс. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1966. 20 с.; Он же Масловское поселение эпохи бронзы в черте Воронежа // КСИА. 1967. Вып. 112. С.49-57.
- ¹⁵ Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. С. 155-156.
- ¹⁶ Там же. С.157, др.
- ¹⁷ Либеров П.Д. Древняя история населения Подонья.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1971. С.57.
- ¹⁸ Там же. С.38-39, 52-53.
- ¹⁹ Там же. С.51-53.
- ²⁰ Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. С.157; Он же Древняя история населения Подонья. С.21.
- ²¹ Либеров П.Д. Древняя история населения Подонья. С.52, др.; Он же. Этническая принадлежность населения Среднего Дона в скифское время // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С.113. (МИА. №177).
- ²² Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. С.158.
- ²³ Либеров П.Д. О хронологии абашевской культуры // СА. 1977. № 2. С. 43-54; Он же. О хронологии курганов у с. Староюрьево // Проблемы советской археологии. М., 1978. С.102-108; др. раб.
- ²⁴ Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. Воронеж., 1976. 167 с.; Он же. Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977. 166 с.; др. раб.

ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

А.Ю. Золотарев

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА У САЛИЧЕСКИХ ФРАНКОВ В VI-VII ВВ.

Изучение политико-правового аспекта истории варварских государств Западной Европы является одним из основных направлений современной медиевистики. Научный интерес к этой проблеме определяется прежде всего спецификой самого варварского (или дофеодального) государства. Термин этот был введен в научный оборот С. Юшковым¹. А.И. Неусыхин предпочитал говорить о “варварском государстве”, которое существовало в “дофеодальный период”². С. Юшков также выделил характерные особенности варварского государства, главной из которых было наличие еще сильных элементов военной демократии. Эти касаются не только администрирования, военной области, но и суда.

Суд в жизни варварских племен играл важнейшую роль. Это был институт, поддерживавший с помощью обычая, стабильность в обществе с уже достаточно сложной социальной структурой. Он разрешал конфликты между его членами, под которыми следует подразумевать не столько индивидов, сколько родовые группы, к которым эти индивиды принадлежали. В период записи обычного права одного из варварских племен — германцев — у них шел процесс разложения родоплеменного строя и возникновения государства. Составной частью этого процесса было возникновение писанного законодательства и огосударствление судопроизводства.

В данной работе мы рассмотрим в качестве примера судебную систему у салических франков в VI-VII вв. и проследим соотношение в ней первобытных и государственных элементов, а также попытаемся установить динамику изменения этого соотношения.

Большой вклад в изучение права германских племен, в частности салических франков, внесли немецкие и французские историки и юристы XIX в., труды которых давно были признаны классическими. Но следует отметить, что среди них нам известна всего одна работа, которая была специально посвящена судебному процессу у салических франков (Sohm R. *Der Prozess der Lex Salica*. Weimar, 1867)³. В течение последующего времени этой теме в науке не уделялось достаточно внимания. Те авторы, которые все-таки писали о праве варварских германских государств (например, Аннерс и Берман), как правило, не делали именно его предметом исследования, а рассматривали как этап развития европейской правовой системы, при этом, в сущности, повторяя основные положения вышеуказанных классических трудов⁴. Новый подход к изучению права и процесса у варварских народов Европы обозначился не так давно. Здесь мы можем отметить коллективную монографию английских ученых “Урегулирование споров в раннесредневековой Европе”⁵.

В отечественной историографии нет работ, специально посвященных суду, да и праву салических франков вообще. Салическая правда рассматривалась преимущественно с точки зрения содержащейся там информации по социально-экономической истории. Мы можем отметить лишь краткие, сжатые описания судебного процесса у франков, встречающиеся в юридической литературе учебного характера⁶, а также отдельные суждения в монографиях, освещающих социально-экономическое и политическое развитие франкского общества в раннее средневековье, например, “Возникновение феодальных отношений у франков VI-VII вв. Г.М. Даниловой⁷”.

Главными источниками, которые мы использовали в данной работе являются Салическая правда (*Lex Salica*), а также дополняющие ее capitularii меровингских королей. Нами было использовано издание 1950 г. под ред. В.Ф. Семенова⁸. В книге дан латинский оригинал и перевод, выполненный Н.П. Грацианским, который, по нашему мнению, не всегда вполне удовлетворителен.

Также была использована “История франков” (*Historia Francorum*) Григория Турского⁹. А при рассмотрении судебных порядков у древних германцев мы опирались на “Германию” Корнелия Тацита¹⁰.

Чаще всего для обозначения суда в Салической правде используется слово *mallus* и (производные от него глагол *mallare* и отглагольные формы *admallatus*, *admallatum*). Также встречается наименование *mallobergus* (по-видимому родственное *mallus*). Соотношение этих терминов остается неясным. Если *mallus* употребляется на протяжении всего текста правды, то *mallobergus* встречается только в XLVI, LIV, LVI, LVII титулах. В LVI титуле термины *mallus* и *mallobergus* используются параллельно. В XIV и XXXIX титулах встречается термин *malus publicus*, а в XLVI - *mallus publicus legitimus*, который Н.П. Грацианский перевел как “законное публичное собрание”. Там же встречается интересное пояснение: “...in mallo publico legitimo hoc est in mallobergo ante teoda aut thunginum”¹¹. Оно прямо указывает на то, что эти два термина были тождественны, и это законное публичное собрание было ничем иным, как народным собранием. В *mallus*'е нельзя не видеть пережиток народного собрания, института эпохи военной демократии. О том, что на народных собраниях племени у древних германцев устраивались судебные разбирательства, сообщает Тацит¹². Но во времена Салической правды это было, конечно, не собрание всего племени франков, а сотенное собрание¹³, тем более, что рядом упоминается тунгин (центенарий) - представитель сотенной администрации.

Сотенные судебные собрания были самыми низшими. Никаких общинных сходов и судов у франков мы не находим. Этот факт отметил

еще А.Я. Гуревич и связал его с тем, что сама община у франков “была еще весьма далека от своего юридического оформления, от становления как правового института”¹⁴. Сотенный суд и являлся поначалу основным звеном во франкской судебной системе.

Главным должностным лицом в сотне был тунгин, или центенарий (сотник). Думается, что это должностное лицо существовало уже во времена Тацита. В “Германии” читаем: “На тех же собраниях также избирают старейшин, отправляющих правосудие в округах и селениях; каждому из них дается охрана численностью в *сто человек* (курсив мой — А.З.) из простого народа — одновременно и состоящий при них совет, и сила, на которую они опираются”¹⁵. Вспомним, что в декрете короля Хлотаря о центенарии говорится как о выборном предводителе отряда (*truste*), который создавался в сотне, чтобы преследовать воров¹⁶. Слово “*thunginus*” означало “принуждающий”¹⁷, что отражало его функции, которые были сродни функциям теперешних судебных приставов. Кроме этого, тунгин должен был назначать судебное собрание по поводу уплаты рейпуса, передачи имущества и отказа от родства, а также участвовать в этих церемониях¹⁸. Надо полагать, что эти его четыре обязанности были традиционными, ибо коренились в родовом обществе, где не было свободно отчуждаемой частной собственности, а человек не мыслился вне родового коллектива. Церемонии, которыми обставлялись акты, затрагивающие эти сферы общественных отношений, имели достаточно давнее происхождение. Можно согласиться с мнением М.А. Чельцова-Бебутова, что сотник “не осуществлял судейских полномочий в точном смысле этого слова. Он только созывал собрание людей - мальберг, которое должно было решить дело и руководил им”¹⁹.

Нельзя оставить без внимания и институт рахинбургов (*rachinburgii*). Их функции в законодательстве обрисованы достаточно четко: они названы “*sedentes et discentes*”²⁰. Салическая правда указывает, что они обязаны, “заседа в судебном собрании и разбирая тяжбу, говорить закон”. Если они откажутся рассматривать дело или “будут судить не по закону”, то их ждали штрафные санкции (правда, достаточно легкие)²¹. Также рахинбурги должны были “слушать дело согласно закону”²².

Таким образом, выходит, что рахинбурги были главными лицами в суде. Это были “знающие закон”, т.е. обычное право люди, которые “слушали дело” и выносили приговор, т.е. присуждали ответчика к испытанию водой или к даче обязательства по уплате штрафа. С этим последним была связана и еще одна их функция: вместе с графом они участвовали в принудительном изъятии имущества у того, кто отказывался уплатить штраф²³. По-видимому, в судебном собрании перед рахинбургами выставляли человека, который не в состоянии уплатить виру за убийство.

В соответствующем титуле Салической правды рахинбурги не упоминаются, но о них говорится в эдикте Хильперика, где изложена аналогичная ситуация²⁴. Там же нашла отражение норма, по которой рахинбурги принимали клятву от истца перед возбуждением дела²⁵.

В отечественной науке бытует взгляд на рахинбургов как на “уполномоченных от народа, которые участвуют в разбирательстве дела в суде”, “выборных от народа”²⁶. Некоторые западные ученые на них смотрят как на “присяжных, выбиравшихся из числа знати”²⁷. Последняя точка зрения нам ближе. Но применять к рахинбургам термин “присяжные” некорректно. Невозможно определить их роль в суде какими-либо терминами современной юриспруденции. Рахинбурги вели судебный процесс, следили за соблюдением процедур, представляли сотню, когда истец пытался взыскать штраф с ответчика. Одним словом, их функцию можно определить как посредническую между сторонами истца и ответчика, которая способствовала их примирению.

Рахинбурги определялись как “знающие закон”²⁸, что подчеркивало их отличие ото всех других свободных франков. По нашему мнению, они были представителями местной знати. Не только знание обычного права, но и благородство (а они были взаимосвязаны), давали им авторитет выполнять в сотне посреднические функции. Мы знаем, что социальные различия в сотне четко осознавались. Первый капитулярый к Салической правде говорит о живущих в одном селении “лучших” и “худших”, которым для принесения очистительной клятвы требовалось 65 и 15 соприсяжников, соответственно²⁹.

По-видимому, существовал определенный круг лиц, которые в силу своего социального статуса были рахинбургами. Возможно, что их выбирали по соглашению обеих сторон. Так в титуле “Об обязательстве” (*De fides factas*) рахинбурги названы “*idoneos*”. Н.П. Грацианский перевел это прилагательное как “правоспособные”. Однако это слово может иметь и другие значения: “угодный”, “достойный”. Там же сказано, что нежелающий уплатить штраф ответчик мог выбрать из рахинбургов тех, кто произвел бы оценку его имущества³⁰. В эдикте Хильперика они названы “доверенными”³¹. Конечно, институт рахинбургов был пережитком родоплеменного строя, но нельзя представлять его демократическим учреждением. Ибо известно, что уже на стадии военной демократии знать имела решающее влияние на принятие решений, а участие народа было достаточно формальным³².

Теперь стоит коснуться вопроса о месте графского суда в юридической системе. Г.М. Данилова пишет, что “ранние кодексы Салической правды устанавливают у франков 3 инстанции судебных заседаний и судебных разбирательств: суд в сотенном собрании..., суд графа... в округе

или графстве, и, наконец, суд короля”³³. Но нам представляется, что утверждение о существовании в то время суда графа достаточно спорно. На сей счет мы имеем только одно упоминание в тексте Салической правды, где говорится, что “в отдельных судебных собраниях не должно быть более трех сацебаронов, и если ими произнесен приговор относительно тех дел, за которые они получили *fritus*, то об этом не должно вновь доводить до сведения графа, чтобы он пересмотрел дело”³⁴. Этот отрывок нуждается в толковании. Сацебарон (по-видимому, имел также наименование вице-граф) был заместителем графа, который в его отсутствие выполнял его функции³⁵.

Какие же это были функции? Граф был прежде всего представителем нарождающегося государства, назначался на свою должность королем. Он считался лицом, состоящим на королевской службе. По этой причине его жизнь охранялась тройным вергельдом³⁶, а за отказ или нарушения законности при исполнении своих обязанностей он наказывался смертной казнью или выплатой своего вергельда³⁷. Граф первоначально обладал в пределах своего округа (*pagus*) военной и административной властью. Именно как лицо, обладающее необходимой силой для осуществления принуждения, он изображен в самом раннем варианте Салической правды. Граф, если выражаться в современных терминах, в судебном отношении был чем-то вроде судебного исполнителя. Он выгонял из селения (*villa*) самовольно там поселившихся, вместе с рахинбургами и истцом конфисковал имущество у отказывающегося платить штраф ответчика, кроме того, взимал *fritus*³⁸, т.е. судебную пошлину, идущую в пользу короля, в компенсацию за нарушение мира в королевстве.

Так в каком же смысле можно истолковать § 4 LIV титула Салической правды? Мы полагаем, что речь там идет о следующей процессуальной норме: в случае, если вместо графа его функции (они перечислены выше) исполняли его заместители (а их должно было присутствовать не более трех), то “по разрешении дела” (нам кажется, что такой перевод более точен, ибо из других титулов правды не видно, чтобы вынесение приговора входило в компетенцию графа) и получении *fritus*, граф не должен был сам вмешиваться, ибо король, интересы которого представлял граф, получил удовлетворение в виде *fritus*.

Поэтому можно сделать вывод, что никакого суда графа, никакой судебной инстанции на уровне графства во время создания Салической правды не было. Граф вообще тогда не был судьей. Суд был только на уровне сотни. Это не удивительно, ибо институт сотенных судебных собраний уходил корнями в первобытность, а граф представлял только что нарождающееся государство.

Теперь перейдем к рассмотрению судебных функций короля. У древних германцев судебные функции короля ограничивались тем, что в его пользу шла часть штрафа за преступления³⁹ (круг этих преступлений и размер штрафа не известен). Со времен Тацита власть короля (*rex*) значительно усилилась, исчезла практика его выборов. Если раньше, как мы уже говорили, какая-то часть из штрафа шла царю или племени, то теперь эта часть — *fritus* — шла исключительно королю.

Король, по Салической правде, является последней инстанцией, к помощи которой истец обращался, если ответчик не являлся на суд или не выполнял решение рахинбургов в сотенных судебных собраниях и не желал “войти в сделку ни путем композиции, ни путем очищения водой, ни каким-либо другим законным способом”, т.е. отказывается от испытания или дать обязательство об уплате штрафа. В этом случае суд должен был проходить в присутствии короля (*ad regis praesentia*). Неуважение к королевскому суду каралось: в случае неявки на него ответчика, тот объявлялся лишенным королевского покровительства (что означало то же самое, что стать вне закона). Аналогичные наказания назначались только за исключительные преступления, такие как ограбление могил или выход замуж за раба⁴⁰.

Встает вопрос, где же происходило королевское правосудие? Существовал ли такой орган как королевский суд? В тексте Салической правды, нигде не говорится о королевском суде, королевском судебном собрании (*mallus regis* или что-нибудь подобное). Везде мы встречаем выражения: “*ad regem*”, “*ante regem*”, “*ad regis praesentia*”⁴¹. Лишь в XLVI титуле в одном месте есть “*in mallo ante regem*”, однако из всего содержания этого титула, хотя текст местами сложен для понимания, описывающего передачу имущества, видно, что данная церемония должна была происходить либо в присутствии короля, либо в законном публичном собрании, но никак не одновременно.

Таким образом, мы можем заключить, что король обладал верховной административной и судебной властью. Частично она уходила корнями в эпоху варварства, но тогда королю приходилось делить ее со старейшинами и собранием племени. С отмиранием таких институтов родового общества, как народное собрание и совет старейшин, что имело место уже при Хлодвиге, судебная власть короля приобрела уже несколько иной характер. Если судить по Салической правде, которая в абсолютном большинстве случаев содержит правовые нормы, относящиеся к деятельности сотенных судебных собраний и графов, роль короля, по сравнению с ними, в общей судебной системе была невелика, к нему обращались лишь в крайних случаях как к носителю верховной власти, обладающему непререкаемым авторитетом. Важнее было другое: король как законода-

тель утвердил при записи Салической правды саму норму, которая говорила о нем как о верховном судье, который выступал арбитром в тех случаях, когда были бессильны традиционные судебные институты. Т.е. перед нами отправная точка формирования высшей судебной власти. Титул, очерчивающий компетенцию судебной власти короля, явно дан от имени монарха. Там сказано: “Если и тогда он (ответчик) не явится, пусть эти 9 свидетелей под присягой, *как мы выше говорили* (курсив мой - А.З.), дадут свои показания”⁴². Это уже напоминает язык последующих капитуляриев Меровингов.

Теперь мы перейдем к рассмотрению тех перемен, которые произошли в судоустройстве франков после издания Салической правды. Источником для нас послужат капитулярии франкских королей и добавления в тексте Салической правды.

Прежде всего обращает на себя внимание исчезновение из текста законодательства упоминаний о тунгине. О центенарии говорится лишь в одном случае, когда он упомянут как глава отряда, который должен преследовать и ловить вора (см. выше). Функции его скорее полицейские, но никак не судебные. Но то, что о тунгине как участнике судебного собрания нет упоминаний еще не означает, что он вовсе прекратил свое существование в этом качестве. Скорее всего, он подразумевается под судьей в одном из первых капитуляриев⁴³.

Некоторые изменения произошли в функциях рахинбургов. Относительно одних норм у нас нет твердой уверенности, что они не существовали и раньше, но просто не были отражены в законодательстве. К примеру, в эдикте Хильперика сказано, что перед рахинбургами в судебном собрании выставляют человека, который не в состоянии выплатить штраф. Рахинбурги также должны были принять клятву от человека, желающего возбудить дело, перед тем, как начать судебный процесс⁴⁴. Новым, по-видимому, было то, что рахинбурги сопровождали истца к дому не желающего платить пеню ответчика, тогда как раньше это делали свидетели (*testis*)⁴⁵. Гораздо более значительным было другое нововведение, зафиксированные в эдикте Хильперика: рахинбурги должны были предстать перед королем как свидетели со стороны истца в случае апелляции со стороны ответчика, а также как сопровождающие несостоятельного ответчика⁴⁶. Однако рахинбурги в отношении вынесения решений оставались совершенно независимы от графа (ибо те сначала выносили приговор, а граф приглашался для принуждения строптивного ответчика), в противоположность тому, что пишет по этому поводу Г.М. Данилова⁴⁷.

Неизмеримо расширились prerogative графа в судебной области. В капитуляриях граф стал называться судьей (*iudex*). Причем иногда спе-

циально поясняется, что под судьей следует разуметь графа: “iudex, hoc est comis aut grafio”⁴⁸. Григорий Турский также называет графа судьей⁴⁹.

Каковы же были функции графа-судьи? Он являлся представителем интересов государственной власти в судебной системе, которая в сущности оставалась родоплеменной. Уже во времена Хлодвига на судью возлагалась обязанность казнить⁵⁰. Но, по-видимому, только за те преступления, наказание за которые находилось целиком в компетенции государственной власти. В случаях, когда преступник отдавался в распоряжение потерпевшей стороны казнил “тот, кому принадлежит дело”⁵¹. Граф связывал преступника и доставлял его на суд⁵². Судья взимал *fretus*⁵³; причем, в случае, когда речь шла о воровстве, выплата композиции должна была происходить в его присутствии (естественно, чтобы фиск получил свою долю), иначе пострадавший объявлялся разбойником⁵⁴ всему, именно граф принимал очистительную клятву или взимал штраф, когда между двумя селениями находили убитого, которого никто не мог опознать⁵⁵. Это был случай, когда механизмы сотенного суда не могли быть задействованы: без обвинения, которое выдвигали родственники убитого, процесс не мог начаться, следовательно, не могло быть выплачено композиции и *фретуса*. Эта норма появилась, чтобы соблюсти интересы фиска. Графу как представителю государства, а точнее короля, шли *рейпус* (*reipus*) и *аказий* (*achasius*) (выкуп, уплачивавшийся новым мужем вдовы и самой вдовой родственникам прежнего мужа) в том случае, когда их некому было платить. В этом же случае он на судебном собрании принимал под королевское покровительство вдову⁵⁶.

Можно предположить, что граф принимал под королевское покровительство женщин и в некоторых других случаях, хотя прямых указаний на это нет. На нем также лежала обязанности приводить преступника на суд, обвинять перед королем не желающего являться на суд⁵⁷, приглашать к королю истца и ответчика в случае апелляции, а также выставлять перед королем несостоятельного ответчика, производить конфискацию его имущества⁵⁸. Если истец взыскивал с ответчика без судьи (*sine iudice*), то терял долг и платил штраф в 15 солидов⁵⁹.

Остается неясным вопрос, существовал ли в VI в., когда была издана большая часть капитуляриев к Салической правде, суд графа. Хотя граф и стал называться судьей, и полномочия его расширились, но мы не видели до сих пор, чтобы он действительно стал выполнять функции судьи. Поэтому особенно обращает на себя внимание титул “Об антрустионе” одного из капитуляриев, где говорится, что “если антрустион пожелает вызвать в суд по какому-либо делу другого антрустиона, то где бы он его ни нашел, в течение 7 суток должен просить со свидетелями явиться *перед судьей в судебное собрание* (курсив мой — А.З.), чтобы держать от-

вет или придти к соглашению по делу, по которому он является ответчиком”⁶⁰. Для антрустионов этот суд был судом первой инстанции, затем дело могло перейти в судебное собрание для антрустионов и, наконец, слушаться в присутствии короля.

Как же истолковать эту норму? Думается, что здесь речь идет о том же самом сотенном судебном собрании. Присутствие там судьи, т.е. графа, объясняется тем, что рассматривалось не обычное дело, а тяжба двух антрустионов, т.е. королевских дружинников. Антрустионы уже тогда представляли собой корпорацию, члены которой находились в особой связи с королем и между собой. Об этом свидетельствует запрещение антрустионам клясться друг против друга⁶¹. Поэтому граф, как представитель короля должен был присутствовать при разбирательстве подобного рода дел. Заметим, что в титуле не сказано, что судья выносил приговор. Вполне возможно, что он там, действительно, только присутствовал.

Так или иначе, но в VI в. мы видим, как постепенно разрастаются функции графа в судебной области, как этот институт государства проникает в судебные структуры родоплеменного общества. Хотя мы все еще не можем сказать, что это время возник суд графа как отдельная инстанция. Но во время судебных действий граф присутствовал (т.к. на нем лежала обязанность взимать в пользу фиска *fritus* и другие платежи, осуществлять в отношении ответчика принуждение и т.д.), поэтому и получил наименование судьи. Процесс возникновения собственно суда графа был достаточно медленным, но каролингские капитулярии уже однозначно фиксируют его существование⁶².

Важную роль в судопроизводстве стали играть представители духовенства, епископы, которые повсеместно в Западной Европе сосредоточили в своих руках немалую долю светской власти, в особенности в городах⁶³. Григорий Турский, который сам был епископом, сообщает, как вместе с судьей направил враждующим сторонам послание с требованием, чтобы они предстали перед ними и, “выслушав совет, ушли с миром и более не возобновляли ссоры”. Он также сказал, что “если у того, кто подвергается штрафу, небольшое состояние, он будет выкуплен на церковные деньги”⁶⁴.

Теперь перейдем к вопросу о суде короля. В капитуляриях к Салической правде термин “королевский суд” еще не встречается. Но прерогативы короля в судебной продолжали расширяться. Если ранее он был последней инстанцией, которая могла принудить вступить в сделку упорствующего ответчика, то теперь король также принимал апелляции на неправомерные действия графа и истца по конфискации имущества ответчика. При этом рахинбурги, которые разбирали это дело, должны были свидетельствовать перед королем. Король также передавал в руки истца

несостоятельного ответчика и объявлял не желающего явиться на суд преступника вне своего покровительства⁶⁵. Но не все правовые нормы отражены в законодательных памятниках. Как следует из рассказа Григория Турского о Сихаре и Храмнезиде⁶⁶, к суду короля обращалась одна из враждующих сторон, чтобы тот вынес решение в ее пользу и спас этим ее от кровной мести. По-видимому, это же имеет в виду титул Салической правды “О том, кто обвинит перед королем невинного человека” (De cum qui innocentem hominem ad regem accusat)⁶⁷. Король также судил свою челядь⁶⁸.

Кроме того, существовал церковный суд, где и в роли подсудимых, и в роли судей выступали лица духовного звания. В “Истории франков” содержится подробнейшее описание того, как он происходил⁶⁹. Но рассмотрение его должно стать предметом отдельной работы.

¹ Юшков С. К вопросу о дофеодалном (“варварском”) государстве//ВИ. 1946. №7. С.47-65

² Неусыхин А.И. Дофеодалный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодалному // ВИ. 1967. №1. С. 75-86

³ См. Вайнштейн О.Л. Историография средних веков. М.;Л., 1940. 37; Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. М., 1985; Новгородцев П.И. Историческая школа юристов. СПб., 1999.

⁴ Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998; Аннерс Э. История европейского права. М., 1996.

⁵ The settlement of disputes in early medieval Europe. Cambridge, 1986

⁶ Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. М., 1995. С. 168-173; Галанза П.Н. История государства и права зарубежных стран: рабовладельческое и феодальное государство. М., 1980. С. 244-252; Черниловский З.М. История феодального государства и права. М., 1959.

⁷ Данилова Г.М. Возникновение феодальных отношений у франков VI-VII вв. Петрозаводск., 1959.

⁸ Салическая правда/пер. Грацианского Н.П.; под ред. Семенова В.Ф. М., 1950. 168 с. (При ссылке мы будем указывать номера титула или капитулярия и его параграфа)

⁹ Григорий Турский. История франков/пер. и ст. Савуковой В.Д. М., 1987.

¹⁰ О происхождении германцев и местоположении Германии//Корнелий Тацит. Соч. В 2-х тт. Т. I. М., 1993. С. 353-372

¹¹ “...на публичном собрании, т.е. мальберге, пред народом или тунгином”

¹² Тацит. Германия, 12

¹³ Следует заметить, что в тексте Lex Salica нигде термин “сотня” не встречается, но дважды и в разных значениях употребляется “pagus” (I, 5;

L, 3), который Н.П. Грацианский перевел как “волость” и “округ”, соответственно.

¹⁴ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. В 3-х тт. Т. 1. М., 1985. С. 134

¹⁵ Тацит. Германия, 12

¹⁶ Сар., IV,9,16

¹⁷ Данилова Г.М. Указ. соч. С. 226

¹⁸ Lex Salica, XLIV; XLVI; LX

¹⁹ Чельцов-Бебутов М.А. Указ. соч. С. 169

²⁰ Сар., V, 7.: “сидящие и говорящие”

²¹ Lex Salica, LVII, 1-3.: “...in mallobergo sedentes dum causam discutiunt et legem dicere...”; “Si vero illi rachineburgii sunt et non secundum legem iudicaverint...”

²² Lex Salica, LVI, add. I.: “audire secundum legem”

²³ Lex Salica, LVI, 1; L, 3

²⁴ Lex Salica, LVIII, 1; Сар. V, 7

²⁵ Сар., V, 9

²⁶ Данилова Г.М. Указ. соч. С. 226, 229

²⁷ Лебек С. Новая история средневековой Франции. Происхождение франков. V-IX века. Т.1. М., 1993. С. 116

²⁸ Сар., V, 7.: “sciant accionis”

²⁹ Сар., I, 9.: “Tunc vicini... qui *meliores* sunt cum sexaginos quinos se equant... *Minoflidis* vero quinos dinos iuratores donent, qui, ut superius diximus, id est qui iurant”

³⁰ Lex Salica, L, 3

³¹ Сар., V, 7

³² Хазанов А.Н. Военная демократия и эпоха классообразования // ВИ.1968. №12. С. 90-97

³³ Данилова Г.М. Указ. соч. С. 229-230

³⁴ Lex Salica, LIV, 4.: “Sacibarone vero in singulis mallibergis plus quam tres non debent esse, et de causas aliquid de quod eis solvuntur, factum dixerint, hoc ad grafionem non requiratur unde ille securitatem fecerit”. Как нам кажется, перевод Н.П. Грацианского не совсем точен.

³⁵ Lex Salica, LIV, 4.: “si quis *sacebarone aut obgrafione* occiderit...”; L, 4

³⁶ Lex Salica, LIV, 1; Ср. XLI, 1, 3

³⁷ Lex Salica, L, 3; LI, 2

³⁸ Lex Salica, XLV, 5; L, 3, 4; LI, 1, 2; LIII, 2, 4, 6

³⁹ Тацит. Германия, 12

⁴⁰ Lex Salica, LVI, 1; Ср.: LV,2; Сар. I, 5

⁴¹ Lex Salica, XVIII, 1; XXVI, 1,2; XLVI; LVI, 1

⁴² Lex Salica, LVI, 1.: “Si nec tunc venit, ista nove testimonia iurati sicut superius *diximus* dicant”

⁴³ Cap., I, 10.: “nesti cantechigio”; Cp. Lex Salica, L, 2

⁴⁴ Cap., V, 7, 9

⁴⁵ Lex Salica, LVI, add. I. Cp.: L, 2

⁴⁶ Cap., V, 7

⁴⁷ Данилова Г.М. Указ. соч. С. 230

⁴⁸ Cap., I, 7, 9

⁴⁹ Григорий Турский, X, 15

⁵⁰ Cap., I, 2, 3; II, 10; Lex Salica, XLI, add. II, III

⁵¹ Cap., II, 10,2.: “cuius causa est tulerit”

⁵² Lex Salica, XXXII, add. III; Cap., V, 9; Григорий Турский, X, 15

⁵³ Cap., IV, 16; VI, 14, 2

⁵⁴ Cap., IV, 3, 13

⁵⁵ Cap., II, 9

⁵⁶ Cap., I, 7.; Cp. Lex Salica, XLIV, 10

⁵⁷ Cap., V, 9

⁵⁸ Cap., V, 7

⁵⁹ Cap., I, 10

⁶⁰ Cap., II, 8, 1.: “Si antruscione antrusticio de quacumque causa admallare voluerint, ubicumque invenire potuerit super noctes VII eum cum testibus rogare debet, ut *ante iudicem ad malebergo* de causa que inputatur ex hoc responso dare debeat velconvenire”

⁶¹ Cap., II, 8, 3

⁶² Cap., VII, 1

⁶³ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 27

⁶⁴ Григорий Турский, VII, 47

⁶⁵ Cap., II, 8, 1; V, 7, 9

⁶⁶ Григорий Турский, VII, 47; IX, 19

⁶⁷ Lex Salica, XVIII

⁶⁸ Григорий Турский, X, 10

⁶⁹ Григорий Турский, X, 15-20

И.С. Иванов

ПАРИЖ И БОЛОНЬЯ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ.

Современная система высшего образования берет свое начало со времени появления первых учебных заведений в Болонье и Париже. Именно здесь сложилась та организация, представленная факультетами, колледжами, экзаменами, академическими степенями и проч., которая в дальнейшем получила имя университета. В этом смысле, по словам амери-

канского исследователя европейских университетов Ч. Гаскинса, “мы являемся последователями не Афин и Александрии, а Парижа и Болоньи”¹.

Откуда возник термин “университет” и что он означал? Большинство исследователей сходятся на том, что слово “universitas” первоначально не было самоназванием университета как такового. С латинского языка оно переводится как “совокупность”. Термин применялся для определения группы лиц по роду их деятельности². Поэтому возникавшие в приблизительно одно и то же время коммуны, цехи, гильдии и университеты можно назвать одним словом “universitas”. Даже город, по словам Н.С. Суворова, можно было назвать университетом граждан, в нем проживающих³. Тем более, что ступени эволюции положения человека в нарождающемся вузе были сродни цеховым: школяр — бакалавр — магистр и ученик — подмастерье — мастер. Школяр и ученик учились, бакалавр и подмастерье — и учили, и учились, а магистр и мастер преподавали. Следовательно, эта корпорация являлась видовым понятием, подходившим под общее определение университета как союза людей, объединившихся с определенными целями и подчинившихся статутам, ими же выработанным.

От университета отделяли саму школу, или учебное дело (studium) и, когда учреждали учебное заведение, то писали об организации studium generale, а не universitas. По мнению английского историка Г. Рэшдолла, было чистой случайностью, что термин “universitas” закрепился именно за гильдией школяров и преподавателей⁴. Но название “школы генеральной” нельзя понимать в том смысле, что в ней должна преподаваться вся совокупность наук. В средние века отношение к понятию “университет” имело несколько иное значение, чем сейчас. В средние века университеты стремились к определенной специализации, к доминированию одной отрасли над другими: медицина в Монпелье, право в Болонье, теология в Париже. Лишь много позже университеты стали приобретать современный университет облик.

Но возвратимся к термину “studium generale”. Он стал использоваться прежде всего в значении “studium privilegium” для обозначения привилегированного положения университетов, которые имели право обучать различному знанию. Если права и привилегии не учитывались властями, не важно, светскими или духовными, то “генеральная школа” прекращала свою деятельность, так как не была ничем связана: университет не имел никакого имущества. Распустившись, он мог собраться в другом городе. Таким образом, возникли подобные учебные заведения в Падуе (1222), Верчелле (1228), Куимбре (1308), Лейпциге (1409) и других городах.

Лишь после закрепления в сознании и языке термина “studium generale” происходит закрепление за гильдией учителей названия “универси-

тет”. По словам немецкого исследователя европейских университетов Г. Денифле, окончательное утверждение термина в его академическом смысле произошло до 1400г. в Германии, откуда оно проникло во Францию, Англию, Италию.

У университета было и другое название - *Alma Mater*. Г. Денифле считал, что первоначально эти два слова не были связаны между собой. Слово “*Mater*” также как и “*universitas*” применялось для обозначения совокупности представителей разных профессиональных объединений. Им часто пользовался папа Иннокентий IV в своих обращениях к городским гильдиям. Первый случай употребления “*Alma*” Г.Денифле датирует 1337 годом.

Оба определяющих слова *Alma Mater nostra, universitas* стали чаще использоваться одновременно. Словосочетание *Alma Mater* со временем превратилось в самостоятельное обозначение университета как учебного заведения.

Не менее интересным был процесс оформления важной составляющей университета – колледжей. Изначально по своему значению они были очень близки университету. Словом “колледж” буквально называли “союз, оформленный законом”. В течение периода становления университетов студенты находили более выгодным объединение в группы для того, чтобы снимать жильё и делить связанные с этим расходы, нежели жить в личных апартаментах. К тому же данная форма организации позволяла лучше защищаться от внешних врагов (например, в лице городских властей и жителей) и отстаивать свои интересы. Сам термин был заимствован из истории древнего Рима, где словом “*collegia*” обозначали союз лиц, объединенных общей профессией, культом и др. Позже ситуация несколько изменилась, и университет стал означать собой образовательный институт, состоящий из нескольких колледжей.

Разумеется, первые центры высшего образования возникли не на пустом месте. Для этого нужны были определенные предпосылки. Главенствующую роль среди них занимает так называемое возрождение обучения, но не то Возрождение XIV и XV веков, к которому часто относят этот термин, а менее известное, но в данной ситуации достаточно значимое, датируемое XII веком. В раннее средневековье процесс обучения был четко ограничен семью свободными искусствами (грамматика, риторика, диалектика, арифметика, музыка, геометрия, астрономия). Между 1100 и 1200 годами был огромный приток новых знаний в Западную Европу частично через Италию и Сицилию, но в основном через арабских ученых в Испании: работы Аристотеля, Евклида, Птолемея, греческих физиков. Помимо этого, стали доступными те тексты римского права, которые были забыты в течение “темных” веков, а также в добав-

ление к элементарным утверждениям о треугольнике и круге Европа теперь получила книги по планиметрии и геометрии твердого тела. С течением времени вся эта литература стала обязательной для обучения в университетах⁶.

Далее я рассмотрю два университета: Болонский и Парижский. Большинство исследователей считают, что с них пошла традиция высшего образования в западной Европе. Различные школы (в Шартре, Монпелье, Нотр-Даме, в аббатстве Св. Женевиевы и др.) в счет не идут. Болонья и Париж были первыми многосторонними институтами, правда, стоит заметить, что они вышли из, соответственно, школы права и монастыря. Большинство исследователей сходятся на том, что Болонья и Париж символизируют собой два типа образовавшихся университетов как сообщество школяров и сообщество преподавателей. Болонский тип был характерен для юга Европы (за исключением Неаполя), а Парижский - для всей Западной, а впоследствии центральной Европы. Типом университета определялась роль в нем студентов и преподавателей, порядок принятия статутов, представительства при решении внутренних дел и т.п. Немецкий историк Ф.Савиньи говорил по этому поводу, что парижский строй был аристократическим, а болонский – демократическим⁷. Однако это не совсем так, потому что очень часто между учащими и учащимися было трудно провести грань. Они могли быть духовными лицами (в Париже), и учить, и учиться (быть бакалавром), студент даже мог быть ректором университета (например, архидьякон-студент был ректором Болоньи). Плюс к этому, студенты и преподаватели жили бок-о-бок, вместе веселились, участвовали в попойках и всегда были готовы встать на защиту друг друга.

Весьма важным фактором появления и развития Болонского университета была политика Фридриха I Барбароссы, которая явно благоприятствовала высшей школе. Из-за постоянных конфликтов и с папой, и с ломбардскими городами император считал, что ему в этой борьбе лучше всего опереться на букву существующего закона и сослаться на римское право.

В данном случае речь идет о знаменитой аутентике *Habita* от 1158 г., которая была выдана ученикам и учителям болонских школ на Ронкальском сейме (близ Пьяченцы), хотя Ч.Гаскинс ставит под сомнение факт выдачи именно Болонье этой грамоты, мотивируя это тем, что в документе не упоминается определенный город или университет⁸. В то же время это можно легко оспорить и доказать, что данная грамота была в первую очередь адресована болонскому университету.

Autentica Habita дает болонской *studium generale* независимость в юридическом плане от города. Таким образом, университет получил пра-

во на собственный суд, а городу запрещалось арестовывать студента без видимой причины, судить его, а также наказывать за проступки других школяров из той же страны, что и провинившийся. В итоге со времени издания аутентики *Habita* в Болонье наблюдается приток студентов, так как теперь они обладали некоторыми правами и привилегиями перед городом, но это не положило конец в борьбе между университетом и городом.

Вдалеке от дома студенты для организации взаимной поддержки и помощи начали собираться в землячества, которые постепенно в первой половине XIII в. укрупнялись под воздействием внешних факторов (чаще всего это были продолжающиеся притеснения со стороны городских властей и жителей) и в конце концов организовались в два больших объединения: *universitas ultramontanorum* и *universitas citramontanorum*. Данный факт впервые отмечается в городских статутах в 1244 г. Появление этих двух ассоциаций студентов следует считать фактическим началом существования болонского университета.

В 1219 г. папа Гонорий III издал декретал, по которому лицензия на преподавание давалась архидьяконом на основании произведенного профессором испытания претендентов в целях поддержания чести школы и интересов учащихся. Это являлось применением парижских порядков, так как там лицензию давал канцлер. Звание канцлера было чисто техническим для обозначения лица, дающего *licentia docendi*, хотя в действительности это дело возлагалось не на кафедрального канцлера, а на другого члена кафедрального капитула (архидьякона, схоластика). Но в болонском университете и других итальянских студенческих корпорациях (за исключением Неаполя) духовный прелат, хотя он и назывался канцлером, оставался в стороне от университета как внешняя власть, контролирующая производство испытаний на ученые степени. В Париже же канцлер и давал лицензию, и выступал в других отношениях как университетская власть⁹.

Позже, в 1362 г. папой Иннокентием VI был учрежден теологический факультет. В этой дисциплине лицензию давал епископ болонский. Факультет был организован по парижскому образцу с сосредоточением власти в руках магистров. Таким образом, лицензию на преподавание юристы, канонисты, медики и артисты получали от архидьякона, а теологи - от епископа.

Несколько иначе происходил процесс институализации университетской корпорации в Париже. Саму историю появления и развития данного вуза в столице Франции нужно начать с кафедральной школы в Нотр-Дам, состоявшей под руководством кафедрального канцлера. Также определенное влияние оказали две другие школы: аббатства Св. Же-

невьевы и аббатства Св. Виктора. Первая больше славилась своей подготовкой в области свободных искусств, а вторая - в теологии.

Трансформация парижской школы в университет, так же как и в Болонье, не имела четко очерченных хронологических рамок. Невозможно сказать, в какой момент исчезла школа и появился университет, хотя точно известно, что это произошло до начала XIII в. Дата основания парижского университета, сейчас известная как 1200 г., связана со следующими событиями. В городе возникли серьезные столкновения между студентами и горожанами, связанные с убийством нескольких школяров. После долгих разбирательств Филипп II Август издал распоряжение, а котором наказывался прево, а студенты освобождались из-под юрисдикции главы Парижа и получали право на свой собственный суд, как это было в Болонье. Судебную власть осуществлял епископ через официала (должностной орган, который вел суд в общем порядке епархиального управления по всем делам и по всем лицам в объеме церковно-судебной компетенции) или же через канцлера, что было, по-видимому, чаще. Со стороны последнего очень часты были злоупотребления, что привело к ожесточенной борьбе между ним и магистрами. Вследствие нее появилась знаменитая булла папы Григория IX "Parens scientiarum" в 1231г. Её еще называют "великой хартией" (magna charta) Парижского университета.

В Болонье факультетов не было. Слабым их подобием были докторские коллегии. Факультеты появились именно в Париже¹⁰. В официальном документе от 1254 г. значится, что "источник мудрости" в Париже делится на 4 факультета: теологию, юриспруденцию, медицину и философию. Но это не говорит о том, что факультеты образовали университет. Связующим элементом являлись магистры разных отраслей знания. Факультеты образовывались силой солидарности, объединявшей определенные группы преподавателей.

Само слово "facultas" означает способность, в применении к определенной научной области - способность преподавать эту дисциплину, а также и сам преподаваемый предмет. В смысле обособленной отрасли знания папа Гонорий III употребил "facultas" в первый раз в 1219 г. в послании парижскому университету: школяр, выдержавший испытание и получивший лицензию, может свободно управлять в той отрасли (facultas), в которой дана ему лицензия.

В 1255 г. это слово упоминается уже не в смысле науки, а как совокупность магистров известной области знания, то есть в современном значении. Дело в том, что магистры отдельных отраслей стали составлять общие статуты, соединяясь в собрания, сообща производить испытания, возводить в научные степени и так далее. Здесь очень важна вышеупомя-

нутая “*Patens scientarum*”, так как она прямо запрещала одному факультету вмешиваться в дела другого. Таким образом, весьма закономерным было перенесение названия научной отрасли на совокупность преподавателей этой отрасли.

Факультет как организованная группа магистров с правом составлять статуты требовал логического завершения. Именно им и стали деканы (название было заимствовано из церковной организации кафедральных капитулов). Плюс к этому, каждый факультет имел свою печать. Но все это происходило постепенно. Юристы и медики получили деканов в 1267 г. и печать — соответственно, в 1271 г. и 1274 г. Теологи дольше всех были в зависимости от канцлера и получили декана лишь в 1296 г.

Структура факультета искусств имела свои особенности и была в очень тесной связи с нациями. Деление на нации может быть даже древнее образования самих факультетов. Студенты, пришедшие в университет, сначала объединялись в землячества, а позднее — в нации: галльскую, английскую (позднее германскую), пикардийскую и норманнскую. Нации развились в автономные корпорации и каждая из них уже в 1240-х гг. имела собственную печать, которую не имели факультеты и вся университетская корпорация¹¹. Во главе каждой нации стоял прокуратор, а во главе всех соединений наций — ректор. Интересно то, что вся эта система проявилась в полной мере только на факультете искусств, в том смысле, что все без исключения магистры и школяры искусств должны были принадлежать к какой-нибудь из четырех наций. Магистры трех других факультетов стояли вне наций (а магистры играли главную роль). Итак, получается, что все четыре нации обнимал факультет искусств, и ректор делал излишним пост декана.

Справедливо полагают, что первоначальной почвой для развития наций была школьная область Св. Женевьевы, где со времени Абеляра процветали искусства. Там было больше свободы для корпоративного развития вне зависимости от канцлера, чем в области Нотр-Дам.

Оба рассматриваемых университета имели в чем-то различную, а в чем-то схожую историю. Они символизировали собой два типа университета: сообщество студентов и сообщество магистров. Можно с уверенностью сказать, что в Европе большее распространение получил парижский вариант университета, нежели болонский. На его основе позже возникли университеты в Европе, Америке и других странах.

¹¹ Haskins Ch. *The Rise of Universities*. N.Y., 1923. P.4.

² Захаров И.В. Ляхович Е.С. Миссия университета в европейской культуре. М., 1994. С.23.

³ Суворов Н.С. Средневековые университеты. М., 1898. С. 2.

⁴ См.: Захаров И.В. Ляхович Е.С. Указ. соч. — С. 24.

⁵ http://www.ontonline.com/comptons/ceo/04945_A.html

⁶ Haskins Ch. *Op.cit.* - P.7.

Примечание [y1]:

⁷ См.: Суворов Н.С. Указ. соч. – С.8.

⁸ Документы по истории университетов... Воронеж, 1973. - С.45-46.

⁹ Суворов Н.С. Указ. соч. - С.23.

¹⁰ Там же. - С.30.

¹¹ Там же. - С.44.

М. В. Ефремова

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА-КРЕПОСТИ И ОСОБЕННОСТИ УРБАНИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА В СЕРБИИ.

Город-системообразующая структура средневековья, участвующая в становлении нового общества и цивилизации, поэтому урбанизационный процесс не может не вызывать интереса у исследователей.

В современной отечественной медиевистике есть направление, которое культивирует отказ от клише 30 гг. XX в., состоящего в том, что город возник лишь на базе уже сложившихся феодальных отношений и выдвигается тезис об отдельных очагах урбанизма, представленных ремесленными и торговыми поселениями, крепостями и ранними городами (центры племенных союзов, несущие политические функции, торговые эмпории), существовавших еще в период раннего средневековья.¹

При достаточной степени исследования градообразовательного процесса в Западной Европе заметна неизученность этого феномена применительно к Балканскому региону в общем и Сербии в частности.

Сербские средневековые города возникали первоначально как крепости. По свидетельствам, приводимым К.Иречеком,² само слово “город” в исконных сербских землях имело два значения: “крепость” и непосредственно “город”. А. Дероко³, исходя из анализа источников, утверждал, что у сербов на протяжении веков город ассоциировался, прежде всего, с укреплением. Это утверждение подтверждается данными топографии: на территории современной Сербии имеется множество мест с названиями Градиште, Градац (замок), Кулина (от кула-башня).

В условиях постоянных столкновений с соседями и усобиц феодалов крепости выполняли свои административные и военные функции, которые были закреплены в главе 184 Законника Стефана Душана (охрана торговых путей, границ, близлежащих населенных пунктов).⁴

Типичный облик крепостей можно восстановить, опираясь на наиболее сохранившиеся из них (Маглич и Голубац). Для них характерна неправильная основа, повторяющая очертания возвышенности, на которой они были возведены. Каменные стены, окруженные рвом, достигали высоты 8-10м. По верхнему краю стены имели зубцы, защищавшие оборо-

няющихся. Четырехскатные деревянные крыши, которые можно было снимать во время военных действий, венчали башни достигавшие высоты 20 м. В наиболее защищенной части крепости находился донжон (или главная кула), обычно трехэтажный, представлявший последнюю защиту обороняющихся. Большое стратегическое значение имели также цистерны (емкости с водой) и зерновые ямы.

Сербские авторы⁵ указывают на существование в тех укреплениях сооружений, называемых ими “палаты”. Это были постройки, площадью 100-120 м² со стрельчатыми окнами и с залом для аудиенции. Поблизости находилось подсобное помещение (кухня). В ней сохранились остатки очага. В самой же палате для отопления использовалась жаровня.

Слово “палата”, как отмечает М.Радванович,⁶ в средневековой Сербии имело два значения: “основательно построенное здание” и “главное сооружение в городе”. Исходя из размеров постройки и следов украшения на стенах, можно определить, идет ли речь о жилище феодала.

Важным элементом топографии крепости являлась церковь. Капелла для православных богослужений имела в Голубце. В Магличе сохранились остатки церкви Святого Георгия. Над воротами, а также над входом в донжон имелись ниши, в которых прежде были встроены иконы или фрески.

Хотя облик средневековых сербских крепостей был вполне европейским, близость к Византии и Востоку не могла не сказаться на них. С Востока пришел способ укрепления колодцев с помощью оросан-малтер (особого вида раствора, рецепт приготовления которого попал в Сербию из Персии). Один из вариантов усиления стен, опоясывающих город, состоял в том, что между двумя лицевыми слоями камня укладывался слой щебня, закрепленный штукатуркой, который в свою очередь скреплялся бревенчатой решеткой. Как указывает А.Дероко⁷, способ этот был известен еще в Вавилоне.

Лингвистические заимствования для названия отдельных частей крепости (кула – башня (с арабского), чемер – свод (с персидского), чардак – крытая галерея (с арабского) могут косвенно подтверждать заимствования в технике строительства. К.Иречек⁸ отмечает безусловное влияние Византии на местное церковное строительство. А.Дероко⁹ указывает на заимствование армянских и грузинских мотивов в резьбе по камню.

Крепость, представлявшая собой первоначальное городское ядро, не имела при себе подградья, ремесленного или торгового поселения. Лишь ко второй половине XIII – началу XIV века она обретает, наряду с военным и политическим, экономическое значение. Отдельные очаги урбанизационного процесса представленные военными укреплениями, оставшиеся в стороне от хозяйственного развития, так и не превратились в

полноценные города с присущими им чертами внешнего облика, с характерным набором функций. Показательна в этом смысле судьба Романова Града, крепости XII-XIII веков, постепенно заброшенной, руины которой удачно вписались в сельский пейзаж.

Можно привести примеры другого рода. Возникшие в XI веке как укрепления, Призрен и Звечан постепенно обрели экономические функции. Расположенный в густонаселенной местности, находящейся на торговом пути, связывающим внутренние области с Приморьем, Призрен не мог оставаться в стороне от развития торговли, с XIV века в нем ежегодно устраивались ярмарки. Звечан был выгодно расположен на пути в Боснию и Метохию. Но своему расцвету город обязан и соседству рудника Трепче.

Несмотря на небезуспешный ход урбанизационного процесса, в результате чего в XIV веке сложился целый ряд достаточно крупных городов (Призрен, Звечан, Приштина, Ново Брдо), Сербия не производила на европейцев впечатление страны, в которой городское развитие было заметным. А Дероко в своей монографии приводит свидетельство Гийома Адама, посетившего в 1320 году Сербию и отозвавшегося о ней как о «стране сел»¹⁰. Сказанное позволяет заключить: сербский город XIII-XIV века не был идентичен современному ему европейскому.

Еще в большей степени запаздывало развитие боснийского города, который складывается во второй половине XIV- начале XV века.¹¹ Дубровницкие торговцы и занимающиеся горнорудным делом саксонцы имели в Боснии большее значение, чем в Сербии, где местный элемент был сильнее, что проявилось и в облике городов. Так, например, в боснийском городе строились католические церкви, а в сербском – православные.

В заключение можно констатировать растянутость урбанизационного процесса в Сербии. На его развитие, как и в Европе, влияло формирование феодального государства, а также развитие ремесла и торговли. Его ход был связан и со специфическими местными условиями (постоянные войны, холмистый и гористый рельеф), в силу чего, возникшие как военные укрепления, очаги урбанизма долгое время не перерастали в полноценные города с характерным набором функций.

¹⁰Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т.1. Феномен средневекового урбанизма. М., 1999. С. 19-24.

¹¹Журечек К. Историја Срба. Прва књига. Београд, 1952. С.165.

¹²Дероко А. Средневековни градови у Србији, Црној Гори и Македонији. Београд, 1950. С.17.

¹³Законник Стефана Душана: перевод А.Е. Москаленко // Москаленко А.Е. Возникновение и развитие феодальных отношений у южных славян. Хорваты и Сербь. М., 1978. С.101.

⁵Алексић А. Ибар од Рашке до Карновца // Годишњица III, 1879. С. 60-62; Дероко А. Град Голубац. Београд, 1951. С.148; Радовановић М. Маглич-град // Гласник Земалског музеја у Босни и Херцеговине. XLVI – 1934. Свеска за историју и етнографију. С.87.

⁶Радовановић М. Указ. Соч. с. 88.

⁷Дероко А. Средневековни градови ... С.82.

⁸Жиречек К., Радонић Ј. Историја Срба. Друга книга. С.68.

⁹Дероко А. Средневековни градови ... С.85

¹⁰Дероко А. Указ. Соч. С. 71

¹¹Ковачевић-Којић Д. Градска насеља средњовијековне Босанске државе. Сарајево, 1978.С.52.

И.А. Рунихин

ГВИАНСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ УОЛТЕРА РЭЛИ.

Уолтер Рэли (1552-1618) – один из самых известных людей Англии своего времени. Царедворец, философ, поэт, путешественник, организатор пиратских экспедиций – все перечислить невозможно. Трудно сопротивляться магнетическому очарованию столь яркой и разносторонней личности, но, ставя целью работы рассмотреть роль сэра Уолтера Рэли в контексте англо-испанской борьбы за господство на море, приходится опускать многие эпизоды его бурной жизни и ограничиться краткой характеристикой этого человека.

У. Рэли родился в семье небогатого девонширского дворянина. Не закончив образования в Оксфорде он посвящает себя военной карьере. Будущий пират участвует в боевых действиях во Франции на стороне гугенотской армии и в Нидерландах, сражаясь с испанцами. Первым морским предприятием Рэли стала попытка колонизации берегов Северной Америки вместе со своим старшим братом сэром Хемфри Гилбертом, получившим от королевы патент на право “захвата любых отдаленных и варварских стран, коими не владеет ни один христианский государь или народ”¹.

Рэли добивается блестящего положения при дворе – в 1584 г. он был возведен в рыцарское звание, в следующем году получил пост управляющего оловянных рудников и стал одним из наиболее состоятельных и влиятельных людей королевства. Винные лицензии приносили ему от 800 до 2000 фунтов в год. Ему были дарованы обширные площади земли в Корке, Уотерфорде, Типперери, Линкольншире, Дербишире. Нотингемшире². Он был членом парламента и капитаном королевской гвардии. Наравне с Френсисом Дрейком Рэли снаряжает пиратские флотилии, грабящие в Атлантике испанские суда, а после разгрома Непобедимой Армады он становится наиболее активным сторонником широкой колони-

альной экспансии и составляет планы захвата испанских владений в Южной Америке – чтобы нанести удар испанцам в их собственном тылу.

Здесь уместно будет проследить эволюцию англо-испанских отношений в Елизаветинскую эпоху (1558 – 1603). До 1568 года Англию и Испанию объединяло противостояние Франции, поддерживающей претензии Марии Стюарт на английский престол и представляющей угрозу испанскому влиянию в Нидерландах. Однако англо-испанское сотрудничество расстроилось по ряду причин: Мария Стюарт была заключена в Тауэр, концентрация испанских войск в Нидерландах стала вызывать беспокойство, и Англия сократила денежную помощь испанским войскам; с укреплением протестантизма в Англии росли разногласия с католической Испанией, а религиозные войны к тому времени значительно ослабили Францию.

Дата "1568 год" не случайна: в этом году состоялась последняя работорговая экспедиция англичан в испанские колонии в Америке. Экспедицией командовал Джон Хоукинс. Шторм вынудил англичан зайти в испанский порт Сан -Хуан де Улюа, а на следующий день сюда же прибыл испанский флот. В произошедшем столкновении англичане были полностью разгромлены: из шести кораблей уцелело два с горсткой экипажа.³ Среди выживших был молодой капитан Дрейк. Со следующего года прекращаются коммерческие экспедиции англичан в испанские владения, хотя и предшествующие плавания не были чисто коммерческими предприятиями, а сопровождалась грабежами и короткими морскими сражениями. Английские контрабандисты доставляли свои товары из Англии, Франции и других стран. Они продавали их испанцам по ценам более низким, чем в Севилье, а возвращаясь домой, совершали по пути грабительские набеги. После разгрома Хоукинса грабительские набеги становятся систематическими.

Испания не имела возможности оградить себя от этих нападений, так как ее положение в это время было достаточно сложным. В Нидерландах на севере страны вновь произошло восстание (1572). Постоянной угрозой испанским колониям в Америке стали беглые рабы, объединившиеся в большие группы в окрестностях Панамы, гористой местности Валлано и Пуэрто-Бельо. Они державшие в страхе целые селения. Пираты, действующие в Карибском море, всегда могли перехватить торговые флотилии Испании, идущие одним и тем же известным путем: после 1561 г. торговые флотилии из Испании отправлялись два раза в год в январе и августе. Флот отправлялся из Севильи к Канарским островам или островам Зеленого Мыса, оттуда шел к Гаване, где разделялся – часть кораблей отправлялась в Вера Крус (Мексика), другая – в Номбре де Диос (Атлантический берег Панамы).⁴ В эти годы англичане активизировали свои

набеги на испанские колонии, подрывая могущество Испании как державы, владеющей морем.

Уолтер Рэли, герой нашего повествования, справедливо считал, что тот, кто владеет морем, владеет мировой торговлей. А кто владеет мировой торговлей, владеет богатствами земли и ею самой. Термины "мировая торговля" и "морская торговля" в то время, когда не существовало системы железнодорожного транспорта и трансконтинентальных магистралей можно считать синонимичными. Вообще, торговля – дело прибыльное. Морская торговля, как наиболее эффективная – особенно выгодна. Но еще рентабельнее оказывается грабеж участников морской торговли – пиратство.

К середине 1590-х гг. У. Рэли определился в планах организации экспедиции в Гвиану. Чем же привлек его этот труднодоступный заболоченный регион с непредсказуемым водным режимом Ориноко, заселенный племенами индейцев, имевших все основания ненавидеть белого человека после знакомства с испанцами? Дело в том, что английских джентльменов того времени не покидало видение сундуков золота, награбленного в сказочной стране Эль Дорадо. В существование этой страны искренне верили, и Рэли не был исключением.

Легенда об Эль Дорадо (в переводе с испанского золотой, позолоченный) повествует о властителе богатого государства, каждое утро покрывающего свое тело слоем золотого песка и вечером смывающего его в водах большого озера. Легенда, на первый взгляд, фантастическая, но на самом деле очень напоминает обряд избрания верховного жреца у индейцев племени муиска. Жрец, обмазавшись жирной смесью, обсыпал себя золотым песком и, стоя на плоту посреди озера, бросал в воду драгоценные камни и золотые украшения. Как мы видим, озеро – обязательный элемент обряда. И все искатели сокровищ в своих исследованиях отталкивались именно от него. Но в бассейне рек Рупунуни и Паримо (предполагаемое местонахождение Эль Дорадо) нет озера, а лежит обширная саванна, периодически затопляемая – поэтому индейцы неизменно отвечали утвердительно на распросы о большом озере.

Именно в этот район и поместил воображаемое озеро на своей карте У. Рэли. Он считал, что "Гвианская империя лежит прямо на восток от Перу по направлению к морю, на экваторе, и изобилует золотом более, нежели любая иная часть Перу. В ней столько же или еще больше великих городов, чем было даже в Перу, когда страна более всего процветала. И император, и народ придерживаются той же веры, законов, формы правления, что и в Перу. И, как заверили меня испанцы, видевшие Маноа, город императора Гвианы, который испанцы зовут Эль Дорадо, по величине, по богатствам и по превосходному положению великолепнее

любого города на свете, по крайней мере в той части мира, которая известна испанской нации; он расположен на соленом озере в двести лиг длиною, подобном Каспийскому морю”⁵.

Необходимость похода именно вглубь страны Рэли обосновывал тем, что прибрежные испанские города не так просто захватить, они малы и бедны по сравнению с теми, что находятся внутри страны, и богатеют только на время, когда из Испании приходит флот за золотом. Города “и богатства не оставлены на берегу так, чтобы их могло легко смыть большое наводнение или высокий прилив, и не осыхают на песке при отливе”. Нападение должно быть внезапным, чтобы испанцы не успели вывезти золото в районы, находящиеся вне пределов досягаемости пехоты.

В целом же такое предприятие должно было привлечь к Рэли внимание всего мира, и главное – вернуть расположение королевы. Завоевание такой сказочной страны, где, по словам Франсиско де Орельяны, не только храмы покрыты золотом, но из золота сделана даже домашняя утварь, должно было принести больше почета, чем Кортесу открытие Мексики и Писсаро завоевание Перу, и “сияющая слава этого завоевания затмит столь широкую славу испанской нации”⁶.

Столкновение с испанцами Рэли считал неизбежным и обосновывал военные действия против Испании государственной необходимостью. Испания, несмотря на поражение 1588 г., сумела восстановить свои силы и “снова, подобно буре, угрожает нам кораблекрушением”. Это стало возможным только благодаря золоту Индий, что подрывало безопасность всей Европы. Нельзя допустить, чтобы Испания усилилась настолько, чтобы могла удержать Англию от заморских предприятий, расстроить торговлю и принудить к обороне совершенно невыгодной и бесперспективной. Королевство, вынужденное защищать себя, неминуемо падет. Рэли полагал, что следует вести агрессивную политику, способствовать всем предприятиям, которые могут подрывать морское могущество и морскую торговлю Испании. Людей, готовых рисковать головой, найдется немало, стоит лишь намекнуть, что отправляются за сокровищем. К тому же стремление к грабежам и богатствам заставляет солдат сражаться с особым вдохновением.

При подготовке экспедиции за океан в 1593 и 1594 гг. были высланы разведывательные группы под командованием Джона Берга и капитана Уиддона, доставившие ценные сведения. 6 февраля 1595 г. эскадра Рэли вышла из порта Плимут. Она состояла из пяти кораблей и нескольких мелких судов. Помимо корабельных команд числилось более ста солдат и офицеров. Три корабля отстали сразу. На остров Тринидад, после шести недель плавания, пришел корабль Рэли и небольшой барк под коман-

дованием капитана Кросса. Позже к ним присоединился капитан Джордж Гиффорд на корабле “Лайонз велл” и капитан Кеймис. Корабли собрались в Пуэрто-де-лос-Испаньолес.

Узнав, что в городе находится малочисленный гарнизон, Рэли решил напасть первым. ”Я прослыл бы совершеннейшим ослом, если бы, желая отомстить за прежнее зло (испанцы расправились с людьми капитана Уиддона) и добраться до Гвианы на небольших шлюпках, отошедших от моих кораблей на 400 или 500 миль, оставил у себя в тылу гарнизон, заинтересованный в том же предприятии и ожидающий со дня на день помощи из Испании”⁷.

Гарнизон города Сан Джозеф (Сан-Хосе-де-Оруна) был перебит в результате внезапного нападения. Жители, кроме губернатора Беррео и его помощника, были отпущены, а крепость, по настоянию индейцев, была предана огню. Особого внимания заслуживает речь Рэли перед индейцами, в которой он убеждал последних, что Елизавета– враг кастильцев из-за их тиранств и что она несет избавление всем народам, а сам Рэли послан освободить Гвиану от испанского вторжения и завоевания. Вообще Рэли, понимая уязвимое положение своего немногочисленного отряда в делях Ориноко, пытался заручиться поддержкой местных племен, не вступать с ними в открытые конфликты и всячески изобличать испанские зверства, говоря об особой миссии англичан в деле освобождения индейцев от испанского владычества. Важно было добиться расположения индейцев, использовать в своих интересах их ненависть к поработителям.

Для плавания по водам, изобилующим отмелями, Рэли пришлось переделать часть своих кораблей, снять надстройки и уменьшить осадку до пяти футов. Пройдя на маленьких шлюпках и яликах залив Гуанипа, что было само по себе очень рискованно, так как шли в большую волну и при сильном ветре и течении, экспедиция вступила в лабиринт дельты Ориноко. “Мы могли бы проплутать в этом лабиринте рек целый год, прежде чем нашли какой-нибудь путь оттуда или туда, особенно после того, как испытали отливы и приливы за прошедшие четыре дня; я уверен, что на всей земле нет подобного слияния рек и рукавов, пересекающих друг друга несколько раз. Все они столь обильны и велики и так походят один на другой, что никто не может сказать, которым следует воспользоваться. И если даже мы шли бы по компасу или по солнцу, надеясь так пройти прямым курсом, то и тогда нам пришлось бы кружить среди множества островов”⁸, – так пишет Рэли о продолжительном блуждании в дельте. Чем дальше продвигалась экспедиция, тем меньше оставалось провианта, воздух становился все более нездоровым, река ускоряла свое течение, а люди слабели. Офицерам приходилось убеждать отряд в том, что возжеленная страна уже близко, до нее день или два пути, а повернув назад,

команда наверняка погибла бы от голода. Рэли на остановках пытался разведывать золотые месторождения, но солдаты были заняты добычей пропитания, так что минералогические изыскания особого успеха не имели.

Так двигаясь во время приливов, которые на Ориноко ощущаются на огромном расстоянии, Рэли дошел до впадения в Ориноко реки Короли. Рэли направил два отряда на поиски золотой руды, "каждый из людей принес ... по нескольку разных камней, камни эти оказались очень красивыми, но были из таких, что просто валяются на земле... Однако некоторые из этих камней я показывал одному испанцу из Каракаса, который сказал мне, что это EL Madre del oro и что залежь находится глубже в земле"⁹.

Разведав, насколько это было возможным, местность в округе и заручившись поддержкой аборигенов, Рэли решает вернуться. Главной причиной этого стала надвигающаяся зима. В это время года на Гвиане идут дожди со множеством сильных бурь и гроз, что вызывает разлив рек. Поэтому нужно было спешить. Путешествуя по бурной реке к океану, Рэли пришлось преодолеть немало трудностей. Но наиболее тяжким испытанием стал шторм, застигший экспедицию при выходе в океан. На утлых перегруженных суденышках удалось дойти до острова Тринидад, где они нашли свои корабли, стоящие на якоре. Чтобы не возвращаться с пустыми руками, Рэли провел свою флотилию к берегам Венесуэлы, где разграбил несколько испанских городов.

Результаты экспедиции в глазах королевы не были значительными. Рэли не привез ни испанского золота, ни сокровищ Эль Дорадо, если не считать образцов красного дерева и калекасов с ядом кураре. Его главным достижением стало написание отчета об экспедиции, в котором он, помимо рекламы баснословных сокровищ Эль Дорадо приводит важные и в целом верные сведения о бассейне реки Ориноко. Это была первая в мире работа, специально посвященная данному региону.

Рэли дает точные географические описания, составляет карту бассейна Ориноко, на которой отобразил все разведанные испанские укрепления, о которых в книге полностью умалчивает (карта не предназначалась для печати). Рэли точно определил минеральные и природные богатства региона, дал достоверное описание коренного населения, очень подробно останавливаясь на описании расселения племен, их быта, ремесел, обычаев и т.д. Книга вызвала живой интерес у широкой публики, всколыхнув антииспанские настроения и укрепив позиции тех, кто настаивал на войне с Испанией. Но красноречие Рэли не возымело действия на королеву и, несмотря на заверения в том, что Гвиану легко захватит хорошо вооруженный отряд в сотню человек, английское правительство не могло

выделить ни кораблей, ни солдат, так как готовилось к нападению на Испанию.

После смерти Елизаветы в 1603 г. и воцарения Якова I Рэли как активный противник династии Стюартов и ярый сторонник антииспанского курса стал на путь заговоров. Яков I на первом же заседании парламента заявил, что англо-испанские войны были личной распрей суверенов и закончились со смертью Елизаветы¹⁰. Неудивительно, что Рэли вскоре был обвинен в государственной измене и приговорен к смертной казни, которая тогда, впрочем, не состоялась, и Рэли угодил в Тауэр. Первоначально пребывание в Тауэре мало походило на заключение – ему предоставили большие апартаменты в верхней части Кровавой Башни, где он находился с женой, сыном и тремя слугами. Но после раскрытия в 1605 году т.н. Порохового заговора режим заключения был ужесточен.

Рэли не оставлял попыток освободиться, обещая различным государственным деятелям тонны золота и серебра, если ему разрешат организовать экспедицию в Гвиану. Он поддержал разработку проекта основания английской колонии в Гвиане, предложенного Робертом Харкорттом в 1609 г. По этому проекту англичане должны были захватить земли вдоль одной из многочисленных рек Гвианы – реки Ояпок¹¹, разбить там плантации на которых работали бы индейцы. Проект провалился из-за недостатка средств и активного сопротивления местного населения. Колония просуществовала до 1613 г. Еще одним предприятием, в котором участвовал Рэли, была экспедиция 1611 г., организованная лондонской “гвианской группой” во главе с сэром Томасом Роу.

Таким образом, при поддержке кругов дворянства, которым выгодна была заморская экспансия, а так же влиятельного лондонского Сити Рэли и в Тауэре не прекращал активной деятельности продолжая добиваться проведения антииспанской политики и устройства английских колоний в Южной Америке. Но лишь в 1616 году заинтересованные независимые политики Англии деловые круги выступили против происпанской политики Якова I и его окружения. Был разработан новый план колонизации Гвианы, осуществление которого было возложено на Рэли.

Финансы страны были в плачевном состоянии, и возможность с легкостью пополнить казну представлялась заманчивой. Яков I согласился освободить Рэли и разрешить организацию экспедиции на условии, что пятая часть всей добычи будет передана короне. После тринадцатилетнего заключения в сентябре 1616 г. Рэли выпустили из тюрьмы. Началась активная подготовка экспедиции, что вызвало большое беспокойство в Мадриде. Испанский посол в Англии граф Гондомар сделал все возможное, чтобы помешать Рэли, но предотвратить экспедицию не удалось. Чтобы успокоить союзников, Яков I предоставил испанцам полные све-

дения о количестве и составе экспедиции, а так же времени и месте предполагаемой высадки. Рэли были даны инструкции, не позволяющие ему действовать в испанских владениях. В случае нарушения мирного договора Англии и Испании Рэли должен был быть доставлен в Мадрид и казнен, хотя всем было ясно, что экспедиция в Гвиану неминуемо приведет к столкновению с испанцами. Рэли осознавал, что оно неизбежно. Знал он и о том, что в случае успеха ему все сойдет с рук – ведь победителей не судят. Рэли был согласен на все и твердо решил добиться успеха.

19 августа 1617 года экспедиция Рэли вышла в море. Эскадра состояла из тринадцати судов, а общая численность участников достигала 500 человек. Через четыре месяца плавания, потеряв многих людей из-за болезней, корабли стали в виду острова Тринидад. После нескольких стычек с испанцами Рэли, пройдя к устью р. Ояпок, отправил отряд своего ближайшего соратника Кеймиса в район испанского укрепления Сан Томе, а сам перебазировался на Тринидад. Кеймис месяц добирался до места, поднимаясь на лодках вверх по течению. Высадившись, наконец, в одной лиге от Сан Томе, около первого часа ночи он предпринял атаку на укрепление, взял и сжег его.

Отряд провел некоторое время на развалинах укреплений, а затем в поисках золота дошел до впадения в Ориноко реки Гуарико. Кеймис до последнего поддерживал в своих людях надежду, что найдет золотую залежь. После 20 дней изнурительных и бесплодных поисков в джунглях, осознав несбыточность этой мечты, команда подняла бунт. Не выдержав тягот путешествия и горечи разочарования, Кеймис покончил с собой.

Неспокойно было и на кораблях Рэли. Он писал, что экипажи судов состояли из “пьяниц, богохульников и прочей накали, чьи отцы, братья и друзья считали огромной выгодой возможность отделаться от них, рискуя 30, 40 или 50 фунтами и зная, что дома они так дешево не обойдутся”¹². Существовала реальная опасность подхода испанских войск, и не только солдаты, но и офицеры стремились уйти из опасного района. Положение сложилось отчаянное, и корабли вынуждены были покинуть карибские воды. Предложение заняться морским разбоем вначале было встречено сочувственно, но после прибытия на Ньюфаундленд, куда корабли зашли за провизией, команды взбунтовались по-настоящему.

Таким образом, Рэли потерял последнюю возможность как-то компенсировать провал экспедиции. Ему пришлось повернуть назад, и 26 мая 1618 г. экспедиция вернулась в Плимут. Испанский посол, узнав о сожжении Сан Томе, потребовал выполнения обещаний относительно выдачи Рэли, угрожая прервать переговоры о браке принца Карла и испанской инфанты.

Яков I подписал указ об аресте Рэли. Но на деле этот указ не исполнялся, правительство медлило, и Рэли почти два месяца прожил в Плимуте. Неясными остаются причины, по которым он, зная об указе, не покинул страны, когда у него была такая возможность, хотя уехать ему советовали многие доброжелатели. В конце концов он решился бежать во Францию, но было поздно, план побега был раскрыт, а сам Рэли арестован (8 августа 1618 г.). Ему было выдвинуто обвинение в стремлении разрушить англо-испанский союз, сношениях с французским королем и вредоносных действиях по отношению к Испании. Он был признан виновным. 29 октября Яков I утвердил приговор, заменив повешение, четвертование и потрошение обезглавливанием. 2 ноября 1618 г. Рэли был казнен. Поведение его на эшафоте поразило современников своим мужеством. Он вел себя так, словно это было в сотый раз отрепетированное представление, а на замечание палача о том, что голова на плахе обращена «неправильно», хладнокровно ответил: «голова – не важно; главное чтобы душа была правильно обращена».¹³

Вся жизнь Уолтера Рэли – замечательная иллюстрация процесса становления и укрепления в Англии позиций нового дворянства и буржуазии, в руках которых были сосредоточены основные богатства страны. Рэли считал, что основной целью и главной обязанностью этих социальных слоев было обеспечение процветания королевства. Он понимал важность самостоятельной политики государства, не связанной никакими договорами, в особенности ограничивающими торговые инициативы английского купечества. Кроме того, Рэли пытался основать постоянные колонии в Новом Свете, и если это ему не вполне удалось, то его последователи, используя опыт и знания, накопленные во время предшествующих экспедиций, смогли добиться успеха. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что сэр Уолтер Рэли своей деятельностью закладывал основы будущей Британской колониальной империи.

¹ Рэли У. Открытие Гвианы. М.: Географгиз, 1963. С. 7; Williamson J. A Notebook of Empire History. - London.: 1942. - P. 38.

² Яковлева Е. И. Идеальное государство Уолтера Рэли // Вестник МГУ. 1972. № 1. - С. 70.

³ Williamson J. A Op. Cit. P. 33.

⁴ Фрищина Н. Н. Англо-испанские столкновения в Карибском море // Вестник ЛГУ. 1981. № 14. - С. 40.

⁵ Рэли У. Указ. Соч. С. 50.

⁶ Там же. С. 35, 107.

⁷ Там же. - С. 47.

⁸ Там же. - С. 70.

⁹ Там же. - С. 90.

¹⁰ Петросьян А. А. Два процесса Ралея // ВИ. 1985. N 9. С. 184.

¹¹ Губарев В. К. Первая английская колония в Вест-Индии // ВИ. 1980. № 5. С. 187.

¹² Рэли У. Указ. Соч. С. 16.

¹³ Кружков Г. Притча об олене. <http://www.rema.ru/komment/litoboz/prayer.htm> 13.07.99.

НОГАЙ — ПОЛКОВОДЕЦ И ПОЛИТИК ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ).

Ногай, выдающийся политик Золотой Орды второй половины XIII в., оказал огромное влияние на внутреннее и внешнее положение Джучиева Улуса. В этой связи его личность не может не привлекать пристального внимания исследователей.

В историографии деятельность Ногай оценивается, в целом, однозначно. Он рассматривается, как сепаратист, стремящийся к независимости. Причем В.Л. Егоров отмечает, что Ногай во всем противостоял великим ханам¹. Эрэнджен Хара-Даван называет его полузависимым наместником². Ряд исследователей определяют его статус как хана, то есть независимого правителя (Н.М. Карамзин, А.В. Экземплярский, Н.И. Веселовский, В.А. Кучкин³). Или же, как фактически самостоятельного государя, не оформившего это положение юридически (Л.Н. Гумилев, А.Н. Насонов⁴). Ближким к этому мнению является положение Г.В. Вернадского и, восходящие к нему, данные Шпулера и Феннела о Ногае, как соправителе великого хана и верховного правителя ногайской (мангкытской) Орды⁵. В целом, в указанных трудах, достаточно подробно проанализирована политическая роль Ногай в конце XIII в. В то же время, его деятельность как полководца осталась мало затронутой. Нам представляется возможным еще раз рассмотреть военные и политические события того времени и представить их в форме биографии Ногай.

Ногай (или Ису Ногай) (? — 1300 г.) — внук Бувала, седьмого сына Джучи-хана. Сын Тутара. Год рождения неизвестен. Впервые на страницах источников его имя появляется при описании событий лета-осени 1262 г., когда он является командующим авангарда ордынских войск вторгшихся в Закавказье в рамках войны Джучидов и Хулагуидов. Пройдя через Дербент, тридцатитысячное войско под командованием Ногай заняло ширванский плацдарм. Навстречу им был выдвинут авангард войск Хулагу во главе с Ширемун-нойоном, Абатаем и Самагаром⁶. В результате смелых действий Ногай у Ширвана противник был опрокинут в реку и уничтожен⁷ (Тиз.Т.2.С. 99). Однако подошедшие основные силы Хулагу вынудили ордынцев отступить за Дербент. Ногай и подчиненные ему войска удерживали Дербент в течении всего дня восьмого декабря

1262 г.⁸ Затем до 15 декабря 1262 г. ордынцы прикрывали дорогу от Дербента вглубь степей⁹. Однако перевес сил был на стороне Хулагуидов, ордынцы отступили за Терек и присоединились к основным силам Джучидов.

По сведениям Эннувейри, Ногай участвовал в разгроме войск Хулагуидов на Тереке 13 января 1263 г. Именно в этом бою он потерял один глаз от удара копья¹⁰. В 1263 г. Ногай занимал Дербентский улус и участвовал в пограничной войне с иранскими татарами. Летом 1265 г. (июнь-июль) авангард ордынских войск во главе с Ногаем вновь вторгся в Закавказье. Ордынцы столкнулись с армией Хулагуидов близ Аксу. В результате упорной схватки войска Джучидов отступили. По Рашид-ад-Дину Ногай потерял глаз в этом бою. Авангард соединился с основными силами Берке. По Эннувейри, вслед за авангардом во главе с Ногаем был послан пятидесятитысячный отряд под командованием Сунтая. Однако, заметив противника, данный отряд отступил без боя. В то же время, авангард во главе с Ногаем вступил в схватку и даже победил. В результате «усилилось с тех пор значение его (Ногай — Ю.С.) у него (Берке — Ю.С.) и возвысилось положение его. Он (Берке — Ю.С.) поставил его над несколькими тьмами, вина же Сунтая в глазах Берке была велика»¹¹. Видимо, именно с этим событием необходимо связать назначение Ногай «начальником войск Бату и Берке»¹².

По данным Георгия Пахимера, в 1265 г. Ногай возглавляет поход ордынских войск в союзе с болгарским царем Константином Теха на Константинополь. Война была вызвана задержкой византийским императором Михаилом Палеологом египетских послов к Берке-хану. Как установил А.Н. Насонов, ордынские войска, вероятно, уже с 1263 г. совершали набеги на владения Византийской империи¹³. Видимо в 1265 г., до июля-августа¹⁴ был предпринят большой поход на Константинополь. Двадцатитысячный татарский корпус через Болгарию вторгся в пределы империи¹⁵. Ордынско-болгарским войскам удалось внезапно напасть на византийцев. Войска императора Михаила VIII Палеолога поддались панике и были разгромлены. Сам император, бросив армию, бежал в столицу. Ордынцы осадили крепость Енос в устье реки Марицы, где находился в плену сельджукский султан Изз-ад-Дин. Ногай потребовал его выдачи. Греки требование исполнили, после чего осада была снята. Коалиционные войска разграбили Фракию и отступили¹⁶. На Византию была наложена ежегодная дань¹⁷. В то же время, известно, что в период набегов на Византию (1263-1265 гг.) Ногай командовал войсками на кавказском фронте. Этот факт вызывает сомнение, в частности, у В.Л. Егорова в том, что именно он возглавлял данную операцию¹⁸. Однако в источниках нет никаких сведений об участии Ногай в боевых действиях в Закавказье в

период с лета 1263 г. до лета 1265 г. То есть, можно допустить, что полководец возглавлял крупный поход на Византию в 1264-первой половине 1265 г. Данный вывод подтверждается сведениями Ибн Биби, который сообщает, что ордынско-болгарские войска вторглись в Византию зимой, видимо, 1264-1265 гг.¹⁹

Смерть золотоордынского хана Берке в 1266 г. остановила на время крупномасштабные военные действия в Закавказье²⁰. В то же время, Ногай остался “главным предводителем войск”. Рашид-ад-Дин называет его главнокомандующим “правого крыла того улуса” (Джучиева — Ю.С.), то есть — Ак-Орды²¹. В XIV в., при великом хане Узбеке, начальник войск (беклярибек) являлся не только “военным министром”, но и главой “правительства”²². Происхождение же Ногая из рода Чингиз-хана делала его вторым человеком в государстве после великого хана. Это обстоятельство позволило Ногаю завязать в 1270-1271 гг.²³ дипломатические отношения с султаном Египта. В 1270-е гг. Ногаева Орда, центр которой располагался в междуречье Дуная и Днестра²⁴, начинает доминировать над регионом. В 1270 г. татары совершили набег на Византию. По Эннувейри приказ о походе исходил от Менгу-Тимура²⁵. По Пахимеру, ордынцев призвал Андронник “желая привести общественные дела в замечательство...и тохарцы (татары — Ю.С.), призываемые к добыче, понеслись по всей земле римской (Византии — Ю.С.)”²⁶. Отряды Ногая вторгались на Балканы также в 1271, 1277, 1278 гг. Могущественный Чингизид принимал активное участие в подавлении антифеодального восстания в Болгарии под руководством Ивайлы. Последний был казнен в 1278 г. в ставке Ногая. Около 1273 г. византийский император Михаил VIII Палеолог выдал за Ногая свою незаконнорожденную дочь Ефросинью²⁷. Около 1277 г. ордынский полководец прислал к южнорусским князьям Льву Даниловичу Галицкому, Мстиславу Даниловичу Луцкому, Владимиру Васильковичу Владимиро-Волынскому послов Тегичага, Кутлубугу, Ешимута. Ногай придавал русским князьям отряд во главе с князем Мамшеем для похода на Литву. Татарский отряд разорил у Новоградка, русские рати около Городни²⁸. В 1280 г. бездетным умер король Болеслав. Лев Данилович Галицкий заявил претензии на часть польской территории. По словам летописи, “еха к Ногаеви окаянному проклятому помочи собе прося у енго на ляхы”²⁹. Ногай дал отряд во главе с тремя князьями: Кончак, Козей, Кубоган. Разорив земли у Сандомира, русско-ордынский отряд двинулся к Кропивнице с дальнейшей целью развития наступления на Краков. Однако рассредоточенные силы Льва подверглись атакам поляков. В результате “...убиша бо ляхове от полку его многы бояр и слуги добрее, и татар часть убиша. И тако возвратися Лев назад с великим бесчестьем”³⁰.

Второй этап возвышения Ногаю связан со смертью в 1280 г. великого хана Менгу-Тимура. Ордынский престол занял его брат Туда-Менгу. Однако, по данным Бейбарса, фактически власть оказалась в руках жены Менгу-Тимура Джиджек-хатунь и эмира Байтера³¹. Такое положение не устраивало стоящие за фигурой Туда-Менгу круги степной аристократии. Данные лица (имена их не известны) отправили жалобу на Джиджек-хатунь Ногаю, “который приказал задушить ее”. Погиб и эмир Байтера. С этого времени арабские авторы называют Ногаю “правителем в северных странах”³². В этот период войска Ногаю совершают большой поход через Дунай, разоряя Болгарию, Фракию и Македонию³³. Ногай в 1282-1283 гг. выдает ярлык на великое Владимирское княжение Дмитрию Александровичу Переяславскому³⁴.

По данным Рашид-ад-Дина Туда-Менгу царствовал “некоторое время”. Затем власть узурпировали, “под тем предлогом, что он помешан”, сыновья Менгу-Тимура, Алгуй и Тогрыл, и сыновья Тарбу — Тула-Бука и Кунчек и “сами совместно царствовали пять лет”³⁵. Поскольку убийство Тула-Буки и Алгуя произошло в 1291 г. (4 января — 23 декабря)³⁶, то отречение Туда-Менгу необходимо отнести к 1285-1286 гг. При этом арабский автор Бейбарс отмечает, что Туда-Менгу правил также пять лет, а вступил он на престол в августе 1281 г.³⁷ В этом случае также получаем дату — 1286 г. Бейбарс пишет об отречении Туда-Менгу в 686 г. хиджры (16 февраля 1287 г. — 5 февраля 1288 г.) К этому же времени он относит поход Тула-Буки совместно с Ногаем на Краковскую (Польшу) (или Крулевскую (Королевскую) — Венгрию) землю. Ногай после похода пошел отдельно от великого хана. Теле-Бука и его войска сбились с дороги. Многие погибли от стужи и голода³⁸. Подобную ситуацию описывает галицко-волынский летописец (под 1282 г.) Поход был направлен против Венгрии. Ногай пошел дорогой на Брашев. Теле-Бука заблудился в Карпатах “и бысть в них голод велик, и начаша людие ести, потом начаша и сами измирати, и умерло их бесчисленное множество...Окаянный же и незаконный Телебуга выиде пешь со своею женою, об одной кобыле, посрамлен от Бога”³⁹. Вероятно, источники повествуют об одном и том же походе. Однако хронология галицко-волынской летописи вносит путаницу в последовательность событий. Ключом к разгадке может послужить описание в этой летописи похода Ногаю и Теле-Буки на Польшу в 1287 г. Данный поход надежно датируется известиями Длугоша зимой 1287-1288 гг.⁴⁰ Другим подтверждением времени похода является наличие в тексте летописи даты прохода по русским землям ордынских войск. Татары прошли мимо Владимира-Волынского “в неделю же...по Микулине дни, на завтри день” (в воскресенье, на завтра после Николина дня)⁴¹. Николин день осенний приходится на 6 декабря (поход проходил

зимой, поскольку реку Сан переходили по льду)⁴². Если автор летописи придерживался при описании событий мартовского или январского календарного стиля, то 6 декабря было субботой именно в 1287 г.⁴³ В случае использования им сентябрьского стиля, такое сочетание наблюдается в 1288 г. Однако события не могли происходить зимой 1288 г. поскольку к этому времени умер один из действующих лиц — краковский князь Лешко Черный⁴⁴. Таким образом, поход на Венгрию, происходивший годом раньше, необходимо датировать зимой 1286-1287 гг. Это косвенно подтверждается и данными Бейбарса, относящим его ко времени непосредственно после отречения Туда-Менгу. Одновременно время похода косвенно подтверждает дату отречения Туда-Менгу — до зимы 1286 г.

Отречение от престола около 1286 г. хана Туда-Менгу сделало Ногаю старшим в роду. Кроме того, активизировалось западная политика центрального правительства Орды. Зимой 1286-1287 гг. татарские войска, во главе с новым ханом Теле-Букой, совершили поход на Венгрию через Карпаты. Присоединился к военной акции и Ногай. Галицко-Волынская летопись отмечает, что Орда пришла “в силе тяжце во бецисленном множестве” и “воевавшима землю Угорскую”⁴⁵. По данным Бейбарса, татары “разлили повсюду опустошение, грабили что хотели, ибивали кого хотели...”⁴⁶. Однако на обратном пути Ногай и Теле-Бука разделились. Первый пошел “на Брашев” и благополучно добрался до своих кочевий. Последний же пошел “через горы” и заблудился в Карпатах “и ходи по тридцать дней”. В результате в его войсках возник голод и “начаша люди измирати, и умре их бецисленное множество”. Туле-Бука же “выиде пещь со своею женою, об одной кобыле, посрамлен от Бога”⁴⁷. Ордынский хан заподозрил, что Ногай специально направил его в горы, с целью ослабить его войска. И с этого времени “...в него (Тула-Буку — Ю.С.) закралась вражда и вселилась злоба...”⁴⁸.

Однако, несмотря на недоверие к Ногаю, Теле-Бука совершил совместный с ним поход на Польшу следующей зимой 1287-1288 гг.. Причем летописец специально отметил, что “бяше же меже има (Ногаем и Теле-Букой — Ю.С.) нелюбовье велико”. Ордынский хан двинул свои войска через Галицко-Волынскую Русь. Шестого декабря татары прошли мимо Владимира-Волынского⁴⁹. Затем ордынцы вторглись “сперва в Люблинскую и Мазовецкую области, а затем в Сандомирскую”⁵⁰. Эта обширная территория была разорена, однако взять Сандомир татарам не удалось. Ордынцы грабили окрестности города около десяти дней. Теле-Бука намеривался развить наступление на Краков, но получил сведения, что там находятся войска Ногай и отступил к Торжску⁵¹. Ордынский полководец Ногай, пройдя мимо Перемышля⁵², появился под Краковом в канун Рождества (23-24 декабря 1287 г.). Краковский князь Лешко Черный

бежал с женой в Венгрию. Однако попытка взять штурмом город не удалась, и ордынцы стали разорять сельскую территорию Польши. Татары, “продвигаясь дальше, дошли до Панноских Альп и Силезии”⁵³. Обратные ордынские войска также двигались порознь “зане быша межи има нелюбье велико”. Глицко-Вольнский летописец отметил также, что “тое же зимы и в ляхох бысть мор велик. Изомре их бесчисленое множество”⁵⁴.

Накал противостояния Тула-Буки и Ногая ярко прослеживается на примере событий в Курском княжестве. Ордынский баскак Ахмат, ставленник Ногая, организовал во владениях князей Воргольского и Липовичского две слободы. В них начал стекаться народ, привлекаемый, видимо, установленными льготами. Это наносило экономический урон русским князьям, и они отправили жалобу хану Тула-Буке. Хан дал Олегу Рыльскому и Воргольскому “приставы” и слободы были уничтожены. Однако Ахмат привел войска от Ногая и разорил территорию княжества. Князья бежали: Святослав Липовичский — в Воронежские леса, Олег — к Тула-Буке. В апреле Святослав “без царева слова” напал на баскаческий отряд и уничтожил его. Олег поссорился из-за этого с Липовичским князем, привел от хана отряд и убил Святослава с двумя сыновьями. Позже, его брат привел отряд, вероятно, от Ногая. Олег погиб⁵⁵. Несмотря на то, что критический анализ источников позволяет отнести смещение Туда-Менгу ко времени до зимы 1286 г., следует согласиться с датировкой данных событий весной 1289 — осенью 1290 гг.⁵⁶

По данным Рашид-ад-Дина, Тула-Бука со своими союзниками Алгум, Тогрылом и Кунчеком решил убить Токту, одного из сыновей Менгу-Тимира, “заметив в нем признаки отваги и мужества”⁵⁷. Бейбарс добавляет, что было принято решение устранить и Ногая. Тула-Бука пригласил полководца в свою ставку “под предлогом, что нуждается в его присутствии для советов и исправления его мнения”⁵⁸. Ногай двинулся навстречу к становищам Тула-Буки. Одновременно завязал переговоры с его матерью. Он объявил себя смертельно больным. В результате, по требованию матери хана, в его ставку прибыли Тула-Бука, Алгуй, Тогрыл и Кунчек без надлежащей охраны⁵⁹. Из засады выехали Токта и, присоединившиеся к заговору, Бурлюк, Сарай-Буга, Тудан и их войска. Тула-Бука и его союзники были арестованы, а затем “им покрыли головы и переломили спины”⁶⁰.

С 1290-ми годами связано дальнейшее усиление Ногаевой Орды. По данным В.Л. Егорова, к этому времени признали вассальную зависимость от Ногая Тырновское царство, Браничевское и Виденское княжества. В начале 1290-х гг. король Сербии прислал своего сына и бояр, признавая тем самым зависимость от Орды⁶¹.

В период с декабря 1292 по декабрь 1293 г. Ногай отправил свою жену Байлак-хатунь к Токте с требованием наказания ряда эмиров. Токта вызвал по одному эмиров: Калотикая, Ютука, Каракуюка, Маджара, Баринтокту, Куби, Юку, Туратемира, Алтемира, Туку, Байтару, Баймектемира, Байтуктемира, Байгурактайджи, Баруха, Малджука, Бурулги, Кунджука, Судука, Караджина, Хаджари, Ишку, Баяджи. Все они были казнены. В следующем 693 г. (2 декабря 1293 - 20 ноября 1294 гг.) Ногай “казнил множество татар”⁶². Если казни предыдущего года были вызваны тем, что названные эмиры поддерживали Тула-Буку, то причины казней этого года не известны.

Около 1297 г. произошла размолвка Ногая с Токтой. Вызвана она была тем, что муж Кабак, дочери Ногая, Яйлаг и его отец Салджидай-гурган “стали презирать” ее. Ногай потребовал выдать ему все семейство. Однако Токта на этот раз отказался выполнять его требования⁶³. Ситуация усугубилась тем, что ряд эмиров Токты откочевали к Ногаю, который их принял и выделил им кочевья⁶⁴. При этом такое поведение полководца категорически запрещалось нормами ордынского законодательства (Ясы Чингиз-хана)⁶⁵. Таким образом, Великий хан Токта выступил как хранитель степных традиций, и, вероятно, получил поддержку степной аристократии. Зимой 1297-1298 гг. Токта выдвинул свои войска к Днепру. Однако река не замерзла, и столкновения не произошло. Весной Токта отступил к Дону⁶⁶. Ногай же начал стремительное наступление с целью внезапного нападения на своего противника. Но Токта успел соединить тумы и выдвинул их навстречу. Битва произошла в местности Яса (Аксай)⁶⁷ или Бахтияри (Яхшимари)⁶⁸. Войска Токты были рассеяны, часть при отступлении утонула в реке Дон. Ногай, по словам Бейбарса, “приказал своим войскам не преследовать бегущих и не бросаться на раненных, захватил добычу, пленных и багаж (неприятельский) и вернулся восвояси”⁶⁹. В период с октября 1298 по сентябрь 1299 гг. войска Ногая разорили Крым. Поход был вызван тем, что жители Кафы убили крымского наместника Актаджи, внука полководца. Экспедицией командовал эмир Маджи. Татары разграбили Кафу, взяли в плен “находившихся в нем купцов”⁷⁰. Крымцы обратились с просьбой к Ногаю об освобождении пленных, и он ее удовлетворил. Это вызвало недовольство в рядах поддерживающих его эмиров. Сыновья Курмыши Абаджи, Караджин и Янджи откочевали со своими улусами в сторону Токты и завязали с ним переговоры. В погоню за ними были отправлены сыновья Ногая Джука, Тека и Турай. Беглецы были настигнуты и уничтожены. Спасся лишь младший брат Янджи. В результате данных событий “могущество их (сыновей Ногая — Ю.С.) усилилось, войска их умножились и власть их расширилась. Они превзошли даже самого отца своего”⁷¹.

Покинули лагерь Ногай и другие эмиры: Маджи, Судун, Утрадж, Акбуга, Тайта и “с ними 30 тысяч всадников”⁷². Это обстоятельство подтолкнуло Токту ко второму походу на своего противника. Он состоялся в 699 г хиджры (28 сентября 1299-15 сентября 1300 г.). Армии сошлись у Днестра. Ногай завязал переговоры, усыпляя бдительность противника. Он объявил себя старым и больным и предлагал примирение. В то же время он отправил с глубоким обходным маневром значительный отряд во главе со своим старшим сыном Джукой. Однако Токте стали известны замыслы противника и он начал стремительное наступление. Войска Ногай были разбиты. Его сыновья (Тека и Турай) бежали с тысячью всадников в Польшу или Венгрию. Джука, вероятно, в бой вступить не успел. Сам Ногай так же бежал с поля боя в сопровождении семнадцати человек. Однако был настигнут и убит русским воином⁷³.

Из значительных событий последних лет жизни Ногай следует упомянуть о переносе русской митрополичьей кафедры из Киева во Владимир-на-Клязьме. Митрополит Максим покинул город “не терпя татарского насилия”⁷⁴. Вероятно, это было связано с жесткой по отношению к христианству политикой мусульманина Ногай.

В источниках сохранились и личные характеристики Ногай. Рашид-ад-Дин называет его царевичем “чрезвычайно храбрым и удалым”⁷⁵. Марко Поло писал, что “бросался он (Ногай — Ю.С.) на врага также смело, как лев на диких зверей”⁷⁶. Пахимер отмечает, что Ногай “был человек могущественный и искусный в управлении и делах воинских”⁷⁷. Бейбарс характеризует Ногай, как полководца и человека, который “пользовался между ними (татарами — Ю.С.) почетом”, а также пишет, что он “был старик опытный и искусный в устройстве козней”⁷⁸. Галицко-Волынская летопись называет его не иначе, как “Окаянный и беззаконный”⁷⁹. Как видим, источники отмечают его политические таланты. Однако основной характеристикой Ногай является его военное и полководческое искусство. Именно так, как полководца в первую очередь, необходимо рассматривать эту выдающуюся личность. Ногай и умер как воин — в бою.

Однако Ногай, как политическую фигуру, на наш взгляд, необходимо рассматривать с около 1283 г., как фактического соправителя великого хана Золотой Орды. Именно так его определяют арабские авторы. Данное положение было обусловлено его военно-политическим весом, занимаемой должностью “начальника войск” (“военного министра”), которая совпадала с должностью главы правительства. А также его происхождением из рода Чингиз-хана и тем фактом, что ко времени правления Тудаменгу он стал старшем в роду (старший в роду, как правило, становился

“хранителем Ясы” — “генеральным прокурором” и “верховным судьей” одновременно⁸⁰.

¹ Егоров В.Л. Историческая география Золтой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985. С. 192-193; Он же. Владения Золотой Орды в районе бассейна Среднего Дона // Липецк: начало истории. Липецк, 1996. С. 74.

² Эреджен Хара-Даван. Чинги-хан как полководец и его время // Арабски истории. Вып.2. Пустыня Тартари. М., 1995. С.217.

³ Веселовский Н.И. Хан из темников Золотой Орды и его время // Зап. РАН. VIII сер. Т. XIII. № 6. Пг., 1922. С. 40; Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IV. М., 1993. С.230; Кучкин В.А. Летописные рассказы с упоминанием князя Святослава Липовичского: историография, древнейшие тексты, хронология и география событий // Липецк: начало истории. Липецк, 1996. С. 14; Экземплярский А.В. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 г. по 1505 г. М., 1998. С.38.

⁴ Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 1994. С. 137; Насонов А.Н. Монголы и Русь // Арабски истории. Вып.3-4. Русский разлив. Т.1. М., 1996. С.123.

⁵ Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь; Москва, 1997. С.181; Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland. 1223 — 1502. Leipzig, 1943. S. 64-77. Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200 — 1304. М., 1989. С. 189.

⁶ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.2. М.; Л., 1941. (Далее — Тизенгаузен В.Г. Т.2.) С.91-92.

⁷ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т.3. М.; Л., 1946. (Далее — Рашид-ад-Дин.Т.3.) С.59.

⁸ Там же. С. 59.

⁹ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1.СПб., 1884. (Далее — Тизенгаузен.В.Г. Т.1.) С.152.

¹⁰ Там же. С.152

¹¹ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т.2. М.; Л., 1952. (Далее — Рашид-ад-Дин.Т.2.) С.83; Тизенгаузен В.Г. Т.2. С. 69.

¹² Насонов А.Н. Указ.Соч. С.221.

¹³ Тизенгаузен.В.Г. Т.1. С.358.

¹⁴ Римская история Никифора Григоры. Византийские историки, переведенные с греческого при Санктпетербургской духовной академии. СПб., 1862. Т.6.С.96.

¹⁵ Георгий Пахимер. Византийские историки, переведенные с греческого при Санктпетербургской духовной академии. СПб., 1862. Т.6.С. 211-219

¹⁶ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985. С.194

¹⁷ Тизенгаузен В.Г. Т.2. С.26.

¹⁸ Рашид-ад-Дин.Т.3. С.68.

¹⁹ Тизенгаузен.В.Г. Т.1. С.101.

²⁰ Рашид-ад-Дин.Т.3. С.68.

²¹ Тизенгаузен.В.Г. Т.1. С.101; Т.2. С.51.

²² Там же. С. 412.

²³ Там же. С.101.

²⁴ Селезнев Ю.В. Административно-территориальное деление Золотой Орды в XIII - XIV вв. // Новик. Вып. 1. Воронеж: ВГУ, 1998. С. 63.

²⁵ Тизенгаузен.В.Г. Т.1.С.153

²⁶ Георгий Пахимер. С. 398.

²⁷ Георгий Пахимер. С.165.

²⁸ Памятники литературы Древней Руси. XIII в. М., 1981.(Далее — ПЛДР. XIII в.) С.372,373.

²⁹ ПЛДР. XIII в. С.376.

³⁰ Там же. С.376.

- ³¹ Тизенгаузен.В.Г. Т.1. С.109.
- ³² См. например:Тизингаузен.Т.1.С.109.
- ³³ Георгий Пахимер.С.484-489.
- ³⁴ Насонов А.Н. Указ.Соч. С.126.
- ³⁵ Рашид-ад-Дин.Т.2.С.83.
- ³⁶ Тизенгаузен.В.Г. Т.1.С.106.
- ³⁷ Тизенгаузен.В.Г. Т.1 С.104,С.106.
- ³⁸ Тизенгаузен.В.Г. Т.1.С.106.
- ³⁹ ПЛДР. XIII в. С.382-385.
- ⁴⁰ Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 219.
- ⁴¹ ПЛДР. XIII в.С.384,385.
- ⁴² Там же. С.384,385.
- ⁴³ См.: Черепнин Л.В. Русская хронология. М., 1944. Таб. IX.X.
- ⁴⁴ Матвей Меховский. Указ. Соч. С. 219.
- ⁴⁵ ПЛДР. XIII в.С.380,382.
- ⁴⁶ Тизенгаузен.В.Г. Т.1.С.106.
- ⁴⁷ ПЛДР. XIII в.С.382,384.
- ⁴⁸ Тизенгаузен.В.Г. Т.1.С.106.
- ⁴⁹ ПЛДР. XIII в.С.384, 386.
- ⁵⁰ Матвей Меховский. Указ. Соч. С.67.
- ⁵¹ ПЛДР. XIII в. С. 386.
- ⁵² Там же. С. 386.
- ⁵³ Матвей Меховский. Указ. Соч. С.67.
- ⁵⁴ ПЛДР. XIII в.С.386.
- ⁵⁵ Подробнее см.: Кучкин В.А. Летописные рассказы с упоминанием князя Святослава Липовичского: историография, древнейшие тексты, хронология и география событий // Липецк: начало истории.Липецк.1996.С.7-39.
- ⁵⁶ Там же. С. 31.
- ⁵⁷ Тизенгаузен.В.Г. Т.2.С.69.
- ⁵⁸ Тизенгаузен.В.Г. Т.1.С.107.
- ⁵⁹ Тизенгаузен.В.Г. Т.2.С.69-70.
- ⁶⁰ Тизенгаузен.В.Г. Т.1.С.107
- ⁶¹ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985. С. 193
- ⁶² Тизенгаузен.В.Г. Т.1. С.109.
- ⁶³ Тизенгаузен.В.Г. Т.2.С.70-71.
- ⁶⁴ Тизенгаузен.В.Г. Т.1.С.110;Т.2.С.70-71.
- ⁶⁵ Эреджен Хара-Даван. Чинги-хан как полководец и его время // Арабески истории. Вып.2. Пустыня Тартари. М., 1995. С.99-100.
- ⁶⁶ Тизенгаузен.В.Г. Т.1.С.110-111;Т.2.С.70-71.
- ⁶⁷ Тизенгаузен.В.Г. Т.1.С.110.
- ⁶⁸ Тизенгаузен.В.Г. Т.2.С.71.
- ⁶⁹ Тизенгаузен.В.Г. Т.1.С.110.
- ⁷⁰ Тизенгаузен.В.Г. Т.1.С.111.
- ⁷¹ Там же. С.112.
- ⁷² Там же. С.112.
- ⁷³ Тизенгаузен.В.Г. Т.1.С.113-114;Т.2.С.71-72.
- ⁷⁴ Симеоновская летопись // Русские летописи. Т.1. Рязань, 1997.С.126
- ⁷⁵ Тизенгаузен.В.Г.Т.2.С.74.
- ⁷⁶ Марко Поло. Книга о разнообразии мира. СПб., 1999. С.379.
- ⁷⁷ Георгий Пахимер.С.316.
- ⁷⁸ Тизенгаузен.В.Г. Т.1. С. 104;С.107.

⁷⁹ ПЛДР. XIII в. С. 376.

⁸⁰ Эреджен Хара-Даван. Чинги-хан как полководец и его время // Арабески истории. Вып. 2. Пустыня Тартари. М., 1995. С. 183.

А.Н. Злобин

"УСЛОВНО-ОРТОДОКСАЛЬНОЕ" НАПРАВЛЕНИЕ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ РОССИИ СЕРЕДИНЫ XVI ВЕКА.

Многие исследователи древнерусской живописи справедливо указывали на ряд принципиальных новшеств, появившихся в русском изобразительном искусстве первой половины XVI века: секуляризация тем, идей и образов, прославление царской власти и государства, применение сложных, заимствованных на Западе символов и аллегорий, стремление к праздничности, изяществу, украшательству¹. Однако никто из них не высказал гипотезы, что эти новшества, образуют особое направление, отличающиеся по своим символическим и смысловым особенностям от канонов традиционного иконописания.

Данная статья является попыткой обосновать правомерность выделения в русском изобразительном искусстве первой половины XVI века особого направления, которое можно условно назвать "условно-ортодоксальным".

Первым фактором, обуславливающим правомерность выделения "условно-ортодоксального" направления, является появление иконописных произведений, имеющих в своей стилистической структуре и смысловой нагрузке ряд нетрадиционных черт. Наиболее ярко они проявляются в иконах и росписях, созданных в Московском Кремле после пожара 1547 г. среди них написанные Останей, Яковом, Михайло, Якушкой и Семенов Высокий Глаголь икон: "Четырехчастная", "Страсти Господни в евангельских притчах", "обновление храма Христа Бога нашего воскресением" и др., а так же, как можно судить по сохранившимся описаниям, росписи Золотой Царициной палаты.

Так, например, среди сюжетов "Четырехчастной" иконы присутствует не встречавшееся ранее в русском изобразительном искусстве изображение Христа в воинских доспехах с мечом в руке, вместо трона сидящего на перекладине креста. Симметрично фигуре Христа изображена Смерть в виде всадника, выезжающего на апокалипсическом звере. Смерть вооружена косой и стрелами. Этот сюжет совпадает с гравюрами немецкого живописца А. Дюрера (1471-1528) из цикла "Апокалипсис". Так, на одной из гравюр Ганса Гольбейна Младшего, копировавшего гравюры А.

Дюрера, имеется похожее изображение смерти². Осмелимся предположить, что гравюры А. Дюрера начали влиять на русскую иконопись с XVI века, а не с XVII, как считается в литературе³.

Росписи Золотой Царицыной палаты, как известно, служили целям прославления царской власти. Полководческие достоинства Ивана Грозного в иносказательной форме прославлялись изображением битв и побед ветхозаветных героев Иисуса Навина и Гедона. Апологии царя и российской государственности служили такие исторические композиции Золотой Палаты, например "Выбор веры князем Владимиром", "Крещение народа", "Посылка византийским императором Константином Мономахом даров киевскому князю Владимиру", "Венчание князя Владимира Мономаха".

Никогда ранее в русском изобразительном искусстве аллегории, олицетворения и символы не встречались в таком количестве, как в росписях Царицыной палаты. Здесь отвлеченные богословские понятия воплощаются в образах зверей и людей. Добродетели и пороки были представлены аллегорическими фигурами: "целомудрие", "разум" "чистота", "правда", "блуждение", "нечистота", "безумие", "неправда".

Шедевром, аккумулировавшим в себе практически все особенности нового направления, была икона "Церковь Воинствующая" ("Благословенно воинство небесного царя") (1551г). Примечательно, что она изначально имела светскую, а не религиозную тематику, служила мирским, а не церковным задачам. Она прославляла не столько Бога, сколько единство и величие Русского государства, победу над Казанью и воинство, эту победу одержавшее.

Замечательна техника выполнения иконы. Как подчеркнута А.И. Некрасовым, впервые в русском иконописном искусстве пейзаж имеет черты правдоподобности и пространственности, а фигуры переданы в движении, написаны мягко, без сухих контуров и без условной репрезентативности⁴.

Таким образом, стилю иконописных произведений нового направления свойственно стремление к изяществу, праздничности, иллюстративности, торжественности, украшательству. Увеличивается количество фигур, появляются народные мотивы, художники начинают стремиться к внешней красоте и нарядности.

Смысловая нагрузка, появившихся иконописных работ, усложняется за счет усиления иносказательности образов, которая достигается при помощи применения большого числа сложных символов и аллегорий. Многие произведения российского изобразительного искусства XVI в. несут смысловую нагрузку, не встречающуюся в более ранних работах. Так, в иконописи явственно проступает историческая тематика, прослав-

ление царской власти, государственного единства; ветхозаветная и эсхатологическая проблематика; нравоучительные, морализующие черты. Наряду с усиливающейся реалистичностью многих иконных изображений, мастера все чаще прибегают к вымыслу и фантазии. В целом “условно-ортодоксальное” направление в изобразительном искусстве характеризуется максимально возможной в иконографии степенью секуляризации тем и образов.

Новизна новых икон была столь ярка, а их отличие от традиционных общепринятых образцов столь разительно, что они не могли не вызвать много споров в том числе на церковных соборах 1551 и 1553-1554 гг.⁵.

К 50-м гг. XVI в. в русском обществе четко обозначились две группы: сторонников и противников иконописных нововведений.

Самым яростным противником этих нововведений выступил дьяк посольского приказа Иван Михайлович Висковатый. Свою точку зрения он подробно изложил в "Списке" "О мудровании и о своем мнении о Святых иконах", в котором в частности сомневался в правомерности изображения на иконах Бога Отца и аллегорических изображениях "Четырехчастной" иконы Золотой палаты.

Сходными были вопросы, поставленные двумя годами ранее перед Стоглавым собором. Один из них затрагивает организацию иконописного дела и возможности написания образа Бога Отца, второй – написания нимбов на иконе "Ветхозаветная Троица" – с перекрестием у всех трех ангелов, у среднего или вообще без перекрестий. Третий вопрос касался изображения на иконах не святых лиц⁶.

Характер вопросов заставляет предполагать, что они были составлены противниками нововведений в иконописи либо людьми, учитывающими их точку зрения и желающими прояснения этого вопроса. В любом случае постановка этих проблем на соборе 1551 г и "Список" дьяка Висковатого свидетельствовали о появлении в русском изобразительном искусстве принципиальных новшеств, и о неоднозначной оценке этих новшеств в русском обществе.

Таким образом, полемика на церковных соборах по поводу нововведений в иконописи является вторым доказательством правомерности выделения “условно-ортодоксального” направления в русском изобразительном искусстве середины XVI в.

Решения соборов подтверждали правильность новых изображений. Митрополит Макарий и другие стоящие на иосифлянских позициях высшие церковные иерархи уже не придавали значения их несоответствию византийско-русской иконографической традиции и регламентам Трульского и Никейского Вселенских соборов. Жизнь шла вперед, и церковная живопись должна была отвечать потребностям государственной идеоло-

гии, расширяющемуся сознанию и кругозору русских людей. Решения соборов открывали дорогу творческому поиску художников, их инициативе. В конечном итоге они снимали преграды для дальнейшего прогрессивного развития русского изобразительного искусства.

Прямым следствием решений соборов 1551 и 1553-1554 гг. было дальнейшее развитие “Условно-ортодоксального” направления. Так, икона "Церковь воинствующая" (1551) была, по-видимому, написана после проходившего в январе – феврале 1551 г. Стоглавого Собора. В 1561 г. были созданы символично-аллегорические росписи церкви Успения Богородицы в Свяжском монастыре близ Казани. К новому направлению принадлежали символические композиции в росписях Александровской Слободы, Сольвычегодска, Ярославского Спасо-Преображенского монастыря, иконы "Никола Чудотворец" (1562), "Жизнь Христа" (1560), а также многие другие произведения⁷.

Третьим аргументом в пользу выделения в русском изобразительном искусстве условно-ортодоксального направления является наличие схожих тенденций в общественной мысли, литературе, архитектуре России XVI в. В этих отраслях культуры также наметилась тенденция к секуляризации. Толчок этому был задан еще Иосифом Волоцким, провозгласившего, по мнению А.Ф. Замалиева, учение Христа "человеческим преданием"⁸.

Обмирщению общественного сознания и увеличению кругозора русских людей способствовало объединение русских земель в единое государство, его централизация и усиление контактов с Западом. В Россию из Европы стали приезжать врачи, архитекторы, переводчики и другие специалисты. В русском обществе растет интерес к иностранным языкам, светским наукам, философии.

Секуляризация общественного сознания отразилась в появлении большого числа светских писателей и публицистов. К их числу относятся Федор Карпов, Ермолай-Еразм, Андрей Курбский, Иван Пересветов, сам царь Иван IV и др.

Расцвет светской публицистики свидетельствовал о том, что в обществе зреет мысль о возможности влиять на ход государственных дел, то есть в конечном итоге – о росте политического сознания. Также как и в иконописи в публицистике прослеживается историческая тематика, прославления царской власти, государственного единства.

Для придания большей убедительности своим идеям писатели и публицисты прибегали к вымыслу и фантазии, в их произведениях присутствуют назидательные морализующие черты.

Много общего наблюдается в стиле иконописных и литературно-публицистических произведений. Литературный язык становится более

живым, красочным, ярким, свободным от церковных штампов. Авторы используют иронию, аллегорию, сарказм, заимствованные из фольклора эпитеты, пословицы, поговорки, афоризмы⁹.

Архитектуру, хоть и в меньшей степени, чем изобразительное искусство и литературу тоже затронули новые тенденции.

Яркими примерами могут служить шатровые храмы: Покровский Собор (храм Василия Блаженного) (1554-1561), церкви вознесения в селе Коломенском (1532) и Иоанна Предтечи в Дьякове (1547-1553). Особенно ясно общие тенденции с изобразительным искусством и литературой видны на примере Храма Василия Блаженного. Так, его стиль характеризуется теми же светскими чертами: живописность, праздничность, торжественность, декоративность. Назначение собора также имеет не только религиозный характер. Он строился как храм-памятник с целью прославить казанскую победу и царя Ивана IV.

Новое направление в иконописи шло в ногу с современной ему общественной мыслью. Оно соответствовало росту общественного сознания и требованиям государственной идеологии. Это позволило ему прогрессивно развиваться и окончательно возобладать в XVII веке, вытеснив направление, придерживающееся консервативных принципов, сторонником которого был дьяк И.М. Висковатый.

Говоря о новых чертах, свойственных русскому изобразительному искусству XVI века, следует сказать, что они не возникли в этот период одномоментно. Напротив, пройдя длительный путь развития (это тема специального исследования) к середине XVI в они сложились в отдельное направление, для дальнейшего существования которого потребовалось законодательное закрепление церковными соборами 1551 и 1553/54 гг.

¹ См.: Подобедова О.И. Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972; Мнева Н.Е. Московская живопись XVI века // История русского искусства. М., Т. 3. 1955; Алпатов М.В. Древнерусская иконопись. М., 1978; Лазарев В.Н. Московская школа иконописи. М., 1971; Н. Андреев. О деле дьяка Висковатого // Философия русского религиозного искусства. М., Вып. 1. 1993; Успенский Л. Московские соборы XVI века и их роль в церковном искусстве // Философия русского религиозного искусства. М., Вып. 1. 1993; Вагнер Г.К. Канон и стиль в древнерусском искусстве. М., 1987; Некрасов А.И. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937 и др.

² Чилингилов А. Влияние Дюрера и современной ему немецкой графики на иконографию поствизантийского искусства // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М., 1975, стр.331.

³ См.: Некрасов А.И. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937. С.296; Чилингилов А. Указ. Соч. С. 341.

⁴ Некрасов А.И. Указ. Соч. С. 295.

⁵ Успенский Л. Указ. Соч.; Злобин А.Н. Дело дьяка И.М. Висковатого // Новик. Воронеж, 1998. Вып.1. С. 73-79.

⁶ Московские соборы на еретиков XVI века // ЧОИДР 1847. Кн.3, от отд.2, с.2-23; Архимандрит Макарий (Веретенников). Московский Митрополит Макарий и его время. М., 1996, с.224-274; Розыск или список о богохульных строках и о сумнение святых честных икон диака Ивана Михайловича сына Висковатого в лето 7062 // "Материалы славянские", ЧОИДР, 1858, т. 2, с. 2; Стоглавый Собор // Российское законодательство X-XX вв. М., 1985. Т2. С.242-500.

⁷ Грабарь И. История Русского искусства. М., Изд-во Кнебель, Т. 1. С. 329-330; Соснович А.Г. Библия Василия Кореня.(1696) и русская иконографическая традиция. М., 1983. С. 96; Вагнер Г.К. Указ. Соч. с. 234; Некрасов А.И. Указ. Соч. С. 294-296.

⁸ Замалеев А.Ф. Зоц В.А. Отечественные мыслители позднего Средневековья. Киев, 1990. С. 28-29.

⁹ См.: Орлов О.В. Литература // Очерки русской культуры XVI в. М., 1977. Ч.2; Лихачев Д.С. Иван Пересветов и его литературная современность // Сочинения Ивана Пересветова. М.;Л, 1956; Лихачев Д.С. Развитие русской литературы в X-XVII вв. Л., 1973; Кузьмин А.Г. Публицистика и общественная мысль // Очерки русской культуры XVI в. М., 1977; Зимин А.А. И.С. Пересветов и его сочинения // Сочинения Ивана Пересветова. М.; Л., 1956.

Д. В. Ливенцев

РЕОРГАНИЗАЦИЯ РУССКОГО ФЛОТА И МОРСКОЙ УЧЕНЫЙ КОМИТЕТ В 60 – 70-х гг. XIX в.

Во второй четверти XIX в. во всех флотах мира, в том числе и российском, происходил процесс постепенного перехода от деревянных парусных кораблей к паровым судам с железным корпусом. Пионером этого выступили США. Затем пароходы стали строиться в странах Западной Европы. Россия преступила к этому несколько позже, так как крепостнические отношения тормозили рост производительных сил и развитие технического прогресса в стране. Если в XVIII и начале XIX вв., когда на морях и океанах господствовали парусные флоты, русский флот по своей мощи не уступал другим парусным флотам, то с переходом к паровым броненосным кораблям, требовавшим высокоразвитой промышленной базы, Россия стала отставать в развитии своего флота от передовых капиталистических стран Западной Европы.

Большое влияние на развитие русского флота и военно-морского искусства оказала Крымская война (1853 – 1856). Она убедительно доказала превосходство паровых кораблей перед парусными и выдвинула вопрос о строительстве современных броненосных судов. Русские военно-морские силы вышли из войны крайне ослабленными и не могли надёжно защитить границы государства. Оставшиеся корабли Черноморской эскадры были затоплены при оставлении Севастополя. Балтийский флот, состоявший в основном из парусных судов, безнадёжно устарел. Небольшое число кораблей находившихся на других морских театрах, не представляло реальную силу. Наиболее дальновидные офицеры, понимая

огромное преимущество парового броненосного флота перед парусным и что ему принадлежит будущее, активно выступали за его развитие в России¹. Требовались срочные меры по восстановлению военно-морской мощи.

Сразу же после окончания Крымской войны в 1857 г. в России была принята программа строительства броненосного парового флота. Были возможны два варианта развития броненосного флота. Первый – создание эскадренных броненосцев (ЭБ), крупных быстроходных боевых кораблей с мощным артиллерийским вооружением и сильной броневой защитой, предназначенных для морских коммуникаций. Второй – строительство броненосцев береговой обороны (БрБо), средних тихоходных боевых кораблей (близких к типу плавучих батарей) с мощным вооружением и сильной броневой защитой, способных действовать в силу своих низких мореходных качеств только в прибрежной полосе².

Из-за финансовых трудностей правительство России назвало приоритетным направлением в реорганизации флота строительство БрБо, обходившихся государственной казне в несколько раз дешевле, чем ЭБ. Судостроительную программу России разрабатывали два департамента Морского министерства – Морской технический и Морской учёный комитеты³.

Так как, Крымская война Россия приступила к созданию бронированных кораблей. В 1861г. был построен их первенец – БрБо “Опыт”. Первоначально он был задуман как канонерская лодка, но необходимость в броненосцах привела во время строительства к его переоснащению⁴.

За короткое время был построен ещё целый ряд судов данного класса. Это были двухбашенные и трёхбашенные корабли. Например, двухбашенные БрБо “Адмирал Спиридов” и “Адмирал Чичагов” имели водоизмещение 3500 и 3650 т. Они обладали бортовой бронёй по ватерлинии 102-178 мм., в башнях, защищённых 152-мм. броней, помещалось по два 280-мм. орудия. Тогда же были построены трёхбашенные броненосцы береговой обороны “Адмирал Грейг” и “Адмирал Лазарев”. Их водоизмещение было около 3800 т. Они имели по три 280-мм. орудия, имели броню толщиной 152-мм. Эти два БрБо могли развивать скорость до 11 узлов. Все перечисленные выше корабли первоначально были задуманы как фрегаты и уже во время их строительства в срочном порядке переоборудованы в БрБо.⁵

Деятельность Морского учёного комитета (1847 – 1891гг.) относится к малоизученным темам истории России. Он входил в состав Морского министерства и заведовал сбором сведений о научных открытиях, а так

же учебными заведениями данного ведомства. После упразднения этой организации её функции были распределены между Морским техническим комитетом и Главным морским штабом⁶. Наблюдение и экспертная оценка развития русского броненосного флота входили в функции Морского учёного комитета.⁷

В 1870г. Морской учёный комитет установил специально для броненосных кораблей флота новую форму вахтенного журнала⁸. Затем, в 1891г. он утвердил новую форму ведения вахтенного журнала для данного класса судов, которая учитывала все технические изменения произошедшие за 21 год⁹.

Кроме того, в 1873г. журнал “Морской сборник”, изданием которого руководил Морской учёный комитет, опубликовал отчёт о плавании судов броненосной эскадры Балтийского флота в летнюю кампанию 1872г. Даётся полный состав эскадры: фрегат “Петропавловск”; БрБо “Севастополь”, “Адмирал Грейг”, “Адмирал Лазарев”, “Адмирал Чичагов”, “Адмирал Спиридов”, “Чародейка”, “Опыт”, “Первенец”; мониторы “Стрелец”, “Латник”, “Броненосец”, “Единорог”; пароходы “Владимир”, “Волга”, “Ильмень”, “Великий князь Алексей”. “Морской сборник” приводит тактико-технические данные кораблей, расход пресной воды и угля эскадрой. Журнал воспроизводит приказы начальника эскадры броненосных судов генерал-адъютанта свиты его величества вице-адмирала Г. И. Бутакова. Благодаря, этой публикации современный исследователь может составить объективное мнение о том, как зарождался в России броненосный флот. Оценка тактико-технических возможностей самой эскадры на страницах журнала специалистами комитета отрицательная. Члены Морского учёного комитета обращают внимание на низкие мореходные качества БрБо и их ограниченный радиус действия. По мнению комитета, такая эскадра броненосных судов могла проводить только оборонительные операции на ближних подступах к Финскому заливу¹⁰.

В 1870-х гг. для обороны Днепровского лимана и Керченского пролива по проекту вице-адмирала А. А. Попова началось строительство круглых БрБо с сильной артиллерией и малой осадкой. Намечалась постройка десяти судов подобного типа, но в 1871 – 1876 гг. было спущено на воду только два – “Новгород” и “Вице-адмирал Попов”. Морской учёный комитет обнаружил в данном типе кораблей целый ряд технических недостатков (низкие мореходные качества, вращение после выстрела вокруг своей оси и т. д.). Поэтому круглые броненосцы не были приняты на вооружение флота. (См. рис. 1).

Только в 1877 г. в России вступил в строй первый ЭБ “Пётр Великий”, который был заложен ещё в 1869 г. и первоначально строился как

монитор. Длина корабля составляла 100,6 м., ширина 19,3 м., углубление 6,9 м. (7,5 м. с бункером). (См. рис. 2.).

Вступление в строй “Петра Великого”, способного развивать скорость 14,3 узла, произвело в зарубежных государствах фурор. По своим тактико-техническим данным “Пётр Великий” был намного сильнее кораблей такого класса, построенных в Англии. Газета “Таймс” опубликовала статью, в которой говорилось, что автором проекта являлся англичанин Рид, но была вынуждена 9 сентября 1877г. напечатать опровержение самого Рида следующего содержания: “... Позвольте опровергнуть то замечание, что будто бы я составлял проект недавно спущенного в Санкт-Петербурге русского броненосца “Пётр Великий”. Этот проект – творение адмирала Попова, человека одинаково достойного, как в военное, так и в мирное время... Было бы большой честью в отношении ко мне считать меня в Англии за составителя проекта этого судна, но я не имею никакого желания принимать на себя эту незаслуженную честь и было бы пагубным самообольщением думать, что прогресс во флотах других держав исходит из Англии... Русские успели превзойти нас как в отношении боевой силы существующих судов, так и в отношении новых способов постройки. Их “Пётр Великий” совершенно свободно может идти в английские порты, т. к. представляет собой судно более сильное, чем всякий из собственных наших броненосцев”¹¹.

К сожалению, “Пётр Великий” был единственным новейшим ЭБ русского флота. Боевые качества других кораблей причисленных к классу броненосцев береговой обороны, как уже отмечалось выше, по оценкам специалистов Морского учёного комитета находились на очень низком уровне. Комитет отмечал, что балтийская эскадра броненосных кораблей не может вести наступательные операции, а круглые броненосцы непригодны даже для обороны Днепровского лимана и Керченского пролива¹². Практически все броненосцы береговой обороны, построенные в 1860 – 1870-ых гг., были исключены из состава русского флота к 90-м гг. XIX в.

Возникает вопрос: “Насколько доктрина строительства броненосного флота России отвечала мировым стандартам кораблестроения того времени?” Для сравнения приведём данные по восьми ведущим морским державам мира.

Броненосный флот ведущих мировых держав в 1860 – 70-е гг.*

---

* Таблица составлена на основе материалов опубликованных в: Боевые корабли мира. СПб., 1995.; Энциклопедия кораблей. СПб. 1997.; Доценко В. Д. Российский броненосный флот 1863 – 1917гг. СПб. 1994.; Шершов А. П. История военного кораблестроения. СПб. 1994.

Название ко- рабля.	Класс	Год спуска	Ско- рость, узлы	Вооружение, кол-во орудий x калибр в мм
Австрия,				
Кайзер	ЭБ	1862	11,5	10 x 228
3 корабля типа Кайзер Макс	ЭБ	1862 – 1864	11,4	14x14-фунтовых, 16 x 48-фунтовых
Кустоца	ЭБ	1872	13,7	8 x 260, 6 x 89
Эрцгерцог Альбрехт	ЭБ	1872	12,8	8 x 240
Тегеттхофф	ЭБ	1878	12,7	6 x 280, 6 x 90
Великобритания,				
Вэрриор	ЭБ	1860	14	26 x 68-фунтовых, 4 x 70- фунтовых, 110-фунтовых
Эджинкорт	ЭБ	1862	14,8	4 x 229, 24 x 178
Виверн	ЭБ	1863	14	4 x 228
Зелэс	ЭБ	1864	11,7	24 x 178
Принц Аль- берт	ЭБ	1864	11,2	4 x 228
Беллерофон	ЭБ	1866	15	4 x 228
Минотаур	ЭБ	1866	15	4 x 228
Нортамбер- лан	ЭБ	1866	15,5	4 x 228
Хэкулиз	ЭБ	1868	15	8 x 254, 2 x 228, 4 x178
Монарх	ЭБ	1868	15	4 x 305
Каптейн	ЭБ	1869	15,2	4 x 305
Султан	ЭБ	1870	15	8 x 254, 4 x 228
Вэнгард	ЭБ	1870	15,7	10 x 228, 4 x 152
Девестейн	ЭБ	1871	14,8	4 x 304
Сайклопс	БрБо	1871	11	4 x 254
Гордон	БрБо	1871	11	4 x 254
Глэтгон	ЭБ	1871	12	2 x304
Нептун	ЭБ	1874	14,2	4 x 305, 2 x 228
Дредноут	ЭБ	1875	14,5	4 x 317
Александра	ЭБ	1875	14,3	4 x 305. 8 x 228
Инфлексибл	ЭБ	1876	14,7	4 x 406
Беллейсл	БрБо	1876	13	4 x 305
Орион	БрБо	1876	13	4 x 305

Темрейр	ЭБ	1876	14,7	4 x 280, 4 x 254
Германия,				
Арминиус	ЭБ	1864	11,2	4 x 208
Фридрих Карл	ЭБ	1867	13,6	16 x 210
Кёниг Вильгельм	ЭБ	1868	14,7	18 x 238. 5 x 210
Ханза	ЭБ	1872	12,5	8 x 210
Дойчланд	ЭБ	1874	15	8 x 254
3 корабля типа Фридрих дер Гроссе	ЭБ	1874 - 1875	14	4 x 259
Пройссен	ЭБ	1876	14	4 x 260
4 корабля типа Заксен	ЭБ	1877 – 1878	14,5	6 x 260, 6 x 86
Италия,				
2 корабля типа Формидабиле	ЭБ	1861	10	4 x 203, 16 x 164
Принчипе ди Кариньяно	ЭБ	1863	10,2	10 x 203, 12 x 164
Кастельфидар-до	ЭБ	1863	10,5	4 x 203, 22 x 164
Ре д' Италия	ЭБ	1863	12	2 x 200, 30 x 160, 2 x 72-фунтовых
Реджина Мария Пиа	ЭБ	1863	13	21 x 164, 4 x 72-фунтовых
Мессина	ЭБ	1864	10,4	16 x 164, 4 x 78-фунтовых
2 корабля типа Палестро	ЭБ	1865	8	4 x 203, 1 x 165
Вораджин	БрБо	1866	6,9	12 x 72-фунтовых
Гурриера	БрБо	1866	7,2	12 x 78-фунтовых
3 корабля типа Конте Верде	ЭБ	1867	10	18 x 160-фунтовых, 4 x 72-фунтовых
2 корабля типа Дуилио	ЭБ	1876	15	4 x 450
Испания,				
Нумансиа	ЭБ	1863	13	40 x 68
Араплес	ЭБ	1864	12	2 x 254, 5 x 203

Сарагоса	ЭБ	1867	14,5	21 х 68-фунтовое
Витория	ЭБ	1867	12, 5	30 х 68-фунтовых
Россия,				
Опыт	БрБо	1861	10	4 х 115
Севастополь	БрБо	1864	12	16 х 203, 1 х 152-мм., 8 х 86
Чародейка	БрБо	1864	10	4 х 203
3 корабля типа Кремль	БрБо	1865	9	8 х 203, 6 х 152, 8 х 86
2 корабля типа Адмирал Спиридов	БрБо	1868	11	2 х 280
2 корабля типа Адмирал Лазарев	БрБо	1868	11	3 х 280
Новгород	БрБо	1873	6	2 х 280, 2 х 86
Вице-адмирал Попов	БрБо	1876	6	2 х 305
Пётр Великий	ЭБ	1877	14,3	4 х 305, 6 х 86
Турция,				
Ассари Теуфик	ЭБ	1868	13	8 х 228
Фет-и-Буленд	ЭБ	1870	13	4 х 228
Мессудийех	ЭБ	1874	13	12 х 254, 3 х 178
Лутфи Джелил	ЭБ	1875	12	2 х 203, 2 х 178
Франция,				
Куронн	ЭБ	1861	13	3 х 160
2 корабля типа Магента	ЭБ	1861	13	2 х 223, 4 х 162, 16 х 55-фунтовых
9 кораблей типа Фландр	ЭБ	1864 – 1865	13,9	22 х 152, 10 х 55-фунтовых
6 кораблей типа Эрмайд	ЭБ	1867 – 1869	11,9	6 х 193
Маренго	ЭБ	1870	12	4 х 270
Кольбер	ЭБ	1875	12	8 х 274, 2 х 238, 8 х 140

Тридан	ЭБ	1875	12,3	8 x 274, 3 x 238, 7 x 140
3 корабля типа Фьюл- минан	БрБо	1877	9	2 x 274
Девастасьон	ЭБ	1879	14	4 x 340, 4 x 274

Из данной таблицы видно, что русский броненосный флот был значительно слабее флотов Великобритании, Франции, Германии и Италии. Зато он мог реально противостоять турецким, испанским и австрийским военно-морским силам. Учитывая большую протяжённость морских границ России, можно сделать вывод, что боевая ценность русского броненосного флота была не высока. На балтийском театре броненосная эскадра могла выполнять только оборонительные задачи, а круглые броненосцы на Чёрном море вообще не представляли реальной боевой силы и вошли как курьёз в историю мирового кораблестроения. Абсолютно беззащитными у России оставались огромные дальневосточные морские коммуникации.

Россия ошибалась в своей судостроительной программе, как и другие морские державы. “Экономия” – есть первая и главная причина бездарного использования денег, отпущенных на флот. При реализации проекта прежде всего учитывался принцип дешевизны. Это привело к появлению на флоте целого класса технически несовершенных БрБо эти суда представляли собой удешевлённые копии настоящих броненосцев. Предполагалось, что они, действуя вблизи собственных берегов, будут способны противостоять более сильному противнику. БрБо, действительно, стоил меньше обычного ЭБ, но его боевая ценность была минимальной. Т.е. деньги, затраченные на постройку этих кораблей, были израсходованы нецелесообразно. Вместо трех кораблей типа “Адмирал Лазарев” можно было построить один нормальный эскадренный броненосец¹³.

В других европейских странах также строились корабли подобного класса, однако Россия в силу своих финансовых проблем, возникших после Крымской войны, дольше других строила малоэффективные БрБо.

¹ Золотарёв В. А., Козлов И. А. Флотоводцы России. М., 1998. С. 266.

² Военно-морской словарь. М., 1988. С.59.

³ Шершов А. П. К истории военного кораблестроения. М., 1952. С.150.

⁴ Баскаков М. А., Михайлов М. А. Фрегаты, крейсера, линейные корабли. М., 1986. С. 17.

⁵ Там же. С. 43.

⁶ Отчёт о действиях Морского учёного комитета за 1891г. СПб., 1892. С. 48.

⁷ Российский Государственный архив Военно-Морского Флота. (далее – РГА ВМФ), ф. 162, оп.1, д.1207, лл. 92 – 93.

⁸ Отчёт председателя учёного отделения Морского технического комитета и комитета морских учебных заведений за 1875г. СПб., 1876. С.2.

⁹ Отчёт о действиях Морского учёного комитета за 1891 г. СПб., 1892. С.2 – 3.

¹⁰ Исторический журнал эскадры броненосных судов в кампанию 1872г. // Морской сборник. 1873. № 5. С. 58 – 59.

¹¹ Быховский И. А. Рассказы о русских кораблестроителях. Л., 1966. С. 106.

¹² Отчёт председателя учёного отделения Морского технического комитета и комитета морских учебных заведений за 1875г. СПб., 1876. С.28.

¹³ Энциклопедия кораблей мира. СПб., 1997. С. 20.

О.Ю. МИХАЛЕВ

ОРГАНИЗАЦИИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1905 Г.

Либеральные настроения к концу 1904 г. как никогда ранее широко распространилось в образованных кругах российского общества, которые искали возможность влияния на внутренние дела государства. Однако либералы имели тогда в своем распоряжении, по сути дела, лишь один канал для направления своей политической активности – земскую работу, что в обстановке подъема всех видов оппозиционного движения в начале 1900-х годов никоим образом не могло их удовлетворить. Поэтому, когда новый министр внутренних дел князь П.Д. Святополк-Мирский провозгласил “эпоху доверия” между правительством и либералами, те немедленно воспользовались предоставившейся возможностью и для усиления давления на правительство приступили к объединению своих сторонников. Сначала либеральные организации создавались по профессиональному принципу с тем расчетом, чтобы в дальнейшем перейти к образованию на этой основе политической партии.

Формирование профессионально-политических союзов в России началось в конце 1904 г., когда II съезд “Союза освобождения” с наметил в качестве продолжения так называемой “банкетной кампании” объединение интеллигенции по профессиональному признаку. Когда с изданием указа сенату от 18 февраля 1905 г. подобные объединения становились с точки зрения властей законными, процесс создания союзов значительно ускорился. В 1905 г. насчитывалось 17 профессионально-политических союзов (адвокатов, инженеров, педагогов, профессоров, врачей, журналистов, ветеринаров, агрономов и др.),¹ причем уже к концу марта освобожденцы поставили вопрос об объединении их в “Союз союзов”, имея в виду подготовку к образованию широкой, открытой партии, а кроме того – подспудную мысль установить свою гегемонию в освободительном движении.

В Воронежской губернии складывание подобных союзов имело свои отличия от хода этого процесса в столицах. Ввиду того, что влияние интеллигенции здесь было слабее, попытки создания ее профессиональных союзов начались несколько позже – с конца апреля 1905 г. Более того,

наиболее многочисленные отряды интеллигенции – врачи и учителя – на первых порах для выражения своих требований использовали уже существующие организации – соответственно воронежский отдел Русского общества охранения народного здоровья и “общество взаимного вспомоществования учащих и учивших в начальных и низших учебных заведениях Воронежской губернии”. Поэтому возникновение профессионально-политических союзов врачей и учителей пришлось уже на лето 1905 г., и, насколько можно судить, в политическом отношении они не переросли стадию декларативного заявления о своих принципах, ввиду сложности борьбы за осуществление политической части своей программы остановившись на защите чисто профессиональных интересов. Подобная судьба ждала и другие союзы. Часть из них в силу своей малочисленности не оставила заметного следа в политической жизни губернии, часть, формально заявив о своих политических целях, не вышла за рамки профессиональных организаций, другие же как под влиянием неблагоприятных внешних условий, так и внутренних противоречий, довольно быстро распались.

Обращает на себя внимание и еще одна особенность воронежских профессионально-политических союзов интеллигенции: их прочная связь с земским либерализмом, predeterminedная тем, что, в отличие от столиц, провинциальная интеллигенция была практически неотделима от земств. Если в Москве и Петербурге существовали земское и интеллигентское течения в либерализме, как на то указывает Н.Ф. Шацилло², то в Воронеже обе этих ветви тесно переплетались между собой. Это видно уже хотя бы по тому, что границу между ними нельзя провести даже на персональном уровне: интеллигент зачастую работал в земстве, и, наоборот, земец участвовал в организациях интеллигенции. Так, В.И. Колобакин был по профессии врачом, имел практику в Воронеже, одновременно состоял членом кассы взаимопомощи учителей, а также в качестве землевладельца Бобровского уезда избирался в губернское земство, где одно время даже возглавлял земскую управу. Врач А.И. Шингарев заведовал санитарным отделением губернской земской управы, врач Н.А. Вырубов председательствовал в воронежском отделе общества охранения народного здоровья и руководил земской психиатрической лечебницей. Примеры можно продолжать до бесконечности, поскольку большинство врачей, учителей, статистиков, агрономов Воронежской губернии являлись представителями “третьего элемента” в земстве. По этой причине интеллигенция поддерживала выработанные земцами политические требования и одновременно, подталкиваемая влево мощным демократическим напором снизу, сама понуждала земцев к более радикальным выступлениям.

Принимая сказанное во внимание, выглядит вполне закономерным

тот факт, что первыми к созданию профессионально-политического союза приступили служащие губернского земства, которые на своем собрании 26 апреля приняли “проект организации Всероссийского союза служащих в земских и городских общественных учреждениях”, где подробно излагались задачи предполагаемого союза и принципы его организационного устройства. Согласно этому документу, главной целью союза должно было явиться “создание могучей общественной организации, которая, с одной стороны, обеспечила бы своим сочленам осуществление элементарных личных прав как общественных работников (независимость, устойчивое служебное и экономическое положение), а с другой – стремилась бы к созданию более благоприятных условий общественной работы и поднятию общей продуктивности общественного труда”³.

В соответствии с этой, по сути дела двойной, целью задачи, выдвигаемые “проектом организации” союза, распадалась на политические и профессиональные. Нежелание замыкаться на чисто групповых интересах обосновывалось составителями документа тем, что “стремление к улучшению правового положения своих членов... возможно осуществить в полной мере лишь при достижении прав общегражданских, ибо на почве общего политического бесправия не могут развиваться и окрепнуть какие-либо специальные права”. Словом, политические задачи союза прямо вытекали из его непосредственных, профессиональных задач и заключались в переустройстве государственного порядка в России на началах демократического равенства и справедливости, для чего необходим созыв учредительного собрания на основе всеобщего, прямого и тайного избирательного права при предварительном обеспечении свободы слова, собраний и союзов, а также гарантии элементарных прав человека и гражданина.

Предоставляя детальную разработку вопроса о политических реформах представителям “уже существующих организаций”, служащие воронежского земства сосредоточили свое основное внимание на непосредственной задаче проектируемого союза, которая могла быть выполнена в ближайшее время, - улучшении правового и экономического положения членов союза. В этом направлении предполагалось добиваться представительства служащих в земских собраниях, уничтожения бюрократической опеки и произвола администрации, увольнения служащих в спорных случаях только по постановлению союзного суда, установления таких окладов, которые обеспечили бы земским служащим “безбедное существование”, введения нормы рабочего времени и отдыха, улучшения гигиенической обстановки труда, обеспечения служащих на случай болезни или инвалидности и т.д.

Подробно рассматривались в “проекте” и организационные основы

будущего союза. Предполагалось, то его базой станут профессиональные организации врачей, учителей, фельдшеров и т.п., объединенные в территориальную организацию на уровне уезда. Для решения общегубернских задач делегаты от уездов собираются на губернский съезд, постановления которого не имеют, однако, обязательной силы для уездных организаций. Общероссийские задачи союза решаются, в свою очередь, на все-российских съездах членов союза, состоящих из делегатов от губернских организаций.⁴

Одобрив “проект”, собрание служащих воронежской губернской земской управы избрало и организационное бюро союза, которое взяло в свои руки руководство его дальнейшим оформлением. Персональный состав бюро по документам проследить не удалось, однако известно, что в создании союза принял деятельное участие А.И. Шингарев – заведующий санитарным отделением управы и член “Союза освобождения”⁵, что говорит о вовлеченности в организацию союза самых видных воронежских либералов, стремившихся таким путем не только облегчить жизнь земским служащим, но и распространить на них свое идейное влияние.

Однако сил у воронежских либералов оказалось явно недостаточно для того, чтобы привести свои планы в исполнение. В уездах их начинание не получило поддержки как по причине слабости либерального движения, так и из-за противодействия местных властей. Создать уездную организацию союза на основе вышеизложенного проекта попытались только служащие земских учреждений Воронежского уезда, которые 14 июня в зале воронежской городской думы провели многолюдное собрание, назвавшись “Воронежским уездным союзом служащих в губернской и уездной управах и городской думе”. На собрании присутствовали также представители других уездов губернии, а председательствовал врач И.И. Гинзбург.

После оглашения доклада организационного бюро союза начались прения, сосредоточившиеся главным образом вокруг политической программы организации. Секретарь организационного бюро И.Е. Гребенник предложил для распространения в народе несколько брошюр, что среди прочих мер по пропаганде конституционных идей должно было подготовить массы к предстоящей перемене государственного строя. Выступили также И.Г. Бочарников, будущий председатель воронежского комитета Союза 17 октября, В.И. Коллюбакин, И.И. Корольков и др. В своих речах ораторы практически не затронули тему защиты профессиональных интересов земских служащих и целиком посвятили себя обсуждению политических проблем. В пылу дискуссии собрание не смогло даже решить ряд организационных вопросов: избрание исполнительного органа союза, учреждение профессионального суда чести и установление размера член-

ских взносов.⁶ Впрочем, такое внимание к политическим проблемам удивительно. Ведь решение заявленных в проекте организации союза ближайших, профессиональных задач требовало, прежде всего, реформы положения о земстве, которая могла быть проведена только на правительственном уровне. Сама программа союза толкала его от чисто профессиональной деятельности на путь политической борьбы.

Возможно, это обстоятельство явилось одной из причин того, что союз земских служащих оказался нежизнеспособной организацией. Поскольку сведений о его дальнейшей деятельности в фондах ВГЖУ не оказалось, можно полагать, что собрание 14 июня оказалось единственным. Вообще можно назвать несколько факторов, из-за которых попытка образования союза земских служащих изначально обрекалась на неудачу. Во-первых, без создания уездных организаций не могло быть речи о дальнейшем развитии союза, а в уездах либералы как раз и не сумели объединить земских служащих на его платформе. Во-вторых, поскольку программа союза имела, по сути, целью не отстаивание профессиональных интересов, а вовлечение служащих в политическую борьбу, это не могло не возбудить интерес к союзу со стороны жандармского управления, которое начало дознание по факту собрания 14 июня. Полицейское расследование, безусловно, не способствовало работе по созданию союза и могло оттолкнуть от него земских служащих умеренных взглядов. Наконец, организаторы союза попытались объединить на общей политической платформе слишком разнородные силы. За либералами в условиях революционного подъема левая часть демократической интеллигенции не торопилась идти, поэтому заложенные в самой его программе непреодолимые противоречия прямо вели к расколу союза. Случаи столкновений либералов с социалистами не были редкостью, и даже в организациях учителей и врачей, где либералы традиционно имели огромное влияние, с развитием революционного движения стал все отчетливее проследиваться крен влево.

Наиболее острая борьба развернулась в обществе взаимопомощи учителей, поскольку среди педагогов, как самой уязвимой в материальном отношении группы интеллигенции, левые настроения получили наибольшее распространение. Учителя, которые еще в феврале начали выдвигать политические требования и взялись за распространение конституционных идей среди крестьян⁷, довольно скоро ощутили на себе последствия административных гонений. Поэтому экстренное собрание “общества взаимного вспомоществования учащихся и учивших” 12 мая было посвящено выработке мер по оказанию помощи педагогам, уволенным по причине “политической неблагонадежности”. Проявив полную солидарность с коллегами, собравшиеся решили отчислять 1% от полу-

чаемого жалования и из этой суммы выдавать пострадавшим за свои убеждения пособия в размере 25 рублей ежемесячно до тех пор, пока они не найдут себе новое место службы.⁸

Однако этим вопросом повестка дня не исчерпывалась. Ввиду того, что 11 апреля в Москве состоялся Всероссийский съезд учителей, объявивший о создании профессионально-политического союза учителей и деятелей по народному образованию⁹, воронежские педагоги не могли не откликнуться на это событие. На вечернем заседании при большом стечении посторонней публики воронежское общество взаимопомощи учителей единогласно постановило примкнуть к всероссийскому союзу. Как и на московском съезде, наибольшие споры вызвал вопрос о соотношении профессиональных и политических задач в программе союза. В Москве победа осталась за либералами: по их настоянию съезд отверг попытки большевиков убедить учителей отказаться от формулирования политических целей и создать союз только как профессиональную организацию.

Дискуссия на собрании учителей Воронежской губернии показала, что сторонники крайне левых идей также не имеют здесь большинства. Собрание присоединилось к мнению, поддержанному съездом, и рекомендовало изложить на учредительном съезде задачи союза в следующей редакции: «Всероссийский союз учителей и других деятелей по народному образованию должен иметь задачи профессионально-политические, понимая под политическими задачами такие, разрешение которых вызывается профессиональными задачами союза». Данную точку зрения разделили и записались в члены союза 142 человека, среди которых были известные земские либералы: В.И. Колобакин, А.Н. Меркулов, В.А. Кильчевский и др. Собрание избрало также делегатов на предстоящий учредительный съезд союза учителей, бюро местного отделения союза и представителей для организации уездных групп.¹⁰

Учредительный съезд союза учителей и деятелей по народному образованию открылся 7 июня в Петербурге. Дебаты вновь принесли победу освободителям, поддержанным эсерами. После оглашения итогов голосования большевики покинули съезд, отказавшись от участия в союзе. Раскол произвел большое впечатление на делегатов и не мог не вызвать отклики на местах.

Воронежские учителя вернулись к вопросу о создании своего союза на очередном собрании общества взаимопомощи, растянувшимся на 3 дня – с 24 по 26 июня. Заседания вновь начались с обсуждения вопроса о преследовании учителей по политическим мотивам, который встал с особой остротой после увольнения ряда педагогов Коротоякского уезда местной школьной администрацией. С целью заступиться за коллег собра-

ние приняло довольно резкие обращения в воронежское губернское и коротоякское уездное земские собрания, а также в адрес инспекторов народных училищ, где осудило административный произвол в отношении учителей. Эти резолюции вызвали раскол в руководстве общества, которое оказалось правее большинства рядовых членов. Председатель К.К. Шуринов и три члена правления заявили, что “они не могут быть выразителями нового течения, которое обнаруживалось в последних резолюциях собрания”, а потому выходят из состава правления. Выборы, однако, не привели в руководство общества лиц радикальных взглядов – на места ушедших были избраны авторитетные земские либералы И.К. Воронов (председатель), А.Н. Меркулов, В.И. Коллюбакин и К.И. Ионов.¹¹ Дальнейший ход заседания подтвердил перевес либералов во влиянии на учительство.

25 июня собрание учителей уже проходило под названием Воронежского союза учителей. Можно полагать, что состав и количество участников заседания по сравнению с предыдущим днем изменились незначительно, зато со сменой наименования организации на обсуждение были поставлены проблемы другого масштаба – об участии педагогов в политической деятельности. Сначала собрание заслушало делегатов, присутствовавших на петербургском съезде союза учителей 7-10 июня, которые ознакомили собравшихся с рекомендациями съезда по тактике действий: деятельность учителей должна быть легальной, или, по крайней мере, не прямо противоречить закону; главная цель – добиться пробуждения политического самосознания народа и стараться самим развиться в политическом отношении.

По итогам последующих прений собрание приняло две резолюции, касающиеся его отношения к злободневным вопросам политической ситуации в стране. В первой осуждалось “конституционное творчество” министра внутренних дел А.Г. Булыгина. Считая все проекты государственного переустройства, исходящие от бюрократии, не отвечающими требованиям российской общественности, учителя заявили, что отвергают, “не приступая даже к детальной критике, как проект Булыгина, так и все те, которые будут сочинены бюрократией, а не выработаны представителями общества, избранными на основании всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права”. Второе постановление посвящалось отношению собрания к возможности всеобщей политической забастовки. В нем также прослеживается линия либералов: было решено признать за забастовкой “значение демонстрации при условии участия в ней всех других отделов “Союза союзов”, однако предпочтение как наиболее действенному и доступному для учителей средству борьбы с администрацией отдать бойкоту”.¹²

На следующий день Воронежский союз учителей продолжил свои заседания, вернувшись к обсуждению вопроса о целях союза, и это, как и на петербургском съезде, привело к расколу. Когда собрание одобрило решение съезда, объявившего союз профессионально-политической организации, местные социал-демократы заявили о выходе из союза на том основании, что, не будучи только профессиональным, он неминуемо попадет под влияние буржуазно-либеральных идей. Оставшиеся участники собрания с их мнением не согласились и признать свой союз буржуазным отказались, полагая, что “достижение его целей послужит на пользу прежде всего пролетариату”.¹³ В соответствии с вновь взявшим верх курсом либералов учителя построили и тактику действий своего союза. Основным направлением работы признавалась просветительско-пропагандистская деятельность, ставящая целью политическое просвещение и вовлечение в общественную жизнь широких народных масс.

Конечно, далеко не всегда эта деятельность следовала освобожденческой программе. Если руководство воронежского общества учителей в целом было близко к земскому либерализму, то на местах, особенно в деревне, учителя стояли значительно левее и зачастую подозревались полицией в раздувании аграрных беспорядков. Явно антиправительственная направленность учительской агитации не могла не обратить на себя внимания властей. Убедившись, что “общество взаимного вспомоществования учащихся и учивших” вышло за рамки устава и занялось откровенно политической деятельностью, губернатор принял решение о его закрытии. Когда к 8 сентября 1905 г. преподаватели земских школ губернии съехались на очередное собрание членов своего общества взаимопомощи, на двери губернской земской управы их встретило объявление о закрытии общества сроком на один год “ввиду проявленной... антиправительственной деятельности”.¹⁴ Понятно, что эта мера не могла прекратить нежелательное для властей влияние учителей на крестьянские массы, вместо того, отказав в организующем воздействии более умеренному руководству общества на рядовых членов, резолюция губернатора толкала оппозиционную часть учителей еще дальше влево.

В отличие от учителей революционные настроения в обществе воронежских медиков не получили заметного выражения. Руководству местного отдела Русского общества охранения народного здоровья, тесно связанному с земскими либералами, удалось удержать, по крайней мере, официально, деятельность общества в рамках программы “Союза освобождения”. И хотя часть сельских врачей была настроена не менее радикально, чем учителя земских школ, она не создала самостоятельной фракции на профессиональных собраниях и не выработала собственной тактической линии. Еще одна особенность либерального движения вра-

чей Воронежской губернии – позднее создание профессионально-политического союза, причем даже после своего формального образования он, как можно думать, исходя из жандармских наблюдений за выступлениями врачей, не стал действительно работающей организацией, остановившись в своем организационном развитии на стадии принятия устава.

Между тем решение о создании профессионально-политического Всероссийского союза медицинского персонала принял еще в марте 1905 г. чрезвычайный Пироговский съезд общества русских врачей. На проходивших в Москве 21-23 марта заседаниях Воронежскую губернию представлял заведующий санитарным отделением губернской земской управы А.И. Шингарев.¹⁵ Как и на учительских съездах, здесь развернулась борьба между социал-демократами и либералами, вновь завершившаяся в пользу последних. Принятая съездом резолюция требовала сосредоточения верховной власти в руках однопалатного законодательного собрания, введения демократических свобод, обеспечения крестьян землей за счет государственных, удельных, монастырских и частновладельческих земель, установления 8-часового рабочего дня для рабочих и т.д.¹⁶ Решения съезда легли в основу всех постановлений воронежского отдела общества охранения народного здоровья, даже напрямую не касающихся политической ситуации в стране.

Надо заметить, что отдел на протяжении всего 1905 г. увязывал разрешение, казалось бы, сугубо медицинских проблем с необходимостью политических преобразований. Так, зачитанный Н.А. Вырубовым 8 апреля доклад был посвящен теме политического паразитизма, 29 апреля заслушивались сообщения И.К. Воронова “Общественно-оздоровительная работа и ее программа” и Н.А. Вырубова “Японская война и духовное здоровье русского народа”.¹⁷ Подбор подобных тем для докладов позволял под предлогом распространения медицинских знаний проводить среди присутствующей публики антиправительственную агитацию.

Пик активности отдела пришелся на конец мая – начало июня и был вызван необходимостью обсудить меры борьбы с ожидавшейся осенью 1905 г. эпидемией холеры. Собрания проводились едва ли не каждый день: 27 мая, 2 и 9 июня в здании городской управы, 5 июня в губернской земской управе, 6 июня в здании городской думы. Поскольку все заседания общества были открытыми, они вызвали большой интерес у воронежцев и проходили при стечении “огромного количества посторонней публики”, которая принимала активное участие в прениях. На каждом собрании присутствовало от 200 до 600 человек, в том числе рабочие завода Гаусмана и станции Воронеж ЮВЖД, а также много учащейся молодежи.¹⁸

Направление работы общества определилось уже на первом заседа-

нии, когда председатель отдела, директор психиатрического отделения губернской земской больницы Н.А. Вырубов, начал с опубликования “не допущенной к печати резолюции Пироговского съезда врачей в Москве”. Другие выступающие также не ограничивали свои доклады рамками практических мероприятий, необходимых для предотвращения эпидемии холеры. По сообщениям жандармских агентов, они, “отклоняясь от предметов обсуждения, сосредоточивали внимание слушателей на вопросах политического характера, правовых, экономических”. Затрагивались такие острые темы, как необходимость прекращения войны с Японией, изменения государственного строя, вопросы о правовом положении крестьян и наделении их землей, об ограничении продолжительности рабочего дня, о повсеместных забастовках рабочих и служащих и т.д.

С яркой публицистической речью выступил А.И. Шингарев, доказывая, что причины появления холеры в России кроются в политическом строе страны, характеризуемом приниженностью народа и отсутствием у него каких-либо прав, гнетом бюрократии и произволом губернской администрации, приведшем к разорению страны и голоду среди крестьян. Шингарев делал вывод, что “борьба с холерой при таком ужасном положении России немыслима”, она будет возможна только тогда, “когда власть перейдет в руки народных представителей, но при условии, чтобы представители эти были избраны действительно народом, а не небольшой кучкой ставленников”.

Почти целиком посвящалась аграрной проблеме речь врача Л.В. Кричевского. Он предложил единственное, по его мнению, средство поднять благосостояние крестьян – наделить их землей за счет удельных, монастырских, части государственных и частновладельческих земель. Проводить эту реформу следует не теми методами, что в 1861 г., построенными на “угнетении народа и систематическом обмане”, а с учетом интересов крестьянства; с такой задачей сможет справиться в полной мере только новое правительство – правительство народных представителей. Звучали на собраниях и еще более радикальные призывы, как, например, в речи лидера воронежских меньшевиков Юлии Махновец, которая выделялась “более всех в своих требованиях совершенно революционного характера”¹⁹.

Таким образом, формально посвященные узко медицинской проблеме заседания общества были превращены возглавлявшими его либералами-освобожденцами в трибуну для ведения политической агитации среди горожан и стали заметным событием в общественной жизни Воронежа. Проводимые при участии представителей левых партий, они восприняли некоторые черты их приемов пропагандистской деятельности. Так, кроме произнесения речей здесь производился сбор средств путем передачи из

рук в руки по рядам присутствующих кошельков с надписями “на борьбу с самодержавием, на вооружение народа, в пользу пострадавших за политические убеждения, в пользу рабочих, уволенных с заводов во время забастовок” и т.п., что, конечно, уже выходило за рамки чистого конституционализма, но в обстановке революционного подъема являлось закономерным последствием сближения либералов с движением народных масс.

Однако полевение воронежского отдела общества охранения народного здоровья в целом не стоит переоценивать. В принятых резолюциях отражались лишь либеральные требования. В частности, телеграмма, которую собрание 27 мая решило направить в адрес Совета министров, призывала отдать губернатору распоряжение “не стеснять собрания граждан для обсуждения своих нужд” и приступить к немедленному созыву народных представителей.²⁰ Выказанные здесь требования народного представительства и демократических свобод как раз являлись той общей платформой, на которой происходило сближение либералов с движением народных масс и которая создавала успех их агитации на восходящем этапе революции.

Активная пропагандистская деятельность воронежских медиков летом 1905 г., протекавшая в рамках местного отдела Русского общества охранения народного здоровья, отодвинула на второй план задачу создания их профессионально-политической организации. Последняя была образована в составе Всероссийского союза медицинского персонала только в августе 1905 г. При этом воронежское отделение союза так и не смогло сосредоточить в своих руках руководство политической борьбой врачей и не сыграло в ней заметную роль. Собственно, свидетельством его существования остался только принятый устав, и не обнаружено ни одного факта его практической деятельности. В то же время отдел общества охранения народного здоровья продолжал устраивать свои заседания, неизменно вызывавшие повышенный интерес у публики.

Тем не менее, устав воронежского отделения союза медицинского персонала является важным документом, характеризующим настроения местной либеральной интеллигенции летом 1905 г. Принятый на собрании 10 августа, он определил перспективные и непосредственные цели организации. К числу первых относились задача содействия введению в России органа народного представительства, созванного на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, а также осуществлению социальных реформ, перечисленных в резолюции Пироговского съезда врачей. Ближайшие цели воронежского отделения союза указывали на явный крен этой организации в сторону политической борьбы в ущерб защите профессиональных интересов своих членов.

Упор делался на пропагандистскую работу, распространение и популяризацию идей реформирования государственного строя России среди всех слоев населения.

Также ставились задачи проведения в жизнь свободы печати, слова, собраний и союзов явочным порядком, то есть путем реального осуществления этих прав; выработки общей линии отношения медицинского персонала к различным решениям администрации и органов местного самоуправления; установления связей с другими родственными по духу профессионально-политическими союзами. Ни один из пунктов программы не указывал прямо на то, что создаваемая организация будет иметь в виду улучшение условий жизни и труда медиков. Лишь два положения имели отношение к профессиональным интересам: союз должен был морально и материально поддерживать лиц, которые вследствие участия в его деятельности понесли какой-либо ущерб, а также давать оценку профессиональным и общественным поступкам медицинского персонала и принимать в случае необходимости соответствующие меры.²¹

Все вышеописанные организации, объединявшие воронежских либералов, имели местом своей деятельности главным образом губернский центр, так что могло сложиться впечатление, что в уездах либеральные настроения получили гораздо меньшее распространение. Действительно, основные силы либералов были сосредоточены в Воронеже, где они опирались на значительно более широкую социальную базу и имели несравненно более благоприятные условия для объединения своих сторонников. Приверженцы либерализма в уездах Воронежской губернии были еще малочисленны, и хотя некоторые из них представляли свои уезды на большинстве собраний воронежских либералов, до попыток создания собственных организаций дело доходило только там, где находились лидеры, способные объединить вокруг себя группу лиц, разделявших их взгляды. Впрочем, эти редкие попытки нигде не увенчались успехом, поскольку уездная администрация зорко следила за политической благонадежностью жителей во вверенных ей районах и стремилась немедленно пресекать все проявления инакомыслия.

Среди всех уездов губернии наибольшая активность либералов прослеживается в Валуйском, где ее вдохновителем и признанным лидером стал председатель местной земской управы барон Р.Ю. Будберг. Своих сторонников он находил главным образом среди земских учителей и врачей уезда, причем его организаторская деятельность оказалась настолько успешной, что к середине лета стало возможным устраивать довольно многолюдные собрания, на которых обсуждались вопросы как местного значения, так и проблемы, касающиеся политической жизни страны. Первое подобное заседание состоялось 26 мая в помещении уездной зем-

ской управы. Большинство присутствовавших составляли учителя, поэтому разговор начался с вопроса об улучшении учительского быта, коснувшись проблемы образования профессионального союза. Как обычно, мнения разделились – нашлись сторонники и либералов, и социал-демократов, поэтому, не придя к определенному решению, вопрос о целях организации отложили до следующей встречи. Затем собрание перешло к обсуждению политической ситуации в России, причем выступления были довольно резкими: говорилось об ограничении императорской власти и даже о свержении царя с престола, о конфискации помещичьих земель и передачи их в пользование крестьянам.²²

Следующее собрание в уездной земской управе состоялось 3 июля. На этот раз оно получило название съезда учителей и учительниц Валуйского уезда. Поскольку присутствовали педагоги и из других уездов, число участников было велико – до 200 человек. Доступ посторонним лицам на собрание был закрыт, поэтому жандармы остались в неведении относительно подробностей того, о чем шла речь. Стало известно лишь, что в центре внимания оказался вопрос улучшения быта учителей.²³ По сохранившимся материалам трудно судить, в чью пользу разрешился спор о характере создававшегося профессионального союза педагогов, но совершенно очевидно, что он не собирался замыкаться на бытовых вопросах. Это показало очередное собрание, состоявшееся 23 июля в доме Р.Ю. Будберга.

В нем приняли участие до 40 человек, в том числе несколько земских врачей, учителя Валуйского и Нижнедевицкого уездов, “два приезжих из Воронежа человека” и даже один профессор Московского университета, фамилия которого осталась неизвестной. По сведениям полиции, на собрании “обсуждалось главным образом об упразднении существующего государственного строя”, причем принятые решения касались расширения пропагандистской работы по распространению конституционных идей среди крестьян: к следующему собранию, назначенному на 14 августа, присутствующим учителям поручалось “доставить от каждой волости по 3 человека для ознакомления их – что такое народное представительство и чего они должны требовать”.²⁴ В целом настроения собравшихся оказались достаточно умеренными: когда левые подняли вопрос о свержении царя с престола, большинство поддержало мнение, что “не надо его убивать и казнить, а назначить ему жалование, и пусть сидит, как птичка в клетке”. Когда же один молодой человек радикальных взглядов спросил, кто желает с оружием в руках оказывать сопротивление правительству, если оно не удовлетворит требования будущего народного представительства, лишь двое учителей выразили свое согласие, тогда как остальные предпочли отмолчаться.²⁵

Однако тот оборот, что приобретали дискуссии на совещаниях учителей, никак не устраивал местные власти, для которых критика существующего строя уже являлась доказательством революционных намерений собиравшихся. Когда же политический характер союза учителей вполне определился, полицейские чины не стали далее медлить с принятием запретительных мер. По рапорту ВГЖУ, воронежский губернатор отдал распоряжение валуйскому уездному исправнику о недопущении собрания, назначенного на 14 августа²⁶, а кроме того, по факту собрания в доме Будберга было возбуждено дело о государственном преступлении, впрочем, не доведенное до конца из-за амнистии 21 октября 1905 г. Запрет на дальнейшую деятельность союза учителей в Валуйском уезде, безусловно, сказался отрицательным образом на консолидации сил либералов и распространении ими своих идей. Однако он не только не стал препятствием для роста оппозиционных настроений, но, наоборот, подтолкнул часть уездной интеллигенции еще далее влево, показав недостаточность собственно либеральных методов борьбы с самодержавием. Недальновидная позиция администрации, не желавшей признавать за интеллигенцией право на участие в политической жизни, послужила одним из факторов слабости либерализма не только в Валуйском, но и в других уездах, и полного преобладания там революционных партий.

Состояние дел в остальных уездах Воронежской губернии как раз и является наглядным доказательством слабости и незрелости либерального движения в провинции. Хотя антиправительственные настроения среди местной интеллигенции были распространены ничуть не меньше, чем в Валуйском уезде, отсутствие навыков самостоятельной работы и вмешательство администрации не позволили создать там даже отдаленное подобие организации, через которую уездные либералы могли бы выражать свои взгляды. Единственная попытка создания либеральной организации была предпринята в Землянском уезде, где, как и в Валуйках, у либералов имелся общепризнанный лидер – председатель земской управы А.Г. Хрущев. 20 июля он вместе с санитарным врачом Я.Г. Раппопортом устроил в здании земской управы собрание землянского отдела “Союза русских женщин”.

Предполагалось, что союз будет “добиваться равноправия женщин и общественного переустройства”, однако его деятельность прекратилась, так и не успев начаться: на собрание явился уездный исправник и предложил очистить помещение управы и всем разойтись по домам. Хрущев и Раппопорт пытались возражать исправнику, при этом первый заявил, что “правительством скоро будет обнародован созыв Государственной Думы, которая прежде всего обсудит все своеволия, беззакония и произвол администрации по отношению к союзам и сборищам, в том числе и

его поступок по настоящему делу, и безнаказанным ничего не оставит”, но даже такая угроза не возымела на исправника действия, и собрание пришлось прекратить. Новая встреча членов союза была назначена на 20 августа, однако нет никаких свидетельств, указывающих на то, что такое собрание действительно удалось провести.²⁷

Рассмотренный случай является, пожалуй, одним из наиболее ярких примеров притиводействия властей распространению оппозиционных настроений среди уездной интеллигенции. Однако политика местной администрации, привычно не допускавшей проявлений свободомыслия, вместо наведения порядка в уездах стала одной из причин “порозовения” интеллигенции. Более того, запретительные меры создавали преимущество привыкшим к нелегальной работе эсерам, к которым, видя малую эффективность привычных методов борьбы за преобразование политического строя страны, присоединялась наиболее радикальная часть либерального лагеря.

После выхода в свет Манифеста 17 октября 1905 г. процесс размежевания в оппозиционном движении еще более ускорился. Причиной тому стало неодинаковое отношение к манифесту. Если организации, в которых преобладание получили революционные партии (крестьянский союз, союз учителей и др.), высказались за бойкот создаваемой Государственной Думы, то либералы оценили предоставленные им возможности по-иному. Манифест 17 октября открыл перед либеральным движением новые перспективы: они могли легально объединиться в политическую партию, открыто выражать свои взгляды через органы печати и, что было для них особенно важно, участвовать в формировании политики государства через избираемых депутатов Государственной Думы. Деятельность либералов приняла принципиально иное направление, приобретя характер предвыборной борьбы, в которой они стремились обеспечить победу созданной в середине октября конституционно-демократической партии, с образованием которой завершился процесс объединения либералов во всероссийскую политическую организацию.

В Воронежской губернии формирование комитета партии кадетов не заняло много времени, поскольку местные либералы своей активной работой, в том числе в профессионально-политических союзах интеллигенции, на протяжении года создали для этого все необходимые предпосылки. Сложился круг активистов, принимавших деятельное участие в освободительном движении и готовых взять на себя выполнение задачи создания партийного комитета, они располагали поддержкой значительной части средних городских слоев, сочувствовавших программе партии, и могли рассчитывать на успех при выборах в Государственную Думу. Ос-

тавалось проделать лишь чисто формальную работу – конституировать партийный комитет. Это произошло уже 14 октября 1905 г., когда А.И. Шингарев, В.И. Колубакин, Д.А. Перелешин, П.Я. Ростовцев и К.К. Шуринов образовали временное бюро конституционно-демократической партии.²⁸ Уже через короткое время воронежские кадеты стали мощной политической силой в губернии, имевшей огромное число сторонников в средних городских слоях. Несмотря на то, что правительство уже с начала 1906 г. перешло в наступление против оппозиции, созданная в 1905 г. популярность кадетов была столь велика, что их наибольшие успехи были еще впереди.

¹ Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг. Организация, программы, тактика. М., 1985. С. 313, 315.

² См. напр.: Шацилло Н.Ф. О составе русского либерализма накануне революции 1905-1907 гг. // История СССР. 1980. № 1. С. 63-66.

³ ГАВО, ф. И-1, оп. 2, д. 218, л. 10а.

⁴ Там же.

⁵ Хрущев А.Г. Андрей Иванович Шингарев: его жизнь и деятельность. М., 1918. С. 31.

⁶ ГАВО, ф. И-1, оп. 2, д. 218, л. 2-4.

⁷ Первое политическое выступление воронежских учителей произошло уже через несколько дней после выхода в свет указа сенату (25 февраля), когда состоялось общее собрание кассы взаимопомощи учителей. Педагоги не преминули использовать представившуюся возможность и высказали свой взгляд на будущее России. В резолюции собрания указывалось на необходимость созыва “учредительного собрания общественных представителей”, избранных всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием, немедленного прекращения войны, введения политических свобод, реформы земства и т.д. Учителя решили также “разъяснить населению значение и смысл выборного начала”, что означало, прежде всего, распространение конституционных идей среди крестьянства. (Там же, д. 221, л. 55.)

⁸ “Сын Отечества”, 1905. 24 мая.

⁹ Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966. С. 90-91. Поскольку часть делегатов прибыла на съезд по приглашению организационного бюро, а не была избрана, съезд имел статус предварительного совещания, решения которого имели только рекомендательный характер.

¹⁰ “Сын Отечества”, 1905. 26 мая.

¹¹ ГАВО, ф. И-1, оп. 2, д. 202, л. 4-5.

¹² Там же, л. 1-2.

¹³ Там же, л. 2-2об.

¹⁴ “Сын Отечества”, 1905. 15 сентября.

¹⁵ “Воронежский телеграф”, 1905. 7 апреля.

¹⁶ Ерман Л.К. Указ. соч. С. 94.

¹⁷ Годичный отчет Воронежского отдела Русского общества охранения народного здоровья // “Воронежское слово”, 1906. 22 апреля.

¹⁸ ГАВО, ф. И-1, оп.1, д. 618, л. 2; ф. И-6, оп. 1, д. 1227, л. 6.

¹⁹ Там же, ф. И-1, оп.1, д. 618, л. 2-3; ф. И-6, оп. 1, д. 1227, л. 6-6об.

²⁰ Там же, ф. И-1, оп.1, д. 618, л. 3.

²¹ Там же, оп. 2, д. 207, л. 7.

²² Там же, оп. 1, д. 697, л. 10об-12об.

²³ Там же, д. 554, л. 1-1об.

²⁴ Там же, л. 14-14об. В данном архивном деле речь идет о собрании, состоявшемся 17 июля, однако, по уточненным сведениям, в тот день собрания не было, и осведомитель просто перепутал даты (Там же, д. 697, л. 3).

²⁵ Там же, д. 675, л. 2-3.

²⁶ Там же, д. 697, л. 2.

²⁷ Там же, д. 554, л. 10-12об.

²⁸ ГАРФ, ф. 523, оп. 1, д. 198, л. 1, 10; “Воронежское слово”, 1906. 14 января.

И. В. Иноземцев

ВОРОНЕЖСКАЯ АГРОНОМИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ЕЕ МЕСТО В ПРОВЕДЕНИИ СТОЛЫПИНСКОЙ РЕФОРМЫ (1906-1914 гг.).

Столыпинская реформа как попытка преобразования русского общества по-разному оценивалась в науке и обществе. Еще в царской России сложилось два подхода к оценке тех усилий, которые предпринимало правительство при содействии земских органов под руководством П.А. Столыпина: критический и оптимистический. Примером первого подхода могут служить работы А.И. Чупрова. В них нет резко негативного отношения к реформе как таковой, а скорее рекомендации как добиться более позитивных ее результатов.¹ Взгляд из-за рубежа отражает французский автор – Э. Тэри, который рассматривает перспективы столыпинской реформы и России вообще в радужном свете.²

В советский период сложилась негативная оценка как хода проведения, так и результатов преобразования деревни в 1906-1914 гг. Однако тогда в отечественной науке был накоплен огромный фактический материал, обобщенный в большом количестве работ, в том числе посвященные столыпинской реформе в Воронежской губернии.³

В последние годы меняется отношение к тому, что происходило между пожарами двух русских революций. Не останавливаясь на работах авторов, склонных к некоторой романтизации столыпинской реформы, отметим более характерную черту большей части современных монографий и статей – аналитический подход.⁴

Перспективным методом изучения Столыпинских преобразований является их исследование в рамках отдельных регионов. Это позволяет проследить конкретный механизм преобразований и оценить их эффективность. Целью данной работы является реконструкция структуры агрономических учреждений Воронежской губернии в 1906-1914 гг., динамики их развития, компетенции и основных направлениях деятельности. Требуется выявить те сферы работы, которые пересекались с другими составляющими реформы, место агрономических мероприятий в системе

общих преобразований деревни; а также проследить, насколько эффективны были усилия в данном направлении, как они повлияли на социально-экономическое положение Воронежской губернии.

Перед реформой в регионе на площади в 66 тыс. кв. км. проживало 3,3 миллиона человек, поэтому плотность населения губернии была довольно высокой (50 человек на кв. км.) даже относительно Центральной России. Промышленность губернии была слабой: в 1905 г. было всего 156 предприятий с оборотным капиталом в 32 млн. руб., на которых трудилось 10,5 тыс. рабочих.⁵ Важнейшей проблемой социально-экономического развития был земельный или крестьянский вопрос. Ведь сельское население губернии к 1905 году составляло 93,5%, а крестьяне соответственно 93% общего числа жителей региона. Промышленность губернии была слабой: в 1905 г. было всего 156 предприятий с оборотным капиталом в 32 млн. руб., на которых трудилось 10,5 тыс. рабочих.⁵

Таким образом, именно благосостояние деревни определяло экономическое лицо нашего региона. Однако положение в сельском хозяйстве было далеким от благополучия. Многие современники с обеспокоенностью отмечали “оскудение” деревни, следствием которого, с последней четверти XIX в., стало появление периодических голодков.⁶ В Воронежской губернии очень четко проявились негативные последствия искусственной консервации общины: чересполосица и дальнотемелье, отсутствие заинтересованности у крестьян в удобрениях и совершенствовании примитивных орудий вели к чрезвычайно низкой производительности труда, общей отсталости — как экономической, так и социальной.⁷ Урожайность зерновых и технических культур (таких редких на общинных полях) была самой низкой в Европе и уступали развитым странам Запада в два-три раза.⁸ Даже помещичьи усадьбы были рентабельнее крестьянских в среднем на 25% (по Воронежской губернии).⁹

Только быстрое экономическое развитие могло вывести Россию из структурного кризиса. Это понимал П.А. Столыпин, пытаясь через указ от 9 ноября 1906 г., закон 14 июня 1910 г. и другие законодательные акты 1906-1911 гг. изменить лицо деревни, создать там слой “крепких и сильных” хозяев, которые, выйдя из общины, могли бы “обойти убогих и пьяных”.

Выходам из общины и последующему землеустройству, проводимых при участии земских начальников, сопутствовала активная агрономическая работа, на которую возлагали большие надежды и центральные органы власти, и земство. Главная задача агрономов определялась реформаторами как пропаганда и распространение среди населения новых, более передовых методов хозяйствования.¹⁰ Таким образом, агрономиче-

ская организация наряду с политикой разрушения общины, просвещения и переселения, стала важной составляющей реформы.

Первые элементы агрономической организации появились в 1906 году в виде двух параллельных структур: земской и правительственной. Воронежская губерния тоже не была тому исключением. В 1908 году появились земские участковые агрономы, несколько позже, в 1910 году – правительственные. Тогда еще не было общегубернской организации, а в уездах работало всего 5 агрономов (Бобровский, Богучарский, Нижнедевицкий, Острогожский, Воронежский уезды).¹¹

Однако сама жизнь требовала гораздо большего числа специалистов, к тому же, набиравшая обороты реформа стимулировала земство встать “на путь оказания планомерной агрономической помощи населению на началах объединенной и согласованной по всей губернии деятельности и стремления приблизить ее самому населению”, что и повлекло за собой значительное расширение агрономической организации. На 1 сентября 1911 года в губернии было 29 земских агрономов (губернский агроном с двумя помощниками и 26 участковых) и 13 специалистов по сельскому хозяйству. Весь земский агрономический персонал состоял из 39 человек.

Наряду с земской агрономической организацией действовала, как уже упоминалось, и правительственная. Она возглавлялась уполномоченным по сельскохозяйственной части и состояла из губернского агронома по землеустройству, восемь агрономов при уездных землеустроительных комиссиях, а также специалистов и инструкторов по животноводству, садоводству, птицеводству и т.д. В общей сложности – 22 человека. Необходимость правительства в своих собственных агрономиях в губерниях объяснялась стремлением повысить заинтересованность крестьян в реформе, что вело к возложению на эти организации ряда функций, таких как:

- организация показательных полей, прокатных пунктов сельскохозяйственных машин;
- выдача денежных ссуд и безвозвратных пособий выселившимся на хутора и отрубникам;
- работа по огнестойкому строительству, посадке защитных лесополос, сооружению простых и артезианских колодцев.¹²

Отметим одно важное обстоятельство : преимущество в реализации данных мероприятий , и особенно в выдаче денежных ссуд, представлялось хозяевам единоличного владения.

Остановимся на некоторых показателях деятельности правительственной агрономической организации. За 1905-1907 поступило более 8 тыс. заявлений на “выдачу денежных ссуд”, а удовлетворено было около половины запросов на сумму почти в 0,5 млн. рублей. Кредиты были направлены на устройство и совершенствование хозяйства единоличников, приобретение скота, лошадей, семян, покупку современных сельскохозяйственных орудий и машин, устройство усадеб и колодцев и т.д. Большую часть времени занимала пропаганда среди населения землеустройства и выделов. В 1912-1913 годах была организована система агрокурсов (в Анне, Калаче, Алексеевке и др.), однако охвачено ими было всего 969 человек. Агрономы провели сотни лекций, распространили 17 тыс. агитационных брошюр, но результаты их просветительской работы следует поставить под сомнение. Тот факт, что во время встреч с крестьянами присутствовали исправники и группы солдат, свидетельствует об отсутствии доверия к правительственным агрономам.¹³

Судя по динамике роста финансирования правительственной агрономии в Воронежской губернии (1910г – 30 тыс. руб., 1913г – уже 111 тыс. руб.) можно было бы предположить, что она могла отвечать поставленным сверху задачам. Но реалии оказались иными. За три года (с 1911 по 1913) численность персонала выросла с 22 человека до 35, среди которых было всего 11 профессиональных агрономов. Из выделяемых мизерных средств 50-60% уходило на содержание бюрократического аппарата. Очевидно, такая незначительная организация явно не могла обслужить уже существовавших к тому времени 18,5 тыс. единоличных хозяйств.¹⁴ Другие данные также могут служить подтверждением несостоятельности правительственной агрономии. Например, за семь лет (1907-1913) было построено 26 колодцев обоих типов, посажено лесозащитных насаждений на площади в 60 кв. км., что не имеет существенного значения для размеров Воронежской губернии.¹⁵

Следовательно, появление правительственной агрономической организации хоть и было шагом вперед по сравнению с полным отсутствием какого-либо эквивалентного ей института, но ни по объемам работ, ни по финансированию, ни тем более по численности персонала она не могла удовлетворить минимальные потребности даже крестьян-единоличников, не говоря уже о трех миллионах тех, кто остался в общине.

Как же развивалась ситуация в земской агрономии? Деятельность воронежских агрономов, пожалуй, была более целенаправленной, многоплановой и активной, поэтому стремление быть ближе к населению часто вознаграждалось хорошими результатами.¹⁶ Творчески интерпретируя общие принципы работы, земские деятели стремились по-новому взглянуть на многие проблемы, связанные с распространением среди населе-

ния сельскохозяйственных знаний и содействие проведению землеустройства и переселения.

Известия об инициативах экономического отдела губернской земской управы распространялись по многим изданиям. Одной из наиболее важных специализированных газет была «Южнорусская сельскохозяйственная газета», отражавшая на своих полосах основные тенденции аграрного развития Черноземной полосы и Юга России. В апреле 1912 года она отмечала, что Воронежское губернское земское собрание январской сессии 1911 г рассмотрело 39 докладов и постановило:

- во-первых, «направлять агрономические земские мероприятия на всех налогоплательщиков, а не на отдельные группы в зависимости от форм их землевладения и землепользования»;
- во-вторых, развивать единоличные формы землепользования, которые должны основываться на возможно близкой к населению агрономической помощи;
- в-третьих, возбудить ходатайство перед правительством, чтобы вся агрономическая помощь была полностью передана в ведение земства.¹⁷

Так, в русле решений Московского общероссийского съезда агрономов пожелания воронежских земцев стали основой для созревшей к тому времени коррекции реформы.¹⁸ К тому же обращает на себя внимание расхождение не только целей деятельности двух видов агро - организаций, но и ставится под сомнение сама необходимость существования правительственной.

В 1913 г. воронежская земская агрономия достигла наибольших высот. По данным 1913-1914 гг. можно судить, насколько эффективна была ее работа.

Прежде всего, очевиден численный рост земской организации агрономов. Вместо 29, работали 65, а общая численность специалистов по сельскому хозяйству достигает 123 человек. Кроме того, состав персонала изменяется качественно, появляется много новых должностей: заведующие различными станциями (например, контрольно-семенной), инструктора и специалисты по различным отраслям сельского хозяйства, многие низшие должности. О более внимательном отношении к нуждам агрономии со стороны земства свидетельствует рост ассигнований на экономические нужды земледелия (в 1914 г. 200 тыс. руб., что в два раза больше, чем расходы правительственной).¹⁹ Такие положительные тенденции, конечно, были связаны с инициативами, развернувшимися еще в 1911 г.

К 1914 г. благодаря стараниям наиболее активных земских деятелей сложилась достаточно стройная система органов по координации работы, направленных на интенсификацию земледелия.²⁰ К ним следует отнести губернское агрономическое совещание (функционировало с декабря 1910 года); экономический совет; съезд земских деятелей, сельских хозяев и агрономов Воронежской губернии. Прослеживается представительство членов губернских и уездных собраний, агрономов, правительственных органов (Департамент Земледелия, Главное управление землеустройства).²¹ Такие совещания, несомненно, благоприятно сказывались на организации помощи сельскому хозяйству Воронежской губернии, а, следовательно, на экономическом развитии региона вообще.

Приоритетным направлением было устройство показательных участков и полей. К 1911 г. совместно с сельскохозяйственными (20 к 1911 г.), было создано 66 показательных полей и 984 участка, а к 1914 г. – 128 (вместе с правительственной – 207) и 3205 (вместе с правительственной – 3586) соответственно.

Распространение сельскохозяйственных знаний осуществлялось, кроме того, путем организации курсов (например, при опытной пасеке или при плодовых питомниках), чтений и бесед с раздачей брошюр и демонстраций экспонатов и плакатов. С целью снабжения агрономического персонала наглядными пособиями в 1910 г. при экономическом отделе губернской управы был организован музей наглядных пособий, который непрерывно пополнялся. Рассылались брошюры и плакаты по всем запросам из уездов. Много внимания уделялось выставкам (10 только за осень 1909 г.), которые демонстрировали реальные преимущества единоличного хозяйства над общинным.

Главной особенностью воронежской агрономии была ежегодная с 1909 г. организация показательных поездок крестьян под руководством Ю.Е. Макаренко на Волынь, а в 1914 г. в Моравию для осмотра благоустроенных хуторов и отрубов с посещением показательных полей и опытных станций по пути следования.²² Отметим, что он же содействовал учреждению в воронежской губернии института сельскохозяйственных старост, заменявших часто ввиду временного или постоянного отсутствия агрономов-профессионалов. Но появление такого рода “специалистов” нередко отрицательно сказывалось на престиже агрономии вообще, т. к. их некомпетентность была налицо, а ошибки очень часто вели к неурожаю, что подрывало и без того слабое крестьянское хозяйство.²³

В компетенцию агрономов также входили мероприятия, связанные с узкопрофессиональной деятельностью: обустройство опытных полей (с 1911 г.), прокатных станций и случных пунктов, участие в продаже сельскохозяйственных машин, работа по повышению производительности

животноводства, садоводства и т.д. Все это наглядно показывало крестьянам, как нужно вести хозяйство, доказывало преимущество новых методов над старыми.²⁴

Кроме того, персонал экономического отдела Воронежской губернской земской управы принимало участие в организации и функционировании образовательных учреждений, специализация которых была связана с земледелием. К 1914 г. сложилась даже некоторая система этих учреждений: с.х. институт – с.х. училище (Конь-Колодезное) – с.х. школы (Усманская, Русановская, Боевская и т.д.). Экзаменаторами выпускников были, обычно, губернский агроном Фохт или его помощники.²⁵

Содействием переселению занимался уже упомянутый Ю.Е. Макаренко, который вместе с осведомительным агентом при губернской управе организовывал сборы партий крестьян на начальных пунктах следования и даже сопровождал составы до передаточных станций. Работа по созданию образовательных центров, связанных с сельским хозяйством низшего и среднего уровней и подготовка партий крестьян к переселению не относились непосредственно к компетенции агрономов. Содействие проведению как переселения, так и просвещения ясно показывает, что мероприятия земства вообще, а экономического отдела и агрономов в частности, были неким связующим звеном между разнородными частями проводимой реформы, о чем будет подробнее сказано ниже.

Теперь попытаемся ответить на вопрос: могла ли деятельность агрономов существенно повлиять на социально-экономическое развитие нашего региона? Очевидно, однозначного ответа нет.

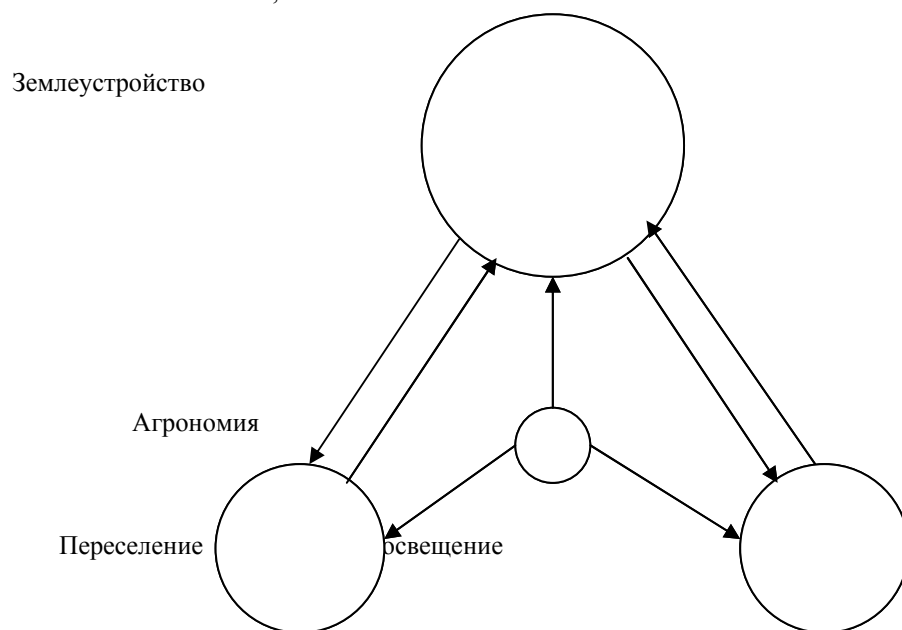
На первый взгляд, многие статистические показатели свидетельствуют о слабом влиянии работы агрономов на жизнь крестьян воронежской губернии. Например, за годы работы 67 земских и правительственных прокатных пунктов обслужили всего 2240 домохозяев (из 78 тыс. единоличников) и очистили 138 тыс. пудов зерна.²⁶ В 1913 г. с.х. образовательных учреждениях всех уровней обучалось примерно 800 человек (из 218 тыс. учащихся по Воронежской губернии).²⁷

Если провести сравнение с кооперативным движением, то окажется, что оно охватило гораздо больше крестьян. Одних только членов 32 ссудосберегательных товариществ насчитывалось в 1916 г. до 280 тыс. человек, а ссуды 236 кредитных товариществ были предоставлены 70 тыс. домохозяев на сумму 2,9 млн. руб. (или почти в шесть раз больше, чем финансовая помощь агрономов). Также и по продаже современных сельскохозяйственных машин кооперативы часто опережали земцев (в 1912 г. в Землянском уезде их было продано на 24 тыс. руб. земством и на 64 тыс. руб. кредитными товариществами; в Бирюченском уезде – 1 тыс. руб. и 41 тыс. соответственно).²⁸

Однако надо отметить, что 150 человек персонала агрономической организации не могли влиять непосредственно на ход проводимой реформы. О воздействии на умы крестьянства посредством разнообразных форм пропаганды землеустройства и новых, более совершенных методов хозяйствования могут свидетельствовать следующие данные.

Уровень урожайности таких культур как рожь и пшеница вырос за 1907-1913 гг. на 10% и 5% в среднем по губернии, а у крестьян-единоличников на 20% и 15% по сравнению с общинниками. Обороты складов по продаже сельскохозяйственных машин быстро росли и достигли к 1914 г. 0,7 млн. руб.²⁹ Эти факторы стали из наиболее важных в тех тенденциях оживления экономики деревни Воронежской губернии, которые наметились еще в 1908 г. В результате значительно вырос экспорт продуктов питания из региона, стал развиваться транспорт и холодильное дело.

Оказавшись на пересечении взаимонаправленных действий указанных выше составляющих реформы, агрономия быстро поднималась (численный рост за 1911-1913 гг. более чем в три раза) и вскоре могла бы объективно указывать вектор развития сельского хозяйства, а значит во многом всей экономики в целом. Поэтому, на наш взгляд, будет правомерным появление условного схематического изображения механизмов взаимодействия компонентов столыпинской реформы, где земство и агрономия занимают небольшое, но очень важное место.

В заключении отметим, что попытка интенсификации сельского хозяйства и связанная с ней модернизация русского общества была серьезным шагом по пути утверждения реформистских начал. Опыт преобразования деревни, в котором агрономия являла собой одну из важнейших частей, является ценным и ныне, в пору отсутствия устойчивой продуманной государственной политики относительно крестьянства.

¹Чупров А.И. Крестьянский вопрос. М., 1909. 339 с.

²Тэри Э. Россия в 1914 году: экономический обзор / пер. Н. Круглого. Paris, 1986. 157 с.

³Герасименко Г.А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Саратов, 1985. 343 с.; Литвинов И.И. Экономические последствия столыпинского аграрного законодательства. М., 1929. 144 с.; Гульцев Н.Н. Столыпинская аграрная реформа в Воронежской губернии и ее крах. Л., 1952. 345 с.

⁴Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907-1914 годах. М., 1992. 256 с.; Карпачев М.Д. Столыпинская реформа в Воронежской губернии: итоги и уроки аграрного реформирования // Общественная жизнь в Центральной России в XVI-XX веках. Воронеж, 1995. С. 157-177.

⁵Памятная книжка Воронежской губернии на 1908 год. Отд. II. Воронеж, 1909. С. 82-83.

⁶Шингарев А.И. Вымирающая деревня. СПб., 1907. 223 с.

⁷Например, в Воронежской губернии рожь, составляющая 40% посевов, имела всходы всего на 8,7 центнеров с 1 десятины. Показателем низкой технической оснащенности может служить отсутствие до 1906 года механических молотилок в Валуйском уезде.

⁸Дубровский С.Н. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 420.

⁹Сельскохозяйственный обзор по Воронежской губернии за 1910-1913 годы. Воронеж, 1916. С. 10, С.17.

¹⁰Неручев М. Землеустройство по отношению к мелкому крестьянскому хозяйству. // Вестник сельского хозяйства. 1914. № 19. С. 2.

¹¹Отчет о деятельности экономического отдела с 1 октября 1910 года по 1 октября 1911 года. Воронеж, 1912. С.1.

¹²Першин П.Н. Землеустройство и агрономия. Воронеж, 1928. С.1.

¹³Население и хозяйство Воронежской губернии. Сводный статистический сборник. Воронеж, 1925. С. 382.

¹⁴Отчет о деятельности правительственной организации за 1914 год. Воронеж, 1916. С. 8.

¹⁵Обзор Воронежской губернии за 1914 год. Воронеж, 1915. С. 8

¹⁶Бачурихин А.Н. Агрономическое совещание в городе Боброве // Южнорусская сельскохозяйственная газета. 1912. № 4. С.15.

¹⁷Южнорусская сельскохозяйственная газета. 1912. №13. С.18

¹⁸Вестник сельского хозяйства. 1910. № 13. С. 17-19.

¹⁹Отчет о деятельности Экономического отдела Воронежской губернской земской управы за 1914 год. Воронеж, 1915. С. 3.

²⁰Славутинский А.А. К вопросу об участковых агрономических совещаниях. // Наше хозяйство. 1914. № 12. С.25-27.

²¹Отчет о деятельности экономического отдела Воронежской губернской земской управы за 1914 год. Воронеж, 1915. С. 2.

²²Отчет о деятельности экономического отдела ... С. 16.

²³Блохинцев И. Агрономический фельдшеризм. // Южнорусская сельскохозяйственная газета. 1910. № 34. С. 14.

²⁴Наше хозяйство. 1914. №16. С. 17; №20. С. 14; №22. С. 2.

²⁵Журнал Воронежского уездного земского собрания. Очередная сессия 16-29 января 1914 года. Воронеж, 1915. С. 18-20.

²⁷ Ежегодник газеты “Речь” за 1914 год. Воронеж, 1915. С. 230.

²⁸ Памятная книжка Воронежской губернии на 1915 год. Отд. II. Воронеж, 1916. С. 124-127.

²⁹ Гульцев Н.Н. Указ. Соч. С. 193-195.

³⁰ Отчет о деятельности правительственной агрономической организации за 1912-1913 годы. Воронеж, 1914. С. 21, С. 165.

ИСТОРИЯ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

М. Кирчанов

ОЛБАНИЙСКИЙ ПЛАН СОЮЗА 1754 ГОДА И СТАТЬИ КОНФЕДЕРАЦИИ 1774 ГОДА: СОДЕРЖАНИЕ, ОСОБЕННОСТИ И РОЛЬ В РАЗВИТИИ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ.

XVIII век отмечен важными процессами в истории человеческой цивилизации. Одним из них было просвещение, которое в значительной мере способствовало росту знаний о природе, государстве, об обществе. Как результат именно в XVIII веке мы наблюдаем появление Декларации прав человека и гражданина, рожденной Великой французской буржуазной революцией. Но она не была единственным документом такого рода. Аналогичные по содержанию работы создавались и в других государствах, и не только в Европе. Несколько подобных памятников возникло в Северной Америке в британских колониях. Мы подробно остановимся на двух из них: на Олбани-плане союза 1754 года и Статьях конфедерации 1774 года, составленных Франклином.

Названные источники неоднократно публиковались в США. Одно из самых фундаментальных изданий осуществлено в книге “Документы и чтения Американского правительства. Национальное и государственное” под редакцией американских ученых Дж. М. Метьюса и С.А. Бедла. Оно включает в себя материалы по американской истории начиная с XVII века и заканчивая документами, относящимися к первой половине XX века. Кроме этого, данные тексты были изданы в таких книгах как: “Избранные произведения” Франклина и “Документах по американской истории” под редакцией Х. С. Коммаджера¹.

Процесс изучения Олбани-плана и Статей конфедерации нашел достаточное отражение в историографии, как отечественной, так и зарубежной, в первую очередь американской. Исследователей привлекали вопросы, связанные с происхождением данных документов, их авторство и отношением с другими подобными источниками. Значительная работа была проделана с целью выяснить, насколько в таких текстах отразилась специфика эпохи, главным образом, политические события. Среди зна-

чительных работ стоит отметить сочинения Г. Комманджера, С. Невинса, Г.Н. Севастьянова, И.А. Белявской, В.В. Согрина, М. Дженсона и др.²

Олбани-план союза является проектом нового политического экономического и административного устройства для английских колоний на североамериканском континенте, который был создан утвердить "общее правление на подконтрольных Англии территориях"². Общее правление предусматривало реформу системы власти. Ее следовало сосредоточить в руках президента-генерала (president-general), назначавшегося английским монархом и наделявшегося довольно значительными полномочиями. В его ведении находилась внешняя и внутренняя политика, вопросы мира и войны, регулирование отношений с индейцами и основание новых поселений на подвластных Англии территориях.

Представительным органом, согласно Олбани-плану должен был стать Великий Совет, который следовало избирать населению колонии. Количество депутатов зависело от численности населения в разных частях Английских колоний на территории Северной Америки: так, Массачусетс посылал в Великий Совет семь человек, Ньюгемпшир два, Коннектикут пять, Род-Айленд два, Нью-Йорк четыре, Нью-Джерси три, Пенсильвания шесть, Мериленд четыре, Виржиния семь, Северная и Южная Калифорния по четыре представителя. Количество депутатов от той или иной колонии объяснялось ее благосостоятельностью: так, Массачусетс, считавшийся наиболее богатой территорией, обладал правом посылать в Великий Совет наибольшее количество представителей, т.е. семь человек.

Великий Совет следовало созывать президент-генералу после его назначения Английским монархом. Данный орган избирался сроком на три года и созывался ежегодно. Депутаты Великого Совета могли выбрать себе спикера из своего числа, который должен был координировать их деятельность, а в случае смерти президента-генерала приступить к исполнению его обязанностей до тех пор, пока не придут официальные распоряжения из Лондона.

Стоит отметить, что положение Великого Совета являлось двойственным. Он, по сути дела, должен был стать лишь совещательным органом при президенте-генерале. В пользу этого говорит то, что он созывался по решению последнего, не имел законодательной инициативы и не обладал никакими реальными правами.

Тем не менее, в Великом Совете могли обсуждаться те или иные законодательные проекты. В случае согласия 25 из 48 депутатов, проект передавался на рассмотрение президента-генерала, который в зависимости от ситуации имел право отклонить его или утвердить. Если утвержденный закон не действовал в течении трех лет, то для изменения си-

туации президент-генерал имел право применить военную силу. В отношении ново принимаемых законов выдвигалась обязательное условие их близости существующим английским аналогам.

Столицей Североамериканских колоний, согласно Олбани-проекту следовало сделать крупнейший город, каковым тогда являлась Филадельфия³.

Олбани-план союза, составленный Франклином, так и остался проектом, поскольку ни одно из его положений не было в той или иной мере воплощено в жизнь. Он получил противоречивую оценку. Его называли “утопичным” и “несбыточным”⁴, прообразом планов домениального устройства Канады и Австралии⁵, способствовавшим распространению идей единства и независимости.

Тем не менее, он сыграл значительную роль в общественно политическом движении среди колонистов на Североамериканских территориях подвластных Англии. В Олбани-плане были заложены основы будущего государственного устройства Соединенных Штатов. В нем в общих чертах намечались атрибуты президентской власти, были созданы предпосылки для дальнейшего развития принципов американского федерализма, поскольку в каждом штате предполагалось ввести свою конституцию и создать представительный орган - Легислатуру (Legislature)⁷.

В тоже время данный проект Франклина сохранял двойственный характер. Предусматривалось легитимизация монархии (президент-генерал назначался английским королем), недостаточно четко прорабатывались принципы избирательного права, территориально-административного устройства и т.д. Как следствие, Олбани-план союза надо рассматривать не как проект конституции нового государства, а как идею реформы самоуправления для британских колоний, находившихся в Северной Америке.

В Североамериканских колониях Великобритании росло антианглийское движение, вызванное политикой Лондона, притеснявшей колонистов. В результате работы I и II континентального Конгресса была выработана юридическая база движения за независимость, в том числе предложенные Франклином Статьи Конфедерации. К 1780-м годам они были приняты во всех североамериканских штатах и стали прообразом Американской конституции 1787 года. Они закладывали основы американского федерализма. Каждый штат имел свою конституцию, "свои законы и управление". Кроме этого, он получал право входа и выхода из конфедерации.

Тем не менее, Статьи конфедерации содержали ряд положений, которые серьезно ограничивали права штатов, например, статья 6 отмечала невозможность посылать своих представителей и принимать иностран-

ных послов без согласия остальных штатов. Запрещалось заключать договора между отдельными штатами без уведомления других участников конфедерации. Предусматривалась невозможность установления дипломатических отношений одного штата с любым иностранным государством. Отдельный штат не обладал правом объявления войны, если это не соответствовало общим интересам нового государства⁸.

Статьи конфедерации предусматривали создание представительного органа, состоящего из делегатов от штатов. Таковым должен был стать Конгресс. Каждый штат, входивший в конфедерацию, посылал от 2 до 7 (статья 5) представителей в Конгресс. При рассмотрении жизненно-важных вопросов в конгрессе каждый штат обладал одним голосом. Парламенту следовало собираться в первый понедельник ноября каждого года. В его ведении находились вопросы мира, войны, внешней политики (статья 9). Кроме этого Конгресс являлся законно-совещательным органом: он имел право предложить закон, рассмотреть его и утвердить в случае согласия представителей не менее, чем от 7 штатов. Что касается исполнительной власти, то вопросы с ней связанные в статьях конфедерации были проработаны крайне слабо. Так, для решения конкретных задач, Конгресс мог создавать комитеты (статья 9), в которых сосредотачивалась вся исполнительная власть.

В целом Конгресс обладал лишь регулируемыми функциями. Статьи конфедерации вводили гражданские свободы, в том числе и свободу слова. Отменялись титулы. Это создавало предпосылки для признания равенства всех граждан перед законом. Предусматривался запрет ареста без суда, но, в случае совершения преступления, гражданина следовало при- дать суду лишь в том штате, где он занимался противозаконной деятельностью. Другие вопросы в Статьях Конфедерации не получили должного рассмотрения. Статья 8, например, содержала предложения об унификации налоговой системы, но носила лишь рекомендательный характер. Тем не менее, это был первый шаг к упорядочиванию экономической жизни. Статья 6 и 7 освещали вопрос о вооруженных силах. В каждом штате следовало создавать милицию (militia) и "местные силы" (лэнфорс - land forces). Милицию предполагалось "хорошо организовать и вооружить" и использовать для подавления беспорядков. Она должна была носить иррегулярный характер. "Местные силы" предусматривалось применять в случае внешней опасности. Они являлись регулярными воинскими формированиями⁹.

Статьи Конфедерации часто рассматривались в негативном свете. Их предпочитали называть слабой конституцией, которая не играла роли, являлась непоследовательной и возникла, как "плод компромисса с целью поддержать определенный баланс между центральными и местными

властями»¹⁰. Статьи представлялись “расплывчатыми и недостаточно крепкими”, но, тем не менее, воплощавшими принципы революции и имеющими связь с Олбани-планом¹¹. Указывалась также связь данного документа с “хабэас корпус” – английским законом 1679 года¹².

С одной стороны Статьи Конфедерации носили более прогрессивный характер по сравнению с Олбани-планом союза. Или предусматривался ряд качественных нововведений: упразднялась монархия, вводилась республиканская форма правления, юридически закреплялось создание нового независимого конфедеративного государства, где гарантировались гражданские права и свободы. В тоже время, в Статьях Конфедерации явно наличествуют и регрессивные элементы: отсутствовало положение о президентской должности, а исполнительная власть сосредотачивается в комитетах, создаваемых при конгрессе. Куда входили представители наиболее зажиточных слоев североамериканского населения — крупные фермеры, представители торговой и банковской буржуазии. Это делало реальной угрозой постепенного складывания на базе отделившихся английских колоний республики олигархического типа. Кроме того, конфедеративное устройство отрицательно влияло на обороноспособности штатов. Тем не менее, Статьи Конфедерации сыграли значительную роль в истории североамериканских объединенных штатов.

¹ Albany Plan of Union, 1754//Documents and Readings in American Government. NY., 1947. P.8.

² См., напр.: Невинс С., Комманджер Г. История США. От английской колонии до мировой державы. Нью-Йорк, 1991. С.83, 116-117; Краткая история США. М.,1993. С. 26-26,32-34,52-56; Очерки новой и новейшей истории США: в 2-х томах / ред. Г.Н. Севостьянов. М., 1960. Т.1. С. 44-45, 82-83; Белявская И.А. Франклин — деятель национально-освободительного движения американского народа//Вопросы истории. 1956. №10. С.33; Со-грин В.В. Идеология в американской истории: от отцов-основателей до конца XX в. М.,1995. С. 7-30; Jenson M. The Articles of Confederation of Social-Constitutional History of American Revolution. Wisconsin. 1940. P.163.

³ Albany Plan ... P.8-10.

⁴ Словарь американской истории. СПб., 1997. С. 434.

⁵ История США. М., 1983. Т.1.С. 74.

⁶ Невинс С. История США. NY., 1991. С. 72.

⁷ Articles of Confederation, 1775 //Documents and Readings... P27.

⁸ Ibid. P.29.

⁹ Ibid. P.28-30.

¹⁰ История США. С. 141.

¹¹ Краткая история США. М., 1993. С. 50.

¹² Невинс С. Указ. соч. – С. 116.

**МЕСТО ФРАНЦУЗСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
КОНСЕРВАТИЗМА В ВОЛЮЦИИ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ
КОНСЕРВАТИВНОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.**

(на материале работ М. Барреса).

Современная историческая наука начинает уделять все большее внимание изучению феномена консерватизма¹. Но, несмотря на повышение интереса к консерватизму в целом, термин остается все еще неопределенным понятием в политическом словаре.

Западная историческая мысль чаще всего определяет “консерватизм” как “состояние духа, враждебность любым политическим и общественным преобразованиям”², что не учитывает весь сложный спектр западноевропейской и русской общественной мысли XIX – XX веков. Подобный взгляд на консервативную теорию изначально отрицает наличие у нее какого-либо творческого потенциала, способствующего дальнейшей эволюции и трансформации. В нашей стране долгое время основными чертами консервативной идеологии считались “приверженность ко всему устаревшему, отжившему, косному” и “противодействие прогрессу, всему новому, передовому”³. Примечательно, что и в западной исторической науке существует немало “ультракритических” теорий. Согласно этой точке зрения, консерватизм является идеологией классовых интересов крупной земельной аристократии, следовательно, с ее исчезновением после 1830 г. исчезла и сама консервативная традиция, а вся палитра идеологических течений XIX и XX вв. представлена только различными трансформациями либерализма⁴.

Одной из причин сложности анализа консервативной мысли является ее тесная взаимосвязь с национальными традициями той или иной страны. Если современный англосаксонский неоконсерватизм, выразителями которого считаются К. Поппер и Р. Рейган, в целом повторяет постулаты либералов XIX в., то немецкий консерватор прошлого века О. Бисмарк заложил теоретические основы “государства всеобщего благоденствия” неолибералов. Очевидно, такая взаимосвязь не случайна: консерватизм опирается именно на традиционные общественно-культурные институты, противопоставляя их абстрактным схемам. Однако обобщающих работ по сравнительному анализу различных направлений европейского консерватизма конца XVIII – XX вв. не создано в настоящее время ни в отечественной, ни в зарубежной историографии.

На Западе после Второй мировой войны исследователи в основном интересовались взаимосвязью теорий консерваторов с национализмом.

Еще в 1943 г. К. Поппер в работе “Открытое общество и его враги” сделал вывод, что именно немецкие консерваторы превратили национализм – либеральную французскую идеологию – в знамя антилиберализма с целью исказить идеи 1789 г.⁵ Попперовскую схему расширила Х. Арндт, противопоставляя французский национализм, выросший из аристократической идеи о разделе Франции на дворян-потомков франков и “третье сословие” – потомков галлов, немецкому, проповедующему расизм и сильную государственную власть, т.к. германская консервативная мысль вышла из стремления к образованию сильного национального государства⁶. Значительно дальше пошел немецкий политолог К. Манхейм: согласно его книге “Консервативная мысль”, в странах с эволюционным характером истории (Англии и Германии), консерватизм проявил себя в политике и философии, тогда как в “революционной” Франции он ограничился поэзией⁷. Что же касается отечественной исторической науки, то, несмотря на хорошо разработанную классификацию течений внутри консервативной идеологии⁸, проблема их связи с национальной спецификой изучена недостаточно. Определенная схема предложена читателю только в довольно тенденциозной книге А. Дугина “Консервативная революция”. Здесь национализм и консерватизм выступают почти как тождественные понятия, поэтому, по мнению автора, французского националиста “в первую очередь волнует принадлежность к французской культуре и лояльность государству”, в то время как немецкий национализм “носит чисто этнический, даже расовый характер”⁹.

Однако, несмотря на все разнообразие теорий западноевропейских и отечественных авторов, их объединяет общий взгляд на близость консерватизма и национализма. Поэтому целью данной статьи является дополнительный анализ проблемы взаимоотношения консервативной и националистической идеологий на основе работ М. Барреса – французского политика рубежа XIX – XX вв., совмещавшего в своей программе идею “великой Франции” с необходимостью защиты традиционных общественных институтов. На этой основе мы постараемся рассмотреть специфические черты французского политического консерватизма по сравнению с теориями других европейских традиционалистов.

Фигура М. Барреса как представителя французской консервативной традиции выбрана для анализа не только потому, что время его жизни (1862 – 1923) приходится на период переосмысления всех традиционных европейских идеологий, но и вследствие полярно противоположных оценок его творчества. Если, например, Х. Арндт видит в Барресе только неоригинального предшественника гитлеризма¹⁰, то современный американский политолог У. Лакер, подчеркивая в работе “Черная сотня” слабую идеологическую базу русских правых начала XX в., пишет: “Трудно

было бы ожидать, что в России появятся свои Морис Баррес и Шарль Моррас”¹¹, т.е. оригинальные консерваторы-националисты. Эту противоречивость можно заметить и в статье М. М. Федоровой “Традиционализм как антимодернизм”. С одной стороны, автор “политических записок”, известных как “Мои тетради” (“Mes Cahiers”), завершает эволюцию французской консервативной мысли, поскольку дает политическое значение понятиям “нация” и “национализм”, а с другой стороны, его теория характеризуется как синтез элементов, каждый из которых он позаимствовал у предшественников¹². Очевидно, эта *двойственность* — неотъемлемая черта европейских идеологий рубежа веков. Поэтому Барресу приходилось учитывать изменения XX в., оставаясь человеком XIX-го столетия. Таким образом, сравнительный анализ его творчества с авторами других стран показывает отличие от них французской консервативной традиции от консервативных традиций этих стран.

Консерватизм как идеология возник в конце XVIII в. в качестве ответа на Великую Французскую революцию, в тот момент когда, по словам Эйдельмана, у старого мира “королей, аристократов, феодализма” не было “мощной, ведущей идеи”¹³. В противовес убеждениям просветителей, что человечество идет по пути прогресса, и в перспективе создаст общество на основе разумных начал свободы и равенства, консерваторы обратились к иррационализму и провозгласили свободу “в сфере Духа”. В политической теории новое направление выступило за разделение “народа” на “творческое меньшинство” и “массу”, а также попыталось доказать тесную взаимосвязь личности с ее социальной средой, что обосновывало сословное разделение общества. Но уже на рубеже XVIII - XIX вв. внутри консерватизма выделилось три направления.

- 1) Английское, восходящее к наследию Э. Берка, который выступил за постепенное реформирование общества с сохранением традиционных институтов в противовес радикализму Просвещения¹⁴.
- 2) Немецкое, провозгласившее вслед за Фихте и Гегелем не возврат к состоянию до 1789 г., а безусловный этатизм с сильными элементами национализма¹⁵.
- 3) Французское, связанное с религиозно-аристократической критикой революции. Один из его основателей – Ж. де Местр – в своей классической работе “Вечера в Санкт-Петербурге” (1821 г.) не только отверг рационалистические теории XVII – XVIII в., но и задолго до Достоевского выступил с идеей “государства как подобия церкви”, в котором монарх как наместник Бога имеет право на выражение воли всего народа¹⁶.

Однако реальные условия рубежа XIX – XX вв. требовали изменений внутри консервативной идеологии. Какие положения предшественников

сохранил и реформировал М. Баррес, или же разрыв был настолько глубоким, что можно вслед за П. Кондилисом говорить о “смерти консерватизма” после 1830 г.?

В творчестве М. Барреса можно условно выделить три этапа. Основы своей концепции французский консерватор излагает в тетрадях-заметках 1896-1899 гг., которые хронологически ограничивают первый этап его творчества. Надо отметить в записях этого времени – чрезвычайная резкость оценок. Прежде всего, Баррес резко критикует современное ему положение Франции. “Я показывал Францию разложившейся и со слабой головой”, - отмечает он, и далее говорит, что разложилось, прежде всего, французское государство, а правительство можно сравнить с “винным погребом”. Спустя год – в 1898 г. – он вновь возвращается к этой проблеме, показывая насколько слаба Франция по сравнению с монархической Германией Вильгельма II. В барресовских оценках деятельности французского правительства, общественных организаций нередко можно встретить определения типа “инструкция политики предательства”. Наконец, в начале 1899-го года он приводит свои критические замечания в синтетической форме: “Французское государственное устройство хуже, чем в любой другой стране. Я имею в виду французскую государственную власть. Французское государство разъединено и со слабой головой”¹⁷. Таким образом, Баррес в жесткой форме критикует политический режим Третьей республики.

Критика слабости политического устройства Третьей республики и некомпетентности ее руководства – общая черта всей ее истории. Многие консерваторы критиковали ее за неспособность с их точки зрения обеспечить национальную безопасность. Например, у Г. Лебона можно найти замечания, очень напоминающие мысли Барреса: “Франции еще далеко до полного упадка, но она значительно расшатана уже в настоящее время”¹⁸. Однако положительная программа Барреса идет гораздо дальше традиционализма Лебона. Если идеалом последнего было либеральное индивидуалистическое английское общество, опирающееся на национальные традиции, то в барресовских тетрадях 1899 г. можно найти наброски следующей программы:

- 1) всеобщее социальное примирение (“гражданский мир”, “conciliation”);
- 2) усиление исполнительной ветви власти и отказ от парламентаризма;
- 3) антиклерикальное и милитаризованное правительство, опирающееся на национальную форму католицизма¹⁹.

Данные положения – финал долгих размышлений французского правого политика в 90 гг. XIX в. Еще 22 сентября 1889 г. он выдвинул свою кандидатуру в округе Нанси на платформе поддержки идей генерала Бу-

ланже, выступавшего за установление в стране диктаторской военной власти с опорой на национализм. Три года спустя в статье, опубликованной в газете “Фигаро” 4 июля 1892 г., Баррес впервые дал трактовку понятию “национализм” как связанной системе идей и чувств, сосредоточенных на защите национальной идеи²⁰. Таким образом, систему, изложенную в тетрадях 90-х гг. прошлого столетия *нельзя считать до конца консервативной*. Она открыто разрывает с заветом де Местра, что необходимо во всем, даже в мелочах, противодействовать духу новшеств и перемен²¹, и содержит некоторые элементы массовых националистических движений XX в.: установление националистической диктатуры, борьба с парламентаризмом и т. п. С идеологической точки зрения Баррес конца XIX в. может быть назван предшественником праворадикальной организации “Аксьон франсэз” (“Action française”), чьи принципы представляли собой синтез классического консерватизма и массового национализма XX в.

Итак, можно констатировать, что концепция “раннего” Барреса – это не просто своеобразный финал построений французских консерваторов типа де Местра, Тэна, Гарда и Лебона. Напротив, она решительно разрывает с консерватизмом XIX в. (иначе французский политический деятель настаивал бы только на реформировании Третьей республики и не поддерживал бы идею военного переворота).

Таким образом, радикальный национализм конца XIX в. был своеобразным “сплавом” идей традиционного консерватизма с около либеральной верой во всемогущество единого “народа”. Среди французских правых эта идея не получила широкого распространения. Еще в 20 гг. XIX в. роялист Бональд рассматривал Францию как расколотое государство на аристократов-германцев и романский народ, а Баррес позднее воспроизведет его схему в виде противостояния в масштабах Европы Романского мира “свободы” с Германским миром “деспотического социализма”. Однако в Центральной и Восточной Европе, в странах, идущих по пути ускоренной модернизации, она заняла видное место в общественной жизни.

В соответствии с пониманием национализма как некоего своеобразного “поля” с бессознательной общей идеей, немецкий “революционный консерватор” О. Шпенглер писал в 1922 г., что “нация, поскольку она живет и борется, обладает государством не только как состоянием движения, но прежде всего *как идеей*”, и что “народ находится “в форме” как государство”²². Именно поэтому Шпенглер считал “высшими” лишь те народы, которые стремятся к созданию Империи, ибо они в полном объеме стремятся реализовать свою идею²³. Еще более интересен тот факт, что подобные мысли высказывает один из героев романа Ф.М. Достоев-

ского “Бесы” (1871 г.): “Народ – это тело Божие”, и “всякий народ до тех пор народ, пока имеет своего бога особого, а всех остальных на свете богов исключает безо всякого примирения”²⁴. В творчестве Барреса близость подобным идеям наглядно проявляется, в частности, в том, что в разгар “дела Дрейфуса” в 1899 г. он безоговорочно поддержал крайнего антидрейфусара Ж. Сури с его теорией борьбы с “еврейством” как расой в масштабах Европы, и что в этой борьбе речь идет о жизни и смерти нации²⁵. Радикальный национализм разрывает с религиозной философией классических французских консерваторов XIX в., он видит Бога не как объективную, а как субъективную реальность нации, т.е. логически неизбежно приравнивает религию к крови и примитивным генным инстинктам.

Концепция раннего этапа творчества М. Барреса подтверждает правоту мнения Х. Арендт, что правый радикализм идеологии Виши имел во Франции глубокие корни, и не был искусственно импортирован из Германии²⁶. Кроме того, барресовские тетради 1896 – 1899 гг. завершают эволюцию национализма в общественной мысли Франции XIX в.: от тождества понятий “нация” и “свобода” образца 1792 г. через своеобразную замену “народа” на иррациональную “массу” или “толпу” у Тарда и Лебона до радикальных взглядов на европейскую политику и внутриполитическое устройство. Логично было бы предположить, что именно Франция в XX в. создаст массовую националистическую партию, угрожающую установить диктатуру. Однако произошло обратное: к 1939 г. она была в числе немногих европейских государств, сохранивших демократическое устройство. На этом фоне кардинальные изменения в мировоззрении Барреса с наступлением XX столетия кажутся не случайными.

Второй этап эволюции взглядов французского политика условно падает на 1901 – 1914 гг. (до начала Первой мировой войны). Это период определенной переоценки ценностей. Уже в тетрадях 1903 г. можно найти ряд высказываний, косвенно критикующих крайний национализм и милитаризм. Например, Баррес пишет: “Я вижу в японских романах, какое ужасное воспитание дают или давали ранее молодым японским дворянам”, имея в виду самурайские принципы верности императору и национального превосходства, столь популярные у крайних националистов нашего века. Более того, автор заметок не ограничивается косвенным намеком на неприятие *тоталитарного* национализма, – далее он говорит, что у родоначальника расистского направления во французском консерватизме графа Гобино есть несколько “аналогичных замечаний” и даже разделов. Таким образом, бывший буланжист пытается отмежеваться от расистского направления во французском консерватизме. “Я понимал все в национализме. Он не давал мне счастья творчества”, – пишет Баррес в

том же 1903 г.²⁷, и далее подвергает сомнению сами теоретические основы французского национализма. “Этническое происхождение Франции очень сложно, - отмечает он год спустя. – История Франции начинается не с Верценгетарикса, но с Капетингов”²⁸, т.е. не с восстания галлов, а с синтеза различных элементов, в том числе и германского.

Такой переход к приоритету государственных ценностей над националистическими Баррес обозначил своеобразной исторической теорией: “Франция – это аналог Германии, организованный латинскими народами. Людовик XIV, Робеспьер, Бонапарт делали одно и то же дело... Романское мировоззрение рассматривает человека как формального гражданина (*un citoyen administré*), римского гражданина и управляет миром как Англия Индией”. Таким образом, французский консерватор рубежа XIX – XX вв. постепенно возвращается к традициям де Местра на новом витке исторического развития — завершение формирования национального государства. Это возвращение предполагает возрождение принципов защиты традиционных институтов (армии, церкви, религии) перед лицом новых, “экстремистских” идеологий как правого, так и левого направления. “Мой национализм был способом заботы о национальных интересах государства”²⁹, — писал он в 1902 г., подчеркивая, что, как и во времена Наполеона III, его национализм вторичен, – он является только средством для удовлетворения конкретных государственных интересов. Эти заметки являются ключом к пониманию эволюции барресовского творчества: *в условиях нового века автор “Mes cahiers” остался человеком XIX столетия.*

Уже на втором этапе своей политической деятельности, Баррес ставит вопросы о самостоятельности провинций и децентрализации управления страной, не свойственные французской консервативной традиции. В 1903 г. он отмечает, что придерживается принципа провинциализма, т.е. желает изменить положение, когда “провинция чахнет в империализме”. Год спустя он более радикально переосмысливает роль провинций в государственном устройстве Франции: “Что создает для нас, лотарингцев, наш французский патриотизм? Защита прав человека? Положения Гражданского кодекса? Военная слава? Все это спорно. Для нас истинное французо-лотарингское единство – это дело защиты наших границ для Франции”³⁰. Таким образом, французский консерватор говорит уже не просто о Франции, а о “французо-лотарингском” единстве – некоей системе равноправия центра и регионов. Такой подход противоречит государственным идеалам французского консерватизма, но очень близок размышлениям “неоконсерватора” 30-х гг. нашего столетия Ф. Хайека – одного из “отцов-основателей” современной консервативной школы в Англии и США. Последний посвятил немало страниц своей классиче-

ской работы “Дорога к рабству” (1940 г.) проблеме децентрализации системы управления страной, поскольку “главный довод в пользу свободы заключается в том, что мы должны всегда оставлять шанс для таких направлений развития, которые просто невозможно заранее предугадать”³¹. Таким образом, несмотря на национализм и традиционализм барресовской теории, в вопросах о принципах построения государственной системы, она придерживается английских “традиционно-либеральных” положений.

Еще ближе к англо-американской ветви консерватизма Баррес подошел на третьем этапе своего творчества (1914 – 1923 гг.). Именно в годы Первой мировой войны в противоположность немецким “революционным консерваторам” типа Геккеля и Шпенглера, настаивавшим на построении Империи, которая объединит в соответствии со средневековыми традициями большую часть Европы под скипетром германского императора, французский политик видел европейское будущее как совокупность национальных государств. В его тетради 1918 г. можно обнаружить следующую пометку: “Эта война. Она порождает две идеи: а) верность национальной идее; б) массы, которые терпели лишения и славно сражались, которые несли на себе все национальные усилия, должны быть возвышены”³². Эта позиция близка английским дипломатам-консерваторам времен Венского конгресса и Крымской войны (и даже в современном Европейском Союзе!) рассматривающих идеальное устройство Европы как “системы равновесия” национальных государств. Еще больше сходства между Барресом и “неоконсерваторами” можно обнаружить в вопросе о неприемлемости для западной цивилизации принципов “пангерманизма”, дополненных своеобразной программой прусского социализма, для борьбы с которыми следует обратиться к религиозным принципам свободы Личности³³. Из этого можно сделать вывод, что в условиях XX-го века традиционализм оказался гораздо ближе либеральным идеям, чем тоталитарным формам национализма.

Однако не следует считать поздние барресовские тетради французским вариантом идей Хайека, Поппера или Черчилля. Ряд положений – таких как традиционный национализм с определенными радикальными элементами, вера в необходимость сильной государства с мощным идеологическим аппаратом – оставляют автора “Mes cahiers” в пантеоне националистически ориентированных консерваторов. Скорее, в его творчестве можно обнаружить своеобразный синтез всех трех направлений европейского консерватизма – “радикально-националистического”, “традиционалистского” и “либерально-реформистского”. Их сочетание, тем не менее, не является хаотичной эклектикой. На творчество французского консерватора оказали влияния три решающих изменения общественной

жизни последней трети XIX в.: формирование массового общества, что создало условия для становления диктаторского государства нового типа, слабость французской политической системы и рост политических претензий масс. Все это побуждало консерваторов искать спасения в подобном типе государства перед лицом внешнеполитического противостояния и внутренней угрозы традиционным институтам. Таким образом, не верно делать вывод об исчезновении консерватизма после 1830 г. – эта идеология, как показывают политические записки М. Барреса, трансформировалась с учетом изменений, и выработала новые принципы, адекватные своему времени.

Сравнительный анализ творчества Барреса с другими консервативными системами позволяет выделить некоторые архетипы, общие для творчества всех его представителей. Ими можно считать приверженность традиционным государственным и общественным институтам, своеобразное понимание “народа” как единой и неделимой общности, что позволяет при определенных условиях трансформироваться в национализм, и идея, что идеал исторического развития существовал в прошлом (в Средневековье или в XIX столетии). Очевидно, в общей эволюции европейской консервативной мысли Франции выпала особая роль – ей приходилось совмещать революционные националистические традиции с традиционалистским отрицанием любых абстрактных интернациональных схем. Вместе с тем, этот своеобразный синтез, осуществленный на рубеже веков М. Барресом, открыл перед консерватизмом возможность развития в новых исторических условиях. С этого времени консерватизм выступал не в качестве оппозиции национальному развитию – он превратился в одно из идеологических обоснований всех национальных конфликтов от столкновения европейских государств в Первой мировой войне до столкновений на основе религиозного фундаментализма на рубеже XX и XXI столетий.

---

¹См., например: “Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития” (круглый стол) // Полис, 1995, № 4. С. 33-59; Гарбузов В.Н. Консерватизм: понятие и типология (историографический обзор) // Полис. 1995. № 4. С. 60-68; Коргунюк Ю.Г., Заславский С.Е. Российская многопартийность: становление, функционирование, развитие. М., 1996.

²Le petit Larousse illustré. Paris, 1996. P. 261.

³БСЭ. М., 1973. Т. 13. С.38.

⁴Эту теорию выдвинул в 1989 г. П. Кондилис в работе “Консерватизм: прошлое и настоящее”. Интересно отметить, что концепция о слиянии консерватизма и либерализма была предложена именно в 1989 г., когда в

Польше, Чехословакии, Венгрии, СССР, Румынии и ГДР начали осуществляться преобразования по модели современного “неоконсерватизма”, основанного Ф. фон Хайеком и М. Фридманом.

⁵Поппер К.Р. Открытое общество и его враги М., 1992. . Т. II. С. 64-70.

⁶Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 234-237.

⁷Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 578-579.

⁸Гарбузов В.Н. Консерватизм: понятие и типология (историографический обзор) // Полис. 1995. № 4. С. 62-63.

⁹Дугин А. Консервативная революция. М., 1994. С.140.

¹⁰Арендт Х. Указ. соч. С. 151.

¹¹Лакер У. Черная сотня: происхождение русского фашизма. М., 1994. С. 46.

¹²Федорова М.М. Традиционализм как антимодернизм // Полис, 1996, № 2. С. 158-159.

¹³Эйдельман Н.Я. Грань веков. М., 1986. С. 69.

¹⁴Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, посвященных этому событию. М., 1993. С. 52-53.

¹⁵Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 96-97, 361.

¹⁶Местр Ж. де. Санкт-Петербургские вечера. СПб., 1998. С.454, 540-541.

¹⁷Варгès М. Mes cahiers: 1896 – 1923. Paris, 1994. P. 91, 102, 119.

¹⁸Лебон Г. Психология социализма. СПб., 1995. С. 248.

¹⁹Варгès М. Op. cit. P. 119-120.

²⁰Цит. по: Федорова М. М. Указ соч. С. 158.

²¹Местр Ж. де. Указ. соч., с. 607.

²²Шпенглер О. Закат Европы. М., 1998. Т. II. С. 378-379.

²³Шпенглер О. Пруссачество и социализм // Современный Запад. 1922. № 1. С. 81.

²⁴Достоевский Ф.М. Бесы. М., 1993. С. 236.

²⁵Варгès М. Op. cit. P. 124-125.

²⁶Арендт Х. Указ. соч. С. 150.

²⁷Варгès М. Op. Cit. P. 169; 181.

²⁸Ibid. P. 209.

²⁹Ibid. P. 182; 211.

³⁰Ibid. P. 213.

³¹Хайек Ф.А. фон. Дорога к рабству. М., 1992. С. 45.

³²Варгès М. Op. cit. P. 807.

³³Ibid. P. 668, 925.

Е.А. Щепкин

РОЛЬ ФРГ В ЕВРОПЕЙСКОМ СООБЩЕСТВЕ В 1970-е гг.

В конце Второй Мировой Войны закладываются две основополагающие линии будущей западногерманской внешней политики. Первая заключалась в обеспечении такого порядка в Европе, который предотвратил бы появление нового агрессора на континенте. При этом Германия имела в виду в первую очередь. Вторую линию обуславливало существование двух супердержав, которые со своими сателлитами делали мир биполярным. В этих условиях разделение Германии выполняло две основные функции: решало проблемы безопасности для соседей Германии, которые в силу этого не могли поддерживать планы объединения Германии, и одновременно служило гарантией западных рубежей капиталистической системы посредством интеграции ФРГ в Европейское Сообщество.

Стратегия Аденауэра, сделавшего интеграцию ФРГ в западный мир одной из главных задач своей политики, заключалась в следующем: Западная Германия не являлась до 1955 года суверенным государством. С помощью интеграции в ЕЭС и в НАТО Аденауэр рассчитывал достичь равноправия ФРГ в рамках этих структур по отношению к другим западным странам и компенсировать, таким образом, ограничения суверенитета своей страны¹. Интеграция в ЕЭС принесла ФРГ не только политические дивиденды, но и конкретные материальные выгоды. Уже в 50-е годы достаточно явно обозначилась тенденция доминирования Германии в Западной Европе в силу своего промышленного потенциала. В рамках различных форм экономических коопераций ЕВРАТОМ, ЕОУС, ЕЭС экономические возможности ФРГ получили еще более широкое развертывание. Впрочем, политика консерваторов была достаточно противоречива: с одной стороны, это было обусловлено внутренним содержанием самой европейской интеграции, особенно в политической сфере, с другой, главным противоречием между конкретной практикой и политическими идеалами.

К концу 60-х годов во внешней политике ФРГ по-прежнему господствовала доктрина Хальштейна, направленная на непризнание статус-кво в Европе, что ограничивало сферу влияния ФРГ рамками Западной Европы. Политика социал – либеральной коалиции должна была сгладить сложившееся несоответствие реальности и потерявших актуальность доктрин. Конкретно воплощением этого замысла должна была стать политика разрядки, проводимая с учетом обязательств, которые на ФРГ накладывало ее членство в ЕС².

Так выглядят исходные координаты деятельности немецкого правительства. В качестве резюме можно добавить, что к концу 60-х годов

ФРГ обрела свою идентичность в Западном мире. Одновременно с этим изменилось и отношение западногерманской внешней политики к европейской интеграции. Попытки создать некое подобие федерации в Европе натолкнулись на ряд национальных противоречий. Под влиянием неудачи общеевропейских инициатив во внешней политике ФРГ началась перестановка акцентов: если для Германии времен Аденауэра интеграция в западный мир являлось мерилем успеха в европейской политике, то для последующих правительств характерен более дифференцированный подход. Его основой явилось осознание, что ФРГ, опираясь на свою экономическую мощь, может обойтись без политической интеграции. Хотя, европейская федерация в качестве важнейшего ориентира для внешней политики ФРГ сохраняла свою силу, конкретная деятельность в рамках ЕС, направленная на создание модели Федеративной Республики “по принципу автономной рациональности” превалировало³.

В европейской политике социал-либеральной коалиции можно выделить временные фазы. Первая длилась до 1974 года. В это время интеграционные инициативы ФРГ были отчетливы. После прихода к власти Гельмута Шмидта правительство сосредоточилось на реализации ряда экономических программ, призванных утвердить гегемонию ФРГ в Западной Европе⁴.

Первые годы нахождения у власти социал-либерального правительства были отмечены подъемом в области интеграционных инициатив. В сфере политической интеграции Европа с 1963 по 1969 год не достигла никаких ощутимых результатов, во многом из-за позиции французского правительства во главе с генералом де Голлем. Французский президент не соглашался передать прерогативы национальных государств общеевропейским институтам, в это время он дважды препятствовал расширению ЕС. Преемник де Голля Помпиду высказался за расширение сообщества. Западногерманское правительство, действуя в рамках своей глобальной политической концепции повышения роли ФРГ в западном мире, также откликнулась на эту инициативу. Неоднократно подчеркивалось, что основой “восточной политики” являются интеграционные инициативы в Западной Европе⁵. Целью подобных заявлений было желание убедить своих западных соседей, что ФРГ принадлежит прежде всего к западному миру и не претендует на роль посредника между двумя блоками государств.

Интеграционным импульсам в Европе способствовал и циклический кризис 1967 - 68 гг., который четко выявил доминантное положение ФРГ по отношению к Франции. Вследствие этого Франция нуждалась в созда-

нии противовеса германскому могуществу. Этой цели должно было послужить принятие в ЕС новых членов. Для ФРГ расширение ЕС также являлось средством укрепления своих позиций на континенте. В противном случае Европейское Сообщество, отягченное внутренними противоречиями, могло распасться. Результатом взаимного желания двух ведущих стран Западной Европы укрепить и расширить сообщество стала состоявшаяся 1-2 декабря 1969 года Гагская конференция. Основными решениями стали: осуществление таможенного союза, расширение ЕС путем приема новых членов, углубление сотрудничества в экономической и политических сферах.

Первый пункт решений Гагской конференции предусматривал финансирование аграрного сектора. Наибольшие выгоды из этого извлекала Франция, ФРГ же выступала как главный плательщик, который в качестве такового настоял на общем снижении производства аграрной продукции.

Следующая часть резолюций Гагской конференции предусматривала довольно длительную процедуру реализации. В 1970 году Европейский Совет дал согласие на вступление в ЕС Великобритании, Ирландии, Дании и Норвегии. В течении 5 – 7 лет эти страны должны были адаптировать свою экономику к механизмам ЕС. В 1978 году Великобритания, Ирландия и Дания стали полноправными членами сообщества. В Норвегии проведенный в 1972 году плебисцит высказался против вхождения в ЕС.

Третий пункт решений Гагской конференции оказался наиболее трудновыполним. Правительства стран - членов ЕС создали комиссии, которые должны были подготовить доклады о перспективах политического сотрудничества. Так было положено начало европейскому политическому сотрудничеству. Главным содержанием деятельности этого механизма стали взаимные консультации по важнейшим вопросам мировой политики. Страны ЕС не рискнули провозгласить создание наднационального института. Союз государств ЕС по принципу федерации оставался идеалом в политической риторике.

В реальности же члены сообщества ограничивались более осторожными шагами. Нельзя сказать, что позиции стран – участниц были в этом вопросе лицемерными. Сознвая всю трудность осуществления политического союза, члены ЕС предполагали создание в качестве первой ступени экономического и валютного союза (ЭВС). Вокруг плана ЭВС сразу же начались ожесточенные споры, сущность которых заключалась в принципиально разных ориентациях двух ведущих стран сообщества. Если ФРГ придерживалась курса, направленного на поддержание стабильной национальной валюты, снижение инфляции, не соглашаясь при

этом ни на какие ограничения экспорта товаров, служившего основой ее национального богатства, то Франция, в силу своих внутренних проблем, настаивала на валютном союзе⁶.

Противостояние длилось недолго. В 1971 году разразился валютный кризис известный под названием “Шок Никсона”, наложивший определенные ограничения на глобально ориентированную экономическую стратегию ФРГ. Поддержание западногерманской модели развития с ежегодным экономическим приростом, ориентированной на экспорт, потребовало стабилизации ситуации в ЕС. ФРГ была вынуждена проводить “ограничительный” курс, который сказался на сокращении объемов финансирования интеграционных инициатив.

На Парижской конференции, состоявшейся в октябре 1972 года, указанные моменты обнаружились с особой силой. Присутствующие декларировали свое намерение превратить ЕС через 10 лет в союз⁷. В 1974 году бельгийскому министру Тиндемансу было поручено составить доклад о перспективах Европейского Союза. Его план был предъявлен к рассмотрению в декабре 1975 года.

Согласно данному проекту участники ЕС брали обязательства проводить консультации по правовым и политическим вопросам, из которых должны были вытекать совместные действия стран – членов. В экономической сфере предлагалось осуществить ЭВС путем укрепления и сближения национальных валют, ограничения взаимных валютных и торговых интервенций на рынках друг друга. Базу для проводимых мероприятий должна была создать согласованная политика в энергетическом и аграрном вопросах. Планировалось создать региональный фонд, который должен был финансировать меры по повышению жизненного стандарта экономически слабых государств.

Доклад Тиндеманса преувеличивал готовность европейских государств к “тесной” интеграции⁸. Осуществление мероприятий в сфере экономики натолкнулось на практически неразрешимые противоречия. ФРГ в начале 70-х годов являло собой по отношению к другим странам сообщества пример экономической и валютной мощи⁹. Ставить на карту свое стабильное положение ради других государств Западная Германия не желала. Отсюда родилось компромиссное решение установить вместо валютного союза, в котором национальные денежные единицы зависели бы друг от друга, так называемый “валютный коридор”. Суть плана состояла в установлении в государствах ЕС твердых курсов валют, диапазон различий стоимости которых внутри сообщества не превышал нескольких процентов. Принятое половинчатое, хотя для своего времени

вполне оправданное решение согласовывалось с экономической стратегией ФРГ, основным содержанием которой был прагматичный и дифференцированный подход к конкретным проблемам при воздержании от масштабных инициатив.

В 1973 – 74 годах разразился нефтяной кризис, повлекший замедление темпов развития практически всех развитых стран капиталистического мира¹⁰. ФРГ в силу структуры своей экономики вышла из кризиса окрепшей. Успешному преодолению экономических трудностей Западной Германией способствовала разумная социальная политика. Социал-либеральная коалиция пользовалась широкой поддержкой профсоюзов, что позволило ей сдерживать натиск последних по поводу увеличения заработной платы. Правительство ФРГ фактически воспользовалось методами будущих неоконсерваторов, привязав рост заработной платы к общему экономическому росту. В рамках данной стратегии достаточно успешно решалась и проблема безработицы, поскольку экономический подъем создавал новые рабочие места.

Такая модель развития была неразрывно связана с “политикой Аустерити”, главными компонентами которой были монетарная стабильность и бездефицитный бюджет. К середине 70-х годов эта сбалансированная политика натолкнулась, однако, на ряд препятствий внешнего характера. Наступательная экспортная политика противоречила всякой форме протекционизма и требовала стабильного курса валют. “Валютный коридор” служил гарантированию, именно, этой цели. Однако, ближайшие соседи ФРГ Франция, Великобритания, Италия вследствие сильной внешней конкуренции, а также в силу внутривалютных проблем: растущей инфляции, дефицита бюджета, сильных профсоюзов, неохотно идущих на компромисс, оказались неспособными следовать аналогичной с Западной Германией линии. Более того, в условиях свободы торговли на континенте “ограничительный”, дефляционный курс ФРГ действовал на национальные хозяйства других государств ЕС подавляюще.

Описанная ситуация привела в середине 70-х годов к острой дискуссии среди членов ЕС по поводу роли ФРГ в сообществе. Некоторые члены ЕС активно высказывались за передачу Западной Германии роли “тягловой лошади” процесса европейской интеграции. Для этого имелись веские основания: в означенный период на долю ФРГ приходилось 30% общеевропейского валового продукта, бюджет ЕС на 25% формировался из взносов Западной Германии, при этом 40% валютных резервов также принадлежало ей. Из перечисленного вытекает, что де-факто Западная Германия взяла на себя роль “локомотива интеграции”. Попытки же придать ФРГ этот статус официально, с вытекающими отсюда по-

следствиями в виде увеличения расходов, постоянно отклонялись правительством ФРГ.

Впрочем, долго такая ситуация длиться не могла, и вскоре Западная Германия была вынуждена изменить свою политику в отношении стран ЕС. В 1974 году Италия и Дания наложили ограничения на немецкий импорт. Под вопросом оказался принцип общего рынка¹¹. Правительство ФРГ отреагировало достаточно оперативно: Италии были выданы кредиты, привязанные к реформам в духе “политики Аустерити”. Осуществить это “соломоново решение” оказалось сложным в связи с сильным общественным протестом в Италии против гегемонистических устремлений ФРГ.

Все вышеперечисленные обстоятельства подготовили почву для новых интеграционных инициатив, актуальность которых была очевидна. Снова всплыла идея усиления Регионального Фонда, призванного уменьшить разрыв между странами ЕС. ФРГ под давлением партнеров по ЕС вынуждена была фактически взять на себя роль главного плательщика. В итоге в период с 1971 по 1980 годы бюджет Европейского Сообщества возрос с 4 млрд. марок до 16 млрд. марок. Львиная доля расходов приходилась при этом на финансирование аграрного сектора. Для ФРГ мероприятия по усилению Регионального Фонда были сопряжены с огромными расходами. Следует подчеркнуть, что в конечном счете западногерманская экономика оказалась в выигрыше. ФРГ заставила другие страны ЕС играть по правилам “политики Аустерити”, что открывало для нее, как главного экспортера на континенте, дополнительные возможности.

Субъективно обусловленные устремления ФРГ дали, таким образом, новое дыхание интеграции¹². Толчком этого послужили встречи французского президента Жискара Д'Эстена и канцлера ФРГ Гельмута Шмидта на заседаниях Европейского Совета в Копенгагене в апреле 1978 года и в Бремене в июле того же года. Итогом их совещания стало решение выдвинуть инициативу по созданию Европейского Валютного Союза. На заседаниях Европейского Совета в Брюсселе 4 - 5 декабря 1978 года главы правительств ЕС вынесли решение о создании Европейской Валютной Системы (ЕВС). В договор должны были войти все страны ЕС, кроме Великобритании.

По сути дела ЕВС была союзом ряда европейских валют, призванных помогать друг другу путем предоставления кредитов. Объединение носило и оборонительный характер по отношению к возможным валютным интервенциям третьих стран, прежде всего США. Задачей ЕВС было не только создание благоприятных условий для движения капиталов и това-

ров внутри сообщества, но и придание легитимного статуса проводимой внутри ЕС политике в международном масштабе. Касаясь позиции ФРГ в новой системе, следует отметить, что она получила в свои руки важнейшие рычаги регулирования финансовой жизни сообщества с помощью среднесрочного кредитования.

Следующим и завершающим мероприятием в сфере интеграции в 70-е годы явились прямые выборы в Европейский Парламент (ЕП), проведенные в июне 1979 года. Приверженцы политической интеграции надеялись, что Европарламент расширит свои компетенции и сможет влиять на решения Европейской Комиссии и Европейского Совета. Однако именно в этом пункте обнаружились противоречия социал-либеральной интеграционной политики. Проблема состояла в том, что Франция дала согласие на прямые выборы при условии неприкосновенности компетенций Европарламента. Таким образом, французское правительство выступало против передачи ЕП наднациональных прерогатив. Следует заметить, что для ФРГ подобная позиция была не нова. Указанная тактика с успехом применялась социал-либеральной коалицией, начиная с Гаагской конференции 1969 года и, как уже отмечалось, приносила свои плоды.

Подводя итоги анализа вклада ФРГ в процесс Европейской интеграции в 70-е годы, следует отметить, что в течение десятилетия Западная Германия поделала долгий путь по укреплению своего экономического могущества и политического влияния. Осуществляя свои интересы, ФРГ сумела значительно продвинуть ЕС. Парадокс эпохи заключается в том, что, несмотря на явные успехи интеграции, Европейское Сообщество, как и в начале деятельности социал-либеральной коалиции, к 1980 году вновь оказалось в ситуации кризиса.

---

¹ Gilbert Z. *Europaidee und Supranationalität in der Außenpolitik der BRD*. Bonn, 1971. S. 156.

² Scheffer T. *Außenpolitik und Hegemonie in der BRD // Sozialliberalismus oder rechter Populismus?* Berlin, 1980. S. 36.

³ Ibid. S. 37.

⁴ Everling U. *Die BRD in der EG // Roland Biber*. Baden-Baden, 1981. S. 41.

⁵ Borowsky P. *Deutschland 1969 – 1982*. Bonn, 1982. S. 196.

⁶ Statz A. *Die Rolle der BRD in Westeuropa // Die BRD in den siebziger Jahren*. Opladen, 1984. S. 268.

⁷ Op. cit. S. 200.

⁸ Ibid. S. 201.

⁹ Hanrieder W. *Deutschland, Europa, Amerika*. München, 1995. S. 324.

¹⁰ Roschach H. M. *Die Deutsche Europapolitik*. Baden-Baden, 1980. S. 393.

¹¹ Op. cit. S. 271-273.

¹² Altwater E. Politische Implikationen der Krisenbereinigung // Probleme des Klassenkampfes. München, 1979. S. 43.

К 60-ЛЕТИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ВГУ. ИСТОРИЯ АСПИРАНТСКОЙ И СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУКИ

А.А. Припадчев

СТУДЕНЧЕСКАЯ И АСПИРАНТСКАЯ НАУКА НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ВОРОНЕЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Организация исторического факультета в ВГУ и развитие его структуры

В 1940 г., реализуя постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) от 16 мая 1934 г. о восстановлении исторических факультетов, Наркомпрос РСФСР решил открыть в Воронежском университете исторический факультет. Он был создан на основании приказа Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР № 310 от 21 апреля 1940 г.¹. В начале 1941 г. исторический факультет реорганизуется в историко-филологический с соответствующими двумя отделениями².

В послевоенные годы на факультете оформляются основные научные направления. В области исторических наук стали изучаться следующие проблемы: история Воронежской и смежных с ней областей, историография истории СССР и всеобщей истории, социально-экономическая и культурная история славянских народов, история международного рабочего движения³.

Количественный и качественный рост исторического отделения в 1950-е годы создал условия для восстановления самостоятельного факультета. На основании приказа ректора № 75(у) от 11 февраля 1960 г. историко-филологический факультет превращается в два самостоятельных: исторический и филологический⁴.

На историческом факультете образуются кафедры истории древнего мира и средних веков, истории советского общества, истории СССР до советского периода, новой и новейшей истории.

В 1969/70 учебном году на факультете выделяются кафедры истории древнего мира, истории средних веков и зарубежных славянских народов⁵.

На основании приказа Минвуза РСФСР № 236 от 22.05.74 г. переименованы кафедры истории древнего мира и средних веков в кафедру исто-

рии древнего мира, истории западных и южных славян в кафедре истории средних веков и славяноведения⁶.

В соответствии с приказом Минвуза № 306 от 4.07.77 г. кафедра истории древнего мира преобразована в кафедру истории древнего мира и археологии⁷.

В 1981 г. на факультете создается археологический музей на основании приказа Минвуза РСФСР от 20.07.81 г.⁸.

К концу 80-х гг. возникает потребность в создании лаборатории естественнонаучных методов вместо кабинета археологии. Лаборатория получает официальный статус в 1989 г.⁹.

Диссертационный совет Д.063.48.10 по специальности 07.00.02 – "Отечественная история" утвержден приказом ВАК РФ –110-В 27 апреля 1995 г. В составе совета 17 человек, из них 14 докторов наук по профилю научных исследований в области российской истории. В нем могут защищаться как кандидатские, так и докторские диссертации. Председателем совета является доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России М.Д.Карпачев¹⁰.

Учебно-научная лаборатория "Этнография Центрально-Черноземных областей России" при Воронежском государственном университете образована в сентябре 1995 г. при содействии Комитета по культуре департамента социальной политики администрации Воронежской области¹¹.

Диссертационный совет К063.48.16 по историческим наукам, специальность 07.00.06 – археология утвержден приказом ВАК Российской Федерации № 71-в 27 января 1997 г. Совет принимает к рассмотрению кандидатские диссертации. В составе совета 12 человек, из них 6 докторов наук по профилю совета. Совет возглавляет доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии и истории древнего мира Воронежского университета А.Д.Пряхин¹².

В логику развития исследований в области историографии археологии вписывается и факт организации в 1999 г. в Воронежском университете совместно с Институтом археологии и этнографии Сибирского отделения РАН научной лаборатории по историографии археологии Евразии¹³.

В настоящее время на историческом факультете действует 5 кафедр: археологии и истории древнего мира, истории средних веков и зарубежных славянских народов, истории России, отечественной истории новейшего времени и историографии, истории нового и новейшего времени.

С 1995 г. на историческом факультете существует специализация "Международные отношения". В 1999 г. исторический факультет объявляет набор на новую специальность "Политология".

Археология. Научно-студенческий кружок (НСК)

По инициативе студентов в 1948 г. создается НСК археологии, которым руководила А.Н. Москаленко в течение двадцати лет.

Именно археологический НСК стал на факультете той основой, на которой разворачивались полевые археологические исследования. В него входило несколько человек: В.А. Афонюшкин, Л.Н. Банникова, Р.Г. Демидов, М.С. Сыманович (Владимирская), Т.С. Сойхер (Сегал), И.И. Романова и др. Старостой кружка была Зоя Розендорн¹⁴.

В период летних каникул студенты-кружковцы принимали участие в экспедициях, ежегодно проводившихся на территории нашей области. Большая группа работала в университетской экспедиции, занимавшейся изучением славянских памятников. Многие студенты включались в экспедицию ИА АН СССР, изучавшую позднепалеолитические памятники в с. Костенки, участвовали в исследованиях памятников раннего железного века. Отдельные студенты входили в состав и более отдаленных экспедиций – на Волгу, в Крым. Кружковцы ежегодно совершали экскурсии на археологические памятники в окрестностях Воронежа, проводили разведки¹⁵.

В период учебного года члены НСК проводили обработку собранного за лето материала и готовили доклады. На кружке заслушивались сообщения о позднепалеолитических стоянках и погребениях в с. Костенки, о курганах эпохи бронзы, о курганах и городищах скифского времени, о славянских памятниках Подонья, о работе палеолитической экспедиции под Сталинградом и т.д.

Кроме того, студенты выступали с информацией о результатах раскопок наиболее интересных памятников на территории страны (древнего Новгорода, Неаполя Скифского, Пазырыкских курганов).

Значительное оживление в работе кружка вносила его связь с археологическими кружками других высших учебных заведений страны. НСК вел переписку с Харьковским университетом и Новгородским педагогическим институтом, поддерживал связь с Саратовским, Ленинградским и Московским университетами. Члены НСК ежегодно участвовали во все-союзных студенческих археологических конференциях, организуемых по инициативе Московского университета¹⁶.

Конференции

Следующим после НСК звеном многоступенчатой подготовки научных кадров на кафедре археологии являются ежегодные научные студенческие конференции. В их программы включаются доклады студентов, достигших наибольших успехов в науке в последнее время. К числу таких относятся: Р. Гулюк, студент 5 курса "С.С. Березанская и изучение металлургии и металлообработки Донетчины", научный руководитель – профессор А.Д. Пряхин; В. Иванов, студент 3 курса "Проблема гибели

Великой Скифии в современной российской и украинской археологической науке", научный руководитель – профессор А.П. Медведев; Ю. Дубровский, студент 3 курса "Городища как тип археологических памятников в оценке Д.Я. Самоквасова", научный руководитель – доцент М.В. Цыбин¹⁷ и др.

Дипломные работы

Хорошее усвоение литературы и фактуры, чему в немалой степени способствуют НСК и студенческие научные конференции, получает дальнейшую аналитическую обработку в дипломных сочинениях. Из отмеченных ГЭКом работ можно назвать: Т.С. Сойхер "Славянские поселения по Дону и Воронежу", научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А.Н. Москаленко¹⁸; Л.Н. Банниковой "Древнейшая история Гремяченского района", научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А.Н. Москаленко¹⁹; В.И. Сагайдака "Покровский могильник эпохи поздней бронзы в Нижнем Поволжье", научный руководитель – кандидат исторических наук А.Д.Пряхин²⁰.

Диссертационные исследования

Для наиболее способных студентов – членов НСК их работа переросла в диссертационные исследования. Стоит назвать ученых, которые навсегда связали свою жизнь с археологией и чей путь в науку начинался в студенческие годы: А.Д. Пряхин "История населения Верхнего и Среднего Подонья во II – начале I тыс. до н.э." (1966); А.З. Винников "Славяне Верхнего и Среднего Подонья VIII-X вв. (по керамическому материалу)" (1974); А.П. Медведев "Лесостепное Подонье в сарматское время" (1983); Ю.П. Матвеев "История населения среднедонской катакомбной культуры" (1982); М.В. Цыбин "Юго-восточная окраина Руси в XII-XIV вв. (по данным археологии)" (1987); В.И. Беседин "Воронежская археологическая культура эпохи средней бронзы" (1988); Ю.Д.Разуваев "Поселения скифского времени в правобережье Верхнего Дона" (1997); Е.Ю. Захарова "Сосуды со знаками срубной культурно-исторической общности" (1998); А.С. Саврасов "Металлообработка населения донской лесостепной срубной культуры" (1998) и др.

Параллельно с кружками, конференциями, дипломными проектами и диссертациями профессионализм растущего специалиста "шлифуется" и благодаря публикациям. Для этого студенты-археологи принимали участие в сборниках работ молодых ученых "Сборник научных студенческих работ", выпуск 1 (1968), выпуск 3 (1970); "Сборник работ аспирантов ВГУ", выпуск 1 (1965), выпуск 3, часть 2 (1967); "Новик", выпуск 1 (1998), выпуск 2 (1999) и др.

История древнего мира. Научно студенческий кружок (НСК)

При активном участии А.И. Немировского в ВГУ была создана кафедра истории древнего мира. Возглавив ее, Александр Иосифович определил основное научное направление – изучение древних классовых обществ Средиземноморья. Защита им в 1965 г. докторской диссертации и оформление ныне широко известного в стране и за рубежом научного направления (изучение древнейших классовых обществ Средиземноморья) превратили кафедру в один из ведущих центров отечественного антиковедения.

Большую роль в специализации студентов по кафедре играл существовавший при ней кружок истории древнего мира. На его заседаниях собирались не только студенты-древники всех курсов, но и те, кто специализировался по другим кафедрам, а также первокурсники. С докладами и сообщениями помимо студентов выступали также аспиранты и преподаватели. Например, В.И. Козловская, вернувшись со стажировки при МГУ, делала отчет именно на заседании кружка.

Конечно, главной в работе кружка была научная сторона. Практически каждый раз с сообщением или докладом выступал кто-либо из старшекурсников: С. Хайкин, В. Власов, А. Медведев, В. Козловская и др.

В апреле-мае на кружке проходила защита курсовых работ. В большинстве случаев имел место довольно серьезный диспут²¹.

Конференции

Предметом неустанной заботы кафедры являются рекомендации докладов студентов на студенческие научные конференции. Из выступавших на них в последнее время назовем: В. Рязанов, студент 5 курса "Политические мифы эпохи Гражданских войн в Риме. Помпей и Цезарь", научный руководитель – доцент Н.П. Писаревский; В. Гончаров, студент 4 курса "Римское жречество в освещении Т. Ливия", научный руководитель – профессор А.П. Медведев и др.

Диссертационные исследования

Тщательно апробированные на НСК, конференциях и в дипломных работах материалы студентов становятся основой для диссертационных исследований наиболее успешных в научном поиске. Следует упомянуть следующие труды: А.И. Харсекин "Этрусские надписи как историографический источник" (1967); А.М. Малеванный "Иллирийцы и их борьба против экспансии рабовладельческих государств" (1969); И.Я. Лисовой "Военное дело античного Херсонеса (V в. до н.э. – IV в. н.э.)" (1970); В.И. Козловская "Проблемы истории Тартесса и Тартессиды" (1971); Т.П. Кац "Сардиния в нурагическую эпоху и ее финикийско-карфагенская колонизация" (1973); Т.А. Моисеева "Русское дореволюционное антиковедение и эпиграфические памятники" (1974); Г.Я. Веллас "Янис Кордатос

– историк древнейшей Греции" (1975); С. Бисмелла "Государственный переворот в Иране 522-521 гг. до н.э. в оценке советской и иранской историографии" (1977) и др.

Публикации

Одновременно с названными этапами становления молодого исследователя кафедры не упускает из поля зрения и ознакомление научной общественности с наиболее ценными научными результатами своих питомцев через публикации: "Сборник научных студенческих работ", выпуск 1 (1968); "Сборник научных студенческих работ", выпуск 3 (1970); "Сборник научных работ аспирантов ВГУ", выпуск 5 (1970); "Норция", выпуск 3 (1999).

Славяноведение. Научный студенческий кружок

Традиции привлечения молодых к научным исследованиям были заложены А.Е. Москаленко. Сохранился журнал заседаний научного студенческого кружка по истории южных и западных славян за 1966/67 учебный год. Обстоятельные записи зафиксировали ритмичную работу НСК, фамилии постоянных его членов, тематику докладов и подробное обсуждение каждого прослушанного выступления. Почти все сообщения студентов готовились на материале исторических источников, анализу которого Анатолий Евсеевич требовал уделять особое внимание. В дальнейшем вопрос о НСК и индивидуальной работе с учениками постоянно будет присутствовать в повестке дня кафедральных заседаний. С весны 1969 г. кафедра истории средних веков и зарубежных славянских народов начала приглашать на свои заседания группу специализирующихся студентов и членов НСК.

На одном из совместных заседаний было решено выпускать силами студентов рукописный журнал лучших студенческих работ – "Трубадур" – и организовать при кафедре преподавание славянских языков²².

Занятия по славянским языкам (главным образом, сербскохорватскому и болгарскому) стал проводить И.Г. Яну. Выходил журнал "Трубадур". В протоколах записи о журнале встречаются несколько раз – в виде напоминаний о его подготовке или рекомендаций о включении в него некоторых докладов, например, доклада студентки Н. Терентьевой "Вильгельм Телль: человек и легенда"²³.

Кафедре, и в основном А.Е. Москаленко, удалось привлечь студентов к серьезной работе. Результат сказался в 1972 г., когда группа студентов старших курсов отчитывалась на кафедре о своих поисках новых сведений по отечественным историкам-медиевистам. Н. Карлова рассказала о встречах с женой М.А. Гуковкого в Ленинграде, Г. Степовик – о сборе материала в архиве Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена по испанисту А.С. Кудрявцеву, А. Лихущина – о своей работе в Татарском

госархиве (г.Казань), В.Г. Таранова, в то время лаборант кафедры, изучала документы о жизни и творчестве Н.Н. Любовича.

Протоколы не отразили в полном объеме работу студентов в российских архивах. Например, там нет упоминания о розысках Н. Терентьевой материалов по Д.Н. Егорову, С. Просвиркиной – по И.Н. Смирнову; позже собранные ими данные стали основой их дипломных сочинений²⁴.

Дипломные работы

Научный поиск в рамках НСК способствовал подготовке качественных дипломных сочинений и выявлял перспективных исследователей. В их числе: А.Г. Волков "Советско-польские отношения во второй мировой войне 1939-1945 гг.", научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент И.Я. Разумникова²⁵; Г.И. Липатникова "Политические учения эпохи крестьянской войны и польско-шведской интервенции", научный руководитель – доктор исторических наук, профессор С.А. Покровский²⁶; Н.Т. Сапронова "Коммунистическая партия Чехословакии в борьбе за социализм", научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент И.Я. Разумникова²⁷; С.П. Боброва "Общественный строй Сербии по "Законнику Стефана Душана", научный руководитель – доктор исторических наук, профессор И.Н.Бороздин²⁸. Для них дипломы стали основой будущих серьезных исследований

Диссертационные исследования

Успешно защищенные дипломные работы оказываются солидным залогом для последующих научных изысканий их наиболее одаренных авторов. В результате некоторые из них (А.Е. Москаленко, А.Г. Волков, Г.И. Липатникова, Н.Т. Сапронова, С.П. Боброва, Н.П. Мананчикова и др.) избирают славяноведение своей научной специальностью и готовят диссертации, например: Г.И. Липатникова "Пражский университет и общественная жизнь Чехии во второй половине XIV и начале XV вв. (1348-1419)" (1953); Н.Т. Сапронова "Захарий Стоянов как историк и политический деятель" (1954).

Заметным явлением в развитии славяноведения в ВГУ оказались кандидатские диссертации А.Е. Москаленко "Социально-экономический и политический строй города Сплита в XIII-XIV вв." (1954) и С.П. Бобровой "Феодальное землевладение в Сербии в XII – первой половине XIV вв." (1956)²⁹.

Ряд учеников А.Е. Москаленко защитили под его руководством кандидатские диссертации: Н.П. Мананчикова "Очерки социально-экономической истории Дубровника второй половины XIII-XIV вв." (1967); И.Г. Яну "Народно-освободительная борьба в Вардарской Македонии (1941-1944 гг.)" (1967); В.В. Захаров "Аграрные отношения в Задарском дистрикте в X-XIV вв. (Из истории социально-экономического

развития средневековой Далмации)" (1969); В.М. Поваляев "Формирование марксистского течения в сербском социал-демократическом движении до первой мировой войны" (1971); А.Н. Горяинов "Из истории русского славяноведения. К вопросу об историографическом значении русских указателей славяноведческой литературы конца XIX – начала XX вв." (1972). У них появляются и свои ученики.

В 1996 г. была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук Э. Яттары "Проблемы раннего западноевропейского средневековья в научном наследии А.И. Неусыхина". Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент Н.П. Мананчикова. В 1998 г. была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук Н.Н. Подопрigorовой "Политико-административная структура и патрициат Дубровника во второй половине XIII – первой половине XIV вв.". Научный руководитель — кандидат исторических наук, доцент Н.П. Мананчикова.

Публикации

Стремление кафедры сформировать высокий научный профессиональный уровень своих воспитанников не ограничивается апробацией результатов их исследований на кружках, в дипломных проектах, диссертационных текстах. Важную роль в этом играют публикации. В связи с этим следует упомянуть основное периодическое издание "Вопросы истории славян". С 1963 г. по 1999 г. вышло в свет 14 выпусков.

История России

На кафедре истории России обстоятельность студенческой науки тоже прослеживается по таким ее обнаружениям, как НСК, конференции, дипломные проекты. Особенно заметным выглядит ее продолжение в аспирантских научных поисках.

В первые послевоенные годы на факультете стали складываться устойчивые научные направления. По кафедре истории СССР (зав. кафедрой – доц. Е.Г. Шуляковский):

1. История Воронежской области и смежных с ней областей.
2. Вопросы историографии и развития общественно-политического движения в России и его связи с братскими славянскими народами.
3. Вопросы методики преподавания истории в средней школе³⁰.

Под руководством Е.Г. Шуляковского подготовили кандидатские диссертации: В.А. Попова "Государственные крестьяне Воронежской губернии в 40-50 гг. XIX в." (1965); В.И. Чесноков "В.И. Невский как историк революционного движения в России" (1965); А.Е. Мескин "Боевое содружество трудящихся Советского Союза с зарубежными народами в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (По материалам областей Черноземного Центра)" (1970); В.И. Шевцов "Густав Эверс и его

место в русской историографии" (1970); О.Ф. Дулевич "История Воронежского ордена Трудового Красного Знамени экскаваторного завода имени Коминтерна (1870-1932 гг.)" (1972).

Черноземный край становится основным объектом научных исследований на кафедрах отечественной истории. Профессор В.П. Загоровский возглавил изучение истории юго-восточной окраины России в XVI-XVII вв. Под его руководством были защищены следующие диссертации: В.И. Панова "История заселения русских земель Донского Левобережья (басейнов Битюга и Икорца) в XVI-XVII вв." (1981); О.В. Скобелкин "Служилые люди Воронежского края и их участие в антифеодальной борьбе во второй половине XVII в." (1986); А.Н. Акиньшин "Социально-экономическое и политическое развитие города Воронежа периода позднего феодализма" (1987); В.Н. Глазьев "История южнорусских стрельцов (конец XVI – начало XVIII в.)" (1989); А.И. Филюшкин "Состав правящих кругов Российского государства в середине XVI в. и проблемы изучения "Избранной Рады" (1995) и др.

Заметный вклад в разработку проблем истории и историографии общественного движения в России в XIX в. внес М.Д. Карпачев. Под его консультированием выполнены такие диссертации: В.И. Мамонтов "Общественно-политическое движение в русской армии и на флоте в 60-е – начале 80-х годов XIX в." (1991); А.Ю. Минаков "История общества "Народная расправа" (1993); Г.Н. Мокшин "Общественно-политические взгляды и деятельность С.Н. Кривенко (1847-1906)" (1995); А.С. Туманова "Неполитические общественные организации г. Тамбова в начале XX в." (1996); М.Д. Долбилов "Подготовка отмены крепостного права в редакционных комиссиях 1850-1860 гг. Проблема субъекта реформы" (1996); С.В. Ласкина "Крестьянство и крестьянское хозяйство Борисоглебского уезда Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX вв." (1996).

Публикации

В последнее время кафедра истории России уделяет пристальное внимание студенческой и аспирантской науке. Под редакцией кандидата исторических наук А.И. Филюшкина издано 2 выпуска сборника "Новик". Он содержит статьи по древней, всеобщей и отечественной истории, вспомогательным историческим дисциплинам. Работы написаны начинающими исследователями, делающими первые шаги в науке.

Новейшая отечественная история и историография

Фундаментальность студенческой и аспирантской науки кафедры новейшей отечественной истории и историографии прослеживается по тем же параметрам, что и в указанных выше подразделениях. При этом впе-

чатляют завершения научных изысканий в виде диссертационных текстов.

История гражданской войны и хозяйственного строительства в первые годы Советской власти получила освещение в трудах доцента Д.Д. Лаппо. Под его руководством защищена одна диссертация: А.Н. Проскурин "Образование 8-й армии и ее участие в боях против Краснова и Деникина" (1971).

Профессор Л.Б. Генкин подготовил следующих ученых: Б.Я. Табачников "Русско-польские социал-демократические и рабочие связи в период нового революционного подъема (1910-1914 гг.)" (1966); А.К. Фуфлыгина "Рабочие рудников Курской магнитной аномалии в борьбе за выполнение семилетнего плана" (1966); Г.М. Дмитриев "Движение революционного народничества в Центрально-Черноземных губерниях России в первой половине 70-х годов XIX в." (1971); А.А. Бухарин "В.П. Боткин (Из истории формирования буржуазного либерализма в России в предреформенную эпоху)", второй научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент М.М. Шевченко (1972); М.Д. Карпачев "Русское революционное народничество в освещении английской и американской буржуазной исторической литературы" (1973).

Продуктивно работал над вопросами культурного строительства в нашей стране и историографии Великой Отечественной войны профессор И.М. Климов. Под его руководством были защищены такие диссертации: В.Н. Пластинин "Революционная военная и партийно-государственная деятельность М.С. Кедрова" (1967); Ю.М. Гетманов "Деятельность партийных организаций Центрального Черноземья по формированию кадров советской интеллигенции (1917-1932 гг.)" (1968); Л.М. Матвиенко "Борьба рабочего класса за химизацию народного хозяйства. 1917-1965 годы. (По материалам промышленного Центрально-Черноземного экономического района)" (1968); В.М. Пирогов "Советская историография разгрома белогвардейской армии Врангеля (1920-1930 гг.)" (1968); А.Я. Переверзев "Организаторская деятельность РКП(б) в социалистической революции в деревне Черноземного центра России (октябрь 1917 – 1918 гг.)" (1971); З.Я. Анчиполовский "Воронежский государственный драматический театр им. А.В. Кольцова. 1917-1967 гг. (К истории советской периферийной сцены)" (1972); В.Э. Моциэнок "Культурно-просветительская работа в период второй пятилетки (По материалам Черноземного центра страны)" (1972); Й. Прейслерова "Советско-Чехословацкие отношения в 30-х годах" (1982); А.Г. Сарычев "Культурное сотрудничество Советского Союза и Германской Демократической Республики (1955-1974 гг.)" (1982); В.А. Перцев "Повышение культурно-технического уровня рабочих тяжелой промышленности Центрального

Черноземья. 1965-1975 гг. (На материалах Белгородской, Воронежской и Липецкой областей)" (1988).

Доцент В.И. Чесноков после доцента Е.Г. Шуляковского возглавил перспективное направление по изучению истории исторической науки в нашей стране. Под его руководством были защищены следующие диссертационные работы: В.А. Алленова "Историко-краеведческая деятельность Тамбовской губернской ученой комиссии (1884-1922 гг.)" (1997); А.А. Сафонов "Крестьянская община Тамбовской губернии в 1917-1928 гг. (социальные аспекты проблемы)" (1997).

Новая и новейшая история

Вопросы истории германского демократического движения, а также историографии стран Западной Европы и США разрабатывались на кафедре истории нового и новейшего времени. В исследованиях профессора П.М. Гапонова, профессора В.В. Гусева, профессора В.А. Артемова, доцента В.Ф. Смирнова, доцента А.Г. Сенчакова и других получили освещение актуальные проблемы этого направления.

Под руководством П.М. Гапонова подготовлены такие диссертации: В.А. Артемов "Бременские левые радикалы в годы первой мировой войны (1914-1918 гг.)" (1969); Н.Д. Мартынов "Ф. Лассаль и лассальянство в Западногерманской историографии" (1970); А.Г. Сенчаков "Немецкое движение сопротивления в освещении историков-марксистов ГДР" (1971); В.Ю. Мухаммед "Помощь СССР Афганистану в осуществлении пятилетних планов экономического развития (1956-1972 гг.)" (1974).

Под руководством профессора В.А. Артемова защищены следующие диссертации: С.В.Кретинин "Разработка Карлом Каутским теории революции в 1918-1933/34 гг. (на примере Русских революций 1917 г. и Германской революции 1918 г.)" (1995); О.А. Поздняков "Идеи нового социал-реформизма в теоретической и политической деятельности Оскара Лафонтена в 60-90-е гг. XX в." (1997).

В юбилейной статье не представляется возможным привести все сведения о заседаниях НСК, конференциях, дипломных работах, диссертационных исследованиях, имевших место на факультете за 60 лет его существования. Сообщенные факты составляют лишь тысячную часть той информации о студенческой и аспирантской наук факультета, которую хранят архивы и память ныне работающих на нем специалистов. Но приведенного достаточно, чтобы понять два основных устремления ученых-историков одного из крупнейших вузов России: готовить широко эрудированных молодых ученых, глубоко усвоивших разные научные методы анализа материала.

¹ Воронежский государственный университет к сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции. – Воронеж, 1957.- С.130.

- ² Гапонов П.М. Воронежский государственный университет. Справочник.- Воронеж, 1967.- С.8.
- ³ Гапонов П.М. Воронежский государственный университет. Краткий исторический очерк.- Воронеж, 1968.- С.49.
- ⁴ ГАВО, ф.Р-33, оп.4, д.30, л.32.
- ⁵ Устав ВГУ.- Воронеж, 1971.- С.16.
- ⁶ Там же.- С.41.
- ⁷ Там же.- С.43
- ⁸ Там же.
- ⁹ Саврасов А.С. Естественнонаучные методы в исследованиях археологов Воронежского университета // Археология Черноземного Центра России: история исследований, историография.- Воронеж, 1999.- С.58.
- ¹⁰ Ильин А. Перечень диссертаций, защищенных в диссертационном совете исторического факультета ВГУ в 1995/96 г. // Исторические записки: Науч. труды ист. ф-та.- Воронеж, 1996.- Вып.1.
- ¹¹ Дынин В.И. Учебно-научная лаборатория "Этнография Центрально-Черноземных областей России" // Исторические записки: Науч. труды ист. ф-та.- Воронеж, 1997.- Вып.2.- С.237.
- ¹² Беседин В.И. Создание диссертационного совета по специальности "археология" // Исторические записки: Науч. труды ист. ф-та.- Воронеж, 1997.- Вып.2.- С.217.
- ¹³ Борисов И.И. Вступительное слово // Археология Черноземного Центра России: история исследований, историография.- Воронеж, 1999.- С.7.
- ¹⁴ Демидов Р.Г. Первые полевые сезоны Воронежского университета (1948-1952 гг.). Воспоминания студента-кружковца // Археология восточноевропейской лесостепи.- Воронеж, 1997.- Вып.10.- С.83.
- ¹⁵ Москаленко А.Н. О работе студенческих археологических кружков. (Из опыта кружка в Воронежском университете) // Советская археология.- 1960.- № 4.- С.216.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Программа студенческой научной конференции Воронежского государственного университета.- Воронеж, 1999.- С.1.
- ¹⁸ ГАВО, ф.33, оп.16, д.19, л.5.
- ¹⁹ Там же, л.10 об.
- ²⁰ Основные положения дипломной работы опубликованы: Сагайдак В.И. О двух группах погребений Покровских могильников в Нижнем Поволжье // Древняя история Поволжья.- Куйбышев, 1979.- Т.230.- С.57-70.
- ²¹ Скогорев А.П. А.И.Немировский и специализация по истории древнего мира на историческом факультете Воронежского университета // Норция.- Воронеж, 1999.- Вып.3.- С.28-29.
- ²² Мананчикова Н.П., Таранова В.Г. Организационная и педагогическая деятельность А.Е.Москаленко в Воронежском университете // Вопросы истории славян.- Воронеж, 1999.- Вып.14.- С.7-8.
- ²³ Там же.- С.8-9.
- ²⁴ Там же.- С.9.
- ²⁵ ГАВО, ф.33, оп.16, д.10, л.2 об.
- ²⁶ Там же, л.2 об.-3.
- ²⁷ Там же, д.19, л.1-1 об.
- ²⁸ Там же, л.57.
- ²⁹ Захаров В.В. Славяноведение на историческом факультете Воронежского университета // Вузовская историческая наука и историческое образование: Итоги и перспективы развития.- Воронеж, 1991.- С.49.
- ³⁰ Воронежский государственный университет к сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции. – Воронеж, 1957.- С.135-136.

**ПРОБЛЕМНЫЙ МЕЖВУЗОВСКИЙ СЕМИНАР
“ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ”.**

В 1996 г. в г. Воронеже начал свою работу межвузовский семинар по сравнительному изучению древних цивилизаций. На его заседаниях рассматриваются глобальные проблемы истории, археологии и культуры Евразии, в силу разных причин оставшиеся за рамками нашего традиционного университетского образования. Семинар создан по инициативе профессора ВГУ А.П. Медведева, который является его бессменным руководителем. Активными участниками заседаний являются студенты, аспиранты и преподаватели ВГУ, ВГПУ, ВГТА, аспиранты Института археологии РАН, научные сотрудники Госинспекции охраны историко-культурного наследия, а также учителя и учащиеся некоторых воронежских колледжей и гимназий, историки, археологи, философы, филологи, этнографы и представители других гуманитарных наук. Семинарские занятия проводятся в конференц-зале Госинспекции охраны историко-культурного наследия Воронежской области (п-т Революции, 3) по пятницам в 19⁰⁰ раз в две недели. Обычно на каждое заседание собирается 20-25 участников.

Сама работа семинара строится по тематическому признаку. Как правило, в течение учебного года рассматривается одна большая сквозная проблема. К каждому заседанию заранее готовятся и раздаются участникам программы с темой и тезисами предстоящего доклада, рекомендуемой литературой и предлагаемыми на обсуждение вопросами. Докладчик зачитывает сообщение (от 20 до 40 мин). Затем задаются вопросы и высказываются все желающие. После этого дискуссия переходит в свободный обмен мнениями за чайным столом. Обычно каждое заседание длится 3-4 часа. За три года было заслушано и обсуждено свыше 20 докладов.

ХРОНИКА СЕМИНАРА. 1996-2000 гг.

1996/1997 гг.

18 октября 1996 года состоялось первое учредительное семинара, на котором выступил проф. **А.П. Медведев**. Он изложил свой замысел организации семинара и предложил собравшимся основные направления и принципы его работы. Докладчик обратил внимание на то, что в современной отечественной науке и особенно в системе высшего образования отсутствуют целые направления и пласты гуманитарного знания, которые до последнего времени практически не затрагивались в университетских лекциях то ли в силу их “нетрадиционности”, то ли из-за явной

идеологической непригодности. В качестве примера можно привести т.н. арийскую проблему, ставшую исключительно популярной в последние годы.

В современной России ее актуализация была обусловлена как объективными причинами (сенсационные открытия археологов на Южном Урале), так и субъективными факторами (потребностями “компенсирующего сознания”). В тоже время, недостаточное количество надежных источников для решения этой проблемы, а также характерное для нашей науки жесткое разделение труда между специалистами (историками, археологами, лингвистами), привело к тому, что сейчас появилась целая серия трудов, ошеломляющих своими “открытиями”, методике, нашедших довольно широкий круг своих читателей. В результате вместо серьезного научного решения в России конца XX вв. начала рождаться новая арийская мифология, которой явно или косвенно подыгрывают и некоторые маститые ученые. Сейчас она расцветает буйным цветом на благодатной почве постсоветской России и Украины.

Не менее актуален анализ и научное развенчание т.н. “новой хронологии” Н. Фоменко и его сторонников, фактически уничтожающей большую часть Всемирной истории и всю домосковскую Русь. Эти и подобные “феномены”, паразитирующие на живом древе познания, должны привлечь внимание участников семинара. По мнению докладчика, его работу должен отличать междисциплинарный подход, опирающийся на высокопрофессиональный синтез самых разных типов исторических источников. Поэтому в качестве основной темы семинаров 1996-1997 гг. А.П. Медведев предложил рассмотреть индо-европейскую проблему.

6 и 22 ноября 1996 г. заслушан доклад **Медведева А.П.** *“Индоевропейцы: проблема истоков, поиск прародины, археологические соответствия”*. В нем отмечалось, что в западноевропейских университетах индоевропеистика изучается уже около 200 лет, в то время как современном российском гуманитарном образовании эта дисциплина просто отсутствует. В то же время, без решения этой проблемы невозможно познать реальные истоки европейской цивилизации, как, впрочем, и Руси. Ее объектом является изучения языка, материальной культуры, социальной организации индоевропейцев. Определенные успехи в определении гипотетической прародины индоевропейцев достигнуты лингвистами. Вопреки традиционному мнению большинства отечественных археологов, новейшие, в том числе археологические открытия скорее свидетельствуют в пользу переднеазиатской “прародины” первых индоевропейцев и расселения предков индоиранцев по тому пути, который был намечен Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Ивановым.

14 декабря 1996 г. студентка 5 курса исторического факультета ВГУ **Ю.В. Олейник** выступила с докладом *“Древние индоиранцы и археологические реалии”*. Опираясь на новейшие результаты археологических исследований, она отстаивала точку зрения большинства отечественных археологов об арийской принадлежности скотоводческих культур эпохи бронзы. Однако в процессе обсуждения выявились не только сильные, но и слабые стороны этой популярной гипотезы, в частности, ее крайне слабая аргументация на источниковом уровне.

27 декабря 1996 г. аспирант ВГУ **И.Е. Сафонов** сделал доклад о *“Ригведе” как одном из древнейших письменных источников по арийской проблеме*. Подробно была разобрана структура и особенности ее текста, освещены спорные вопросы хронологии. Автор доклада в вопросе о времени составления Ригведы придерживается точки зрения Т.Я. Елизаренковой. Детально была проанализирована мифология Вед.

14 февраля 1997 г. преподаватель ВГПУ **Ю.А. Чекменев** выступил с докладом об *“Авесте” - священной книге зороастрийцев и одному из важнейших источников по истории древнейших ираноязычных племен*. Докладчик осветил структуру “Авесты”, многослойность ее исторического содержания, обратил внимание на некоторые черты материальной культуры и социальной организации “народа Авесты”, которые находят определенные соответствия и в материалах новейших археологических раскопок.

14 марта 1997 г. научный сотрудник Госинспекции ОИКН Воронежской области **В.Н. Ковалевский** выступил с докладом о *памятниках эпохи бронзы типа Синташты и Аркаима*. Их поселения и погребальный обряд во многом соответствуют арийским реалиям “Ригведы” и “Авесты”. Наличие сложной радиально-кольцевой планировки и мощной системы оборонительных укреплений на южноуральских поселениях не укладывается в традиционные представления о низком уровне социального и культурного развития скотоводов эпохи среднего бронзового века”. Сегодня большинство исследователей склоняются к мысли о индоиранской принадлежности этих ярких памятников.

11 апреля 1997 г. **А.П. Медведев** прочитал доклад *“Жорж Дюмезиль и его теория троичной социальной структуры индоевропейцев в свете новейших открытий”*. Эта ставшая в последние годы необычайно популярной среди историков и археологов теория проста, логична и на первый взгляд весьма убедительна. По Дюмезилю каждое благоустроенное общество индоевропейцев должно было состоять из трех сословий – жрецов, воинов и земледельцев. Строгая иерархичность подкреплялась не только внешними атрибутами (цвет одежды), но и эндогамией. Однако А.П. Медведеву удалось показать ряд вопиющих несоответствий основ-

ных положений теории Дюмезиля объективным данным письменных и археологических источников. В частности, докладчик рассмотрел критерии, по которым в современной археологии определяются т.н. жреческие погребения. Была показана методическая некорректность такого выделения.

Доклад полностью опубликован: Медведев А.П. В поисках древнейших социальных структур индоевропейцев (к 100-летию Ж. Дюмезиля) // Вестник ВГУ. Гуманитарная серия.1997.Вып.2; Он же. Об атрибуции “жреческих” погребений у ираноязычных номадов II-I до н.э. // Исторические записки. Воронеж, 1997. Вып.2.

25 апреля 1997 г. проведено *заключительное заседание годового семинара*, на котором были подведены итоги и намечены перспективы его работы на следующий год.

1997/1998 гг.

17 октября 1997 г. семинар возобновил свою работу возобновил свою работу. Профессор **А.П. Медведев** в качестве сквозной темы работы семинара на 1997-1998 гг. предложил: *“Время мифа и время истории”*. Он обратил внимание слушателей на важность и неоднозначность категории “историческое время”. Не менее актуальны для гуманитариев и другие виды восприятия времени: мифологическое, эпическое, сакральное, которые так или иначе обуславливают циклические, линейные, спиральные и прочие исторические концепции. В семинаре будут сопоставлены исторические и археологические системы хронологии, а также парадоксы современного радиоуглеродного датирования. Нельзя оставить без внимания и т.н. “новую хронологию” А.Т. Фоменко, которая нашла в России широкий круг своих поклонников.

31 октября 1997 г. преподаватель ВГПУ **Ю.А. Чекменев** выступил с докладом *“Западноевропейские героические эпосы — проблема отражения исторической реальности”*. В качестве объекта анализа были взяты немецкий и древнеирландский эпосы. По утверждению докладчика, перед их авторами не стояла задача воссоздать реальную историю, хотя в основе каждого эпоса лежит все-таки какое-то (не обязательно важное) историческое событие. Затем возникает устное предание о нем, позже переложенное на бумагу. И лишь спустя столетия, преломляясь через призму сознания современного исследователя, эпическое событие доходит до нас часто уже как исторический факт. Можно ли ему доверять? Здесь точки зрения автора сообщения и слушателей несколько разошлись. В частности, по утверждению А.О. Амеликина, эпос рукотворен. В тот момент, когда он ложится на бумагу, он и умирает. Мы же пользуемся уже письменными источниками, которые надо уметь правильно трактовать. А.П. Медведев, привел примеры из греческого героического

эпоса, высказал точку зрения о том, что такой эпос часто отображает реальную историческую эпоху (или эпохи).

12 ноября 1997 г. доцент ВГПУ **А.О. Амелькин** сделал сообщение на тему *“Исторические события в русском фольклоре”*. На материалах былин он достаточно убедительно показал, на какую глубину в действительности русские люди помнили свое прошлое. На ряде конкретных примеров докладчику удалось ярко раскрыть специфику отражения исторического прошлого в русских былинах. Основной тезис его выступления сводилось к тому, что в былинах киевского цикла какой-либо аутентичной информации о Киевской Руси не содержится. Они возникли позже, в XV-XVII вв. Поэтому фольклор — памятник того времени, когда он был записан. Доклад А.О. Амелькина вызвал бурную дискуссию. Поэтому его обсуждению было посвящено следующее заседание **12 декабря** того же года, на которое были приглашены специалисты по отечественной средневековой истории (О.В. Скобелкин, А.И. Филюшкин). Здесь **А.О. Амелькин** сделал небольшой доклад на тему: *“Было ли пьянство в средневековой Руси?”*, где отстаивал мысль, что в IX-XV вв. на Руси не знали алкоголизма, пили весьма умеренно. Сама водка и традиция пьянствовать были позже занесены из-за границы и не являются русским явлением. Аргументация докладчика подверглась резкой критике, ему было указано на не соответствие его концепции источникам (княжеские уставы, церковные поучения, “Стоглав” и т.д.).

20 февраля 1998 г. заслушан доклад студента 2 курса исторического факультета ВГУ **Ефремов М.А.** *“Время в Библии”*. Рассмотрено две системы времени нашедшие отражение в этом выдающемся памятнике — линейное и циклическое. Доклад вызвал ряд возражений со стороны доц. А.О. Амелькина, который усмотрел у докладчика методически неверный подход к изучению источника. На его взгляд, если рассматривается хронология внутренняя, зафиксированная Библией, то будет неверным обращаться к хронологии внешней — к небиблейским сюжетам. Однако этот тезис не получил поддержки у большинства участников семинара.

6 марта 1998 г. проф. **А.П. Медведев** сделал доклад *“Представления о времени в античном мире”*. По его мнению, взгляды на хронологию у греков и римлян были богаче, чем на Древнем Востоке. Известно не менее трех одновременно сосуществующих концепций времени: 1) циклическая; 2) линейно-регрессивная (концепция упадка); 3) линейно-восходящая (идея исторического прогресса). Первая уходила своими корнями в мифологическое сознание, где “миф — машина для уничтожения времени”. Вторая нашла свое выражение в идее “Золотого века”, впервые обоснованной в VII до н.э. Гесиодом. Третья наиболее полно воплотилась в эллинском мифе о Прометее и нашла теоретическое обос-

нование у Демокрита и Лукреция Кара. Активный и напряженный городской образ жизни в эллинистическую и римскую эпоху требовал наличия часов. В том, что они уже были в III в. до н.э. (песочные, водяные, солнечные и, возможно механические) нет никакого сомнения (упоминания письменных источников, находки археологов).

20 марта 1998 г. студент 3 курса исторического факультета ВГУ **В.А.Гончаров** выступил с докладом *“Новая хронология” и реалии истории*. Основы современной хронологии Всемирной истории была разработана лишь в XVI веке, благодаря трудам Скалигера и Петавиуса. И поскольку ранее единой хронологической системы не было, то сейчас возникают некоторые ошибки в датировании некоторых событий Древней истории. Причина этого — противоречия между расчетами Дионисия Малого и современными научными данными. Данным обстоятельством “воспользовался” А.Т.Фоменко, который в 80-годы начал активно разрабатывать т.н. “новую хронологию”. Он в корне отверг все современные датировки по древней и раннесредневековой истории. В итоге “удалось” до неузнаваемости “переписать” традиционную историю, из которой была полностью исключена Античность и Раннее Средневековье.

В.А. Гончаров указал на явные погрешности “методики” А.Т. Фоменко и крайне тенденциозное его обращение с историческими фактами. Главный прием этого автора — “отбрасывание” материала, не ведущего к нужным результатам. Подобные “изысания” чрезвычайно опасны, тем более, что они широко популяризируются некоторыми преподавателями высшей и средней школы. Это приводит в конечном итоге к искаженному пониманию истории. В обсуждении доклада предпринимались попытки рассмотреть природу этого “феномена”.

3 апреля 1998 г. доцент ВГУ **В.И. Беседин** ознакомил участников семинара с *современным состоянием и перспективами разработки хронологических систем эпохи бронзы Средиземноморья и степной полосы Евразии*. Докладчик указал на целый ряд объективных трудностей, не способствовавших разработке локальных систем хронологии даже для таких хорошо изученных областей, как Крито-Микенская Греция. Он продемонстрировал ряд конкретных примеров явного “удревнения” памятников археологии в Южном Зауралье, датированных радиоуглеродным методом. При обсуждении доклада выступавшие также высказались против абсолютизации результатов радиоуглеродного датирования. В.И. Беседину удалось детально продемонстрировать, как “рождается дата в археологии”.

16 апреля 1998 г. **А.П. Медведев** прочитал внеплановый доклад *“Михаил Иванович Ростовцев”*. Поводом послужило издание новой книги об этом выдающемся отечественном ученом-энциклопедисте (“Скиф-

ский роман”. СПб., 1997). Он принадлежит к весьма немногочисленной плеяде исследователей самого высокого научного ранга. К сожалению, М.И. Ростовцев большую часть своей творческой жизни провел за границей. Автор многих блестящих идей, он первым выдвинул центрально-азиатскую гипотезу происхождения скифов, которая сейчас находит все новые и новые подтверждения. Докладчик осветил и преподавательскую работу М.И. Ростовцева в Санкт-Петербургском университете. На этом же заседании были *подведены итоги семинара 1997-1998 гг.*

1998/1999 гг.

23 октября 1998 г. А.П. Медведев выступил с *обоснованием темы годового семинара*. Он отметил, что одним из перспективных направлений современной гуманитарной науки является *“археология мифа”*. Она изучает, как исторические реалии превращаются в миф, и как миф творит историческую, социальную, культурную реальность. Автор является сторонником историко-культурного подхода в исследовании мифологии, который направлен на поиск и изучение земных истоков мифологических повествований. Для него характерно стремление найти связь мифа с истинным бытием человека в этом мире. В некоторых случаях такой подход позволяет выявить как, когда и из чего конкретно выростала та или иная мифологема, как она трансформировалась и модифицировалась в ходе исторического развития. Иногда это дает возможность проследить феномен, если так можно сказать, *“материализации”* мифа – процесс его превращения в явления материальной культуры, в той или иной степени находящие зримое воплощение в камне, глине, металле.

20 ноября 1998 г. аспирант ВГУ Д.В. Акимов выступил с докладом *“Храм – центр мира”*. Докладчик изложил основные положения концепции М.Элиаде, обратил внимание слушателей на ее сильные и слабые стороны. Доклад вызвал неожиданно бурную дискуссию, инициатором которой явилась группа преподавателей и студентов философско-психологического факультета ВГУ. Она в основном разгорелась вокруг вопроса о первичности идеи, или же самого храма (как архитектурного сооружения). Одним из ее результатов было решение рассмотреть этот вопрос на конкретном материале различных древних религий.

11 декабря 1998 г. заслушан доклад аспирантки Института археологии РАН Т.В. Корниенко *“Первые храмы Месопотамии и мифология”*. Автор непосредственно участвует в археологических раскопках древнейших храмов Месопотамии и блестяще владеет материалом. Ею были определены критерии определения древних церемониальных центров, истоки их появления. Сложность выделения исключительно культовых сооружений в поселках раннеземледельческих культур связана, по мнению Т.В. Корниенко, в первую очередь с тем, что сферы сакрального и про-

фанного в этих культурах были еще почти неразделимы. По ее мнению, первые храмы возводились как жилище бога, однако вход туда до появления жречества и проведения тайных церемоний был свободен для рядовых общинников. Древнейшие из известных сейчас свидетельств отправления обрядов в постройках Месопотамии обнаружены в поселении Умм Дабагия (сер. VII тыс. до н.э.), где сохранились остатки росписи стен красной краской. Доклад сопровождался показом слайдов, сделанных автором на раскопках самых ранних в истории человечества культовых мест.

25 декабря 1998 г. аспирант ВГУ **И.Е. Сафонов** прочитал доклад “Календарная символика у степных племен эпохи бронзы”. Проведя анализ орнамента 104 сосудов племен срубной культуры, автор пришел к выводу, что есть основания говорить о существовании во второй половине II тыс. до н.э. “настоящих календарей-численников”. Год у срубников делился на две части – зимнее и весенне-осеннее времена года - и на 13 более мелких (месяцы?). Основу же календарной системы составлял лунный синодический год. При обсуждении доклада вспыхнула дискуссия о правомерности поиска “древних календарей” именно на керамических сосудах. В частности, В.Н. Ковалевский привел целый ряд доказательств о невозможности интерпретации орнамента сосудов как древних календарей. Основным аргументом служит отсутствие каких-либо достоверных этнографических параллелей.

12 февраля 1999 г. профессор **А.П. Медведев** в докладе на тему “К истокам мифологии древних сакральных центров (Авестийский “город Йиме)” рассмотрел авестийский миф о первоцаре Йиме, который построил для спасения людей Вару. В 80-е гг. археологи раскопали в Южном Зауралье несколько поселений радиально-круговой планировки, схожих с мифической Варой. Последовательное сопоставление схемы поселений типа Аркаима с Варой и более поздними культовыми кругло-плановыми сооружениями иранцев позволило автору продемонстрировать как культурно-исторические реалии превращались в миф, и как в свою очередь миф творил новую реальность. По предположению докладчика, символика священной Вары могла найти отражение в орнаментации сармато-аланских зеркал радиально-круговой схемы.

26 февраля 1999 г. Студент 4 курса исторического факультета **В.А. Гончаров** выступил с докладом “ROMA AETERNA и римский миф”. Докладчик раскрыл основное содержание “римского мифа” - пожалуй, самого раннего образца т.н. “национальной идеи”. На ряде конкретных примеров он продемонстрировал его позитивную роль в укреплении и расширении *imperiū romanū*. “Римский миф” был завершен в эпоху Августа. В эпоху принципата он постепенно отмирает. По существу, на

смену ему приходит идеология раннего христианства с совершенно иной системой ценностей. В.А. Гончаров проанализировал парадигму “Вечного Рима” и ее конкретные воплощения в истории Западной Европы и России. Докладчик наглядно показал, какой созидательной силой обладают идеи, если они овладевают массами.

19 марта 1999 г. доцент **А.О. Амелькин** прочитал доклад “*Православный храм в макрокосме и микрокосме*”. В отличие от языческих святилищ, христианский храм не воспринимается как место жительства Бога. Он открыт для верующих. Интересно, что в античных и древневосточных храмах основные ритуалы совершались перед сооружением, а не внутри его. Для понимания данного факта А.О. Амелькин проследивает развитие литургического действия. После Миланского эдикта 313 г. христианские храмы первоначально строили в виде базилики с разделением ее внутреннего пространства на нефы, что рождало систему символов: мир – житейское море, а храм – корабль в котором его можно переплыть; в виде ротонды (круг, символизирующий вечность и Вселенную) и др. Со временем выработался и новый тип православного храма – крестовокупольный. Докладчик обратил внимание на то, что не смотря на многообразие типов христианских храмов, внутренняя сакральная структура храмового пространства осталась, в принципе одинаковой.

2 апреля 1999 г. с докладом выступил к.и.н., преподаватель ВГУ **А.И.Фильюшкин** “*Символика святых городов в культуре средневековой Руси*”. В церковно-богословском и народном сознании средневековой Руси было широко распространено представление о Русской земле как образе обетованной земли Царствия Небесного. Все это нашло воплощение в архитектурных композициях, в иконописи, в памятниках литературы, публицистике и официальной идеологии. В докладе рассмотрена идея *translatio imperii*. Примерами воплощения этой идеи в жизнь являются многочисленные архитектурные комплексы, среди которых Лобное место на Красной площади, Спаская башня как Золотые ворота и др.

1999/2000 гг.

Семинар после краткого перерыва, связанного с пребыванием А.П. Медведева в Германии, продолжает свою работу. На 1999 - 2000 гг. определена сквозная тема “*Этнос: современные мифы и исторические реалии*”. Предполагается заслушать и обсудить ряд актуальных проблем по этногенезу и ранней этнической истории народов нашей страны (арии, скифы, славяне, турки и др.). На сегодняшний день сделано два доклада: **18 февраля 2000 г.** выступление аспиранта ВГПУ **Ю.В. Селезнева** с докладом “*Проблемы этнического развития в концепции Л.Н. Гумилева*”. Автор изложил основные положения теории этногенеза Л.Н. Гумилева, отметил неоднозначность оценок его творчества, а также отсутст-

вие в современной науке как последователей ученого, так и цельной работы, всесторонне критикующей его учение. **3 марта 2000 г.** заслушан доклад к.и.н., преподавателя ВГУ **В.И. Дынина**: *“Современные теории этноса”*. В сообщении были представлены различные взгляды на проблему “этноса” в российских и зарубежных научных течениях. В процессе обсуждения доклада было отмечено наличие определенного противоречия в понятии “этнос” и его признаков в современных научных концепциях.

В. А. Иванов.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КРУЖОК ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ВГУ.

Путь становления воронежской археологической школы, признанной научным сообществом ¹, начался в 1948 году, когда прошло ещё совсем немного времени после окончания Великой Отечественной войны, Воронеж лежал в руинах, все факультеты университета размещались в одном здании, не хватало помещений и оборудования. Много времени студенты и преподаватели отдавали восстановлению города. Однако студенческий энтузиазм был огромен. По инициативе студентов возник и археологический кружок.

А. Н. Москаленко, руководившая кружком первые двадцать лет его работы, вспоминала: “Было это зимой 1948 г. После одной из лекций по археологии ко мне обратились три студентки – Э. Розендорн, Т. Сойхер и Н. Колодочко с предложением создать археологический кружок. Надо сказать, что это предложение застало меня в какой – то мере врасплох. Смущало то, что будущие члены кружка ещё очень мало представляли себе, что такое археология и археологические исследования. В Воронеже в ту пору почти не было археологических коллекций... В университете вообще не было не только археологических материалов, но и нужного оборудования для проведения полевых работ. К этому следует добавить, что мне самой в ту пору ещё никогда не приходилось руководить археологическими экспедициями... Однако налицо было два главных фактора. С одной стороны, желание студентов заниматься археологией, с другой – увлечённость будущего руководителя кружка своей специальностью и желание помочь студентам приобщиться к ней” ².

В этом же году кружковцы впервые приняли участие в полевых исследованиях: они работали в с. Костёнки в экспедиции АН СССР. В первой экспедиции приняли участие: В. Афонюшкин, Т. Сойхер (Сегал), И.

Романова, М. Сымонович (Владиславская), Л. Банникова. Воронежские студенты показали себя с лучшей стороны³.

В работе кружка А. Н. Москаленко выделяла несколько составляющих: во-первых—это подготовка специалистов—археологов; во-вторых—развитие у студентов навыков педагогической деятельности; и в-третьих—формирование мировоззрения, характеров кружковцев и духа товарищества в их среде⁴.

В первые годы существования кружка сложились и определенные традиции его деятельности – организационная структура, формы работы и ответственное отношение студентов к избранному делу⁵.

Для помощи руководителю кружка избирался староста, который должен был отличаться увлечённостью жизнью кружка и археологией, инициативностью, упорством в выполнении поставленных задач. Первыми старостами были З. Розендорн, П. Немченко, Л. Шарова, Н. Праслов, А. Пряхин, Н. Чеботарёва.

Научный студенческий археологический кружок никогда не являлся замкнутым сообществом, его заседания были открыты для всех желающих, однако, как писала в конце 60–х гг. А. Н. Москаленко: ” Тот, кто становится постоянным членом кружка, кто составляет его ядро, должен помнить следующее: заседания кружка – это одно из твоих важнейших дел, ты не имеешь права пропускать их без уважительной причины; доклад и любая другая работа должны быть выполнены тобою в срок.”.

Одной из форм работы кружка были заседания, обычно проводившиеся два раза в месяц. На них заслушивались и обсуждались доклады и сообщения об археологических открытиях, о проведенных полевых сезонах, о новых книгах и работе в школе. Основным направлением исследовательской работы кружка было изучение древнейшей истории Воронежского края. Это подтверждает тематика обсуждённых докладов: “Раскопки стоянки Костёнки XVII”; “Неолитические памятники на Среднем и Верхнем Дону”; “Локальные группы погребений с многоваликовой керамикой в Восточной Европе”; “Частые курганы” как исторический источник”; “Древнейшие крепости славян на Дону” и др.⁶

Лучшие доклады выдвигались на факультетскую научную конференцию и Всесоюзную студенческую археологическую конференцию. Доклады Н. Праслова, Л. Тарасова, А. Пряхина, А. Винникова, А. Синюка были признаны лучшими на всесоюзных конференциях.

Признанием роли научно–студенческого кружка в подготовке специалистов–археологов является и то, что перед кружковцами с лекциями выступали такие известные учёные, как А. Н. Рогачёв, М. М. Герасимов, П. И. Борисковский, М. Ф. Неструх, П. Д. Либеров, В. П. Алексеев.

Вторая форма деятельности кружка – это работа в экспедициях. Первоначально входившие в него студенты участвовали в работе экспедиций АН СССР. Затем, когда был приобретён достаточный опыт, начались самостоятельные полевые археологические исследования Воронежского университета. Однако сотрудничество с Академией наук продолжалось, и некоторые студенты входили в состав экспедиций, которыми руководили А. Н. Рогачёв, С. Н. Замятнин, П. Д. Либеров, Б. А. Рыбаков. Это определило судьбу отдельных кружковцев. Н. Д. Праслов, работавший в студенческие годы в с. Костёнки под началом А. Н. Рогачёва, сам впоследствии возглавил эту экспедицию. А заведующий кафедрой археологии и истории древнего мира исторического факультета ВГУ А. Д. Пряхин с благодарностью вспоминает академика Б. А. Рыбакова, руководившего раскопками Любечского замка, в которых он, будучи студентом, принимал участие⁷.

В работе кружковцев огромное значение имело развитие исторического краеведения и повышение роли в нём археологии. В кружке закладывалась модель учителя–исследователя, учителя–краеведа. В конце 60–х гг. он сотрудничал с более чем 30 школами города и области. Учащиеся принимали участие в проводимых университетом полевых археологических исследованиях, где они работали под руководством кружковцев. Организовывались совместные конференции научно – студенческого кружка и школьных краеведческих кружков. Следует отметить, что некоторые школьники затем поступали на исторический факультет и принимали активное участие в работе археологического кружка⁸.

Подводя итоги работы археологического кружка за первые 20 лет его существования, необходимо подчеркнуть то, что за эти годы он стал “основным работающим активом археологической экспедиции университета”⁹, а первые поколения кружковцев внесли заметный вклад в изучение истории Воронежского края. А. Д. Пряхин считает, что: “Далеко не последнюю роль в этом сыграли такие черты руководителя кружка, как чётко выраженная гражданская позиция, потребность мыслить широкими историческими категориями, стремление учить и учиться в непосредственном исследовательском поиске. Именно эти качества Анна Николаевна стремилась развивать в своих молодых помощниках”¹⁰.

Руководителем кружка в конце 60–х гг. стал А. Д. Пряхин. Под его контролем была продолжена работа археологического кружка по традиционным направлениям. Члены кружка участвовали в работе новострочной экспедиции Института археологии АН СССР и ВГУ в зоне строительства воронежского водохранилища, общее руководство которой осуществлял вначале П. Д. Либеров, затем Б. Г. Тихонов¹¹. Раскопки известного сегодня Мосоловского поселения металлургов литейщиков эпо-

хи бронзы на р. Битюг начались также с помощью кружковцев. На их счету и самостоятельные полевые исследования. Самые интересные студенческие работы были опубликованы¹². Были продолжены традиции участия студентов в научных конференциях, по – прежнему были крепки связи кружковцев со школьными краеведческими кружками и музеями. В работе кружка конца 60–х – начала 70–х гг. принимали участие и будущие профессиональные археологи: В. И. Сагайдак, А. Д. Дегтярёва, Ю. Г. Екимов.

С образованием в 1976 г. кафедры археологии и истории древнего мира многие функции научно–студенческого кружка перешли к системе специализации по археологии. Однако он продолжал работу, но уже в качестве своеобразного “введения в специальность”. Он воспитывал в студентах дух коллективизма и товарищества, свойственный археологам. В конце 70–х кружком руководили В. И. Беседин и А. З. Винников.

В 80–е гг., по словам А. Д. Пряхина, в полевых исследованиях больше внимания уделялось раскопкам так называемых базовых памятников: Мосоловского поселения, Пекшевского, Животинного, Семилукского городищ. Студенты – кружковцы приняли самое активное участие в их изучении. Следует также особо выделить советско–болгаро–венгерскую экспедицию, изучавшую Маяцкий археологический комплекс. Участие в ней позволило воронежским студентам приобрести опыт работы в международных экспедициях. Перед кружковцами в эти годы выступали ведущие археологи страны: С. А. Плетнёва, К. Ф. Смирнов, В. И. Гуляев. В 80–е гг. окрепли связи археологических кружков университета и педагогического института: проводились совместные научно–студенческие конференции, тематические вечера и встречи, совместные полевые исследования и т. п.¹³ Среди наиболее активных студентов тех лет можно назвать А. Н. Бессуднова, Н. А. Тропина, Е. Ю. Кудрявцеву.

90–е гг. принесли с собой изменения во всех сферах жизни общества; тяжёлое положение в науке сказалось и на работе кружка. Нет былой стабильности в его деятельности. Очень мало студентов, которые с энтузиазмом относятся к археологии. Однако, не смотря на все это, кружок, ставший неформальным объединением студентов – археологов, продолжал работу. Она строилась по традиционной схеме – это участие в полевых исследованиях, работа над научными докладами и работа со школьниками. В рамках научно–исследовательской темы “Археологические памятники Центрального Черноземья в системе историко–культурного наследия народов Российской Федерации” кружковцы провели самостоятельные полевые исследования¹⁴. Продолжилась традиция публикации лучших студенческих работ. Некоторые участники кружка начала 90–х

стали профессиональными археологами и руководителями школьных археологических кружков – это М. Н. Пичугин и В. Н. Ковалевский.

В заключении хотелось бы ещё раз подчеркнуть огромную роль студенческого археологического кружка ВГУ в истории становления “воронежской” археологии, в подготовке специалистов–археологов, в деле развития исторического краеведения и приобщения школьников к изучению древней истории нашей Родины.

¹ Плетнёва С. А. От редактора // Москаленко А. Н. Славяне на Дону (Боршевская культура). Воронеж, 1981. С. 3. и др.

² Москаленко А. Н. Студенческий археологический кружок ВГУ // Из истории Воронежского края. Вып. 3. 1969. (Тр. ВГУ. Т. 87). С. 170.

³ Там же. С.171.

⁴ Там же. С.172.

⁵ Москаленко А. Н. Увлечённые наукой // Воронежский университет. 1963. 10 декабря.

⁶ Москаленко А. Н. Студенческий археологический кружок ВГУ. С.172-174.

⁷ Пряхин А. Д. Археология... Наследие. Воронеж, 1988. С.150.

⁸ Москаленко А. Н. Студенческий археологический кружок ВГУ. С.175.

⁹ Винников А. З., Пряхин А. Д. А. Н. Москаленко – учёный и педагог // СА. 1984. № 4. С. 112 – 115.

¹⁰ Пряхин А. Д. Археологи уходящего века. Воронеж, 1999. С. 53.

¹¹ Пряхин А. Д. Археология... С. 26.

¹² Сагайдак В. И., Дегтярёва А. Д. Поселение у с. Бокино // Сборник научных студенческих работ. Воронеж, 1970. Вып. II.

¹³ Пряхин А. Д. Археология... С. 28 – 29, 155 – 156.

¹⁴ Говоров М. И. Разведка по р. Пальня // Елец и его округа (Археологические исследования 1991 г.). Воронеж, 1991; Пичугин М. Н. Разведка по р. Воронеж // Там же.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.

АО	— Археологические открытия
БСЭ	— Большая советская энциклопедия
ВГЖУ	— Воронежское губернское Жандармское управление
ВГПУ	— Воронежский государственный педагогический университет
ВГУ	— Воронежский государственный университет
ВДИ	— Вестник древней истории
ВИ	— Вопросы истории
ВОКМ	— Воронежский областной краеведческий музей
ГАВО	— Государственный архив Воронежской области
ИАЭ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИИМК АН СССР	— Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
КСИА	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
МГУ	— Московский государственный университет

МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НСК	— Научный студенческий кружок
ПЛДР	— Памятники литературы Древней Руси
РАН	— Российская академия наук
РГА ВМФ	— Российский Государственный архив Военно-Морско-го Флота (г. Санкт-Петербург).
СА	— Советская археология
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских
ЮВЖД	— Юго-восточная железная дорога

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И НАУЧНЫХ РУКОВОДИТЕЛЯХ

- М.А.Борисова** — студентка 4-го курса, специализация кафедры археологии и истории Древнего мира; науч. рук. — *к.и.н., доцент М.В. Цыбин.*
- В.А.Гончаров** — студент 4-го курса, специализация кафедры новой и новейшей истории; науч. рук. — *д.и.н. проф. А.П. Медведев.*
- Л.Ю.Гончарова** — аспирантка кафедры археологии и истории Древнего мира; науч. рук. — *д.и.н., проф. А.П. Медведев.*
- Р.В.Гулюк** — аспирант кафедры археологии и истории Древнего мира; науч. рук. — *д.и.н., проф. А.Д. Пряхин.*
- Ю.А.Дубровский** — студент 4-го курса, специализация кафедры археологии и истории Древнего мира; науч. рук. — *к.и.н., доцент М.В. Цыбин.*
- М.В.Ефремова** — аспирантка кафедры истории средних веков и славяноведения; науч. рук. *к.и.н., доцент Н.П.Мананчикова.*
- А.Н.Злобин** — студент 4-го курса, специализация кафедры истории России; науч. рук. — *к.и.н., доцент В.И.Панова.*
- А.Ю.Золоторев** — студент 4-го курса, специализация кафедры истории средних веков и славяноведения; науч. рук. — *к.и.н., доцент А.Г. Глебов.*
- В. А. Иванов** — студент 4-го курса, специализация кафедры новой и новейшей истории; науч. рук. — *д.и.н. проф. А.П. Медведев.*
- И. В. Иноземцев** — студент 4-го курса, специализация кафедры истории России; науч. рук. — *д.и.н., проф. М.Д.Карпачев.*
- М.В.Кирчанов** — студент 2-го курса, специализация кафедры новой и новейшей истории; науч. рук. — *д.и.н., проф. В.А. Артемов.*
- В.Н.Ковалевский** — соискатель кафедры археологии и истории Древнего мира, научный сотрудник Госинспекции охраны историко-культурного наследия; науч. рук. — *д.и.н., проф. А.З. Винников.*
- Д.В.Ливенцев** — аспирант кафедры отечественной истории новейшего времени и историографии; науч. рук. — *к.и.н., доцент В.И. Чесноков.*
- О.В.Михалев** — аспирант кафедры истории России; науч. рук. — *д.и.н., проф. М.Д. Карпачев.*
- А.В.Моисеев** — заведующий совместной научной лабораторией по историографии археологии Евразии ИАЭ СО РАН и ВГУ, соискатель кафедры археологии и истории Древнего мира; науч. рук. — *д.и.н., проф. А.Д. Пряхин.*
- А.А.Прпадчев** — студент 4-го курса, специализация кафедры археологии и истории Древнего мира; науч. рук. — *д.и.н., проф. А.Д. Пряхин.*
- И.А.Рунихин** — студент 4-го курса, специализация кафедры истории средних веков и славяноведения; науч. рук. — *к.и.н., старший преподаватель А.В. Афонюшкина.*
- Ю.В.Селезнев** — аспирант кафедры зарубежной истории ВГПУ; науч. рук. — *к.и.н., доцент А.О. Амелькин.*
- А.В.Фененко** — студент 5-го курса, специализация кафедры новой и новейшей истории; науч. рук. — *к.и.н., доцент С.Г. Алленов.*
- Е.А.Щепкин** — студент 5-го курса, специализация кафедры новой и новейшей истории; науч. рук. — *д.и.н., проф. В.А. Артемов.*

